

2542-1840 (PRINT)
2541-9145 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY. SERIES: HUMANITIES
AND SOCIAL SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA.
SERIIA: GUMANITARNYE
I OBSHCHESTVENNYE NAUKI

ТОМ 6 № 3
2022

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67379.
Выдано Роскомнадзором.

Издается с 2017 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-13-01; jjuredu@yandex.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Пресса России» – 94232.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал включен в базы данных: Dimensions, EBSCO, ErichPlus, Scilit, РИНЦ, Соционет.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимает. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование (Double-blind review).

Статьи распространяются на условиях лицензии
CC BY 4.0 International License.

Сведения о политике журнала, правила для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik-hss.kemsu.ru>

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Certificate of registration: PI no. FS 77-67379. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Founded in 2017. Published 4 times a year.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-13-01; jjuredu@yandex.ru

Subscription indices: 94232 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation.

The journal is registered in the following databases: Dimensions, EBSCO, ErichPlus, Scilit, RSCI, Socionet.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://vestnik-hss.kemsu.ru>

16+

Контакты для сотрудничества / Contacts for co-operation:

Морозова Ирина Станиславовна, главный редактор (КемГУ)
Irina S. Morozova, Editor-in-Chief
ishmorozova@yandex.ru

Трезубов Егор Сергеевич, зам. главного редактора по направлению «Право» (КемГУ)
Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief in the direction of Law
egortrezubov@mail.ru

Печёнкина Екатерина Андреевна, ответственный секретарь
Ekaterina A. Pechenkina, Executive Secretary
jjuredu@yandex.ru

Морозова Ирина Станиславовна

главный редактор, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Трезубов Егор Сергеевич

зам. главного редактора, канд. юрид. наук, КемГУ (Кемерово, Россия).

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Law), Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Абросимова Елена Антоновна

д-р юрид. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Elena A. Abrosimova, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia).

Агавелян Рубен Оганесович

д-р психол. наук, проф., НГПУ (Новосибирск,
Россия).

Ruben O. Agavelyan, Dr.Sci. (Psychol.),
Prof., Novosibirsk State Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia).

Алмазова Анна Алексеевна

д-р пед. наук, доцент, МПГУ (Москва, Россия).

Anna A. Almazova, Dr.Sci. (Ed.), Ass. Prof., Moscow
Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Аничкин Евгений Сергеевич

д-р юрид. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

Evgeniy S. Anichkin, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Altay State University (Barnaul, Russia).

Ахметова Дания Загриевна

д-р пед. наук, проф., КИУ (Казань, Россия).

Daniya Z. Akhmetova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kazan Innovative University (Kazan, Russia).

Бабурич Сергей Николаевич

д-р юрид. наук, проф., ИГП РАН (Москва, Россия).

Sergey N. Baburin, Dr.Sci. (Law), Prof., The Institute
of State and Law of The Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia).

Брановицкий Константин Леонидович

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ (Екатеринбург,
Россия).

Konstantin L. Branovitsky, Dr.Sci. (Law),
Ass. Prof., Ural State Law University (Ekatarinburg,
Russia).

Веряев Анатолий Алексеевич

д-р пед. наук, проф., АлтГПУ (Барнаул, Россия).

Anatoliy A. Veryaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia).

Гаврилов Станислав Олегович

д-р ист. наук, канд. юрид. наук, проф., КемГУ
(Кемерово, Россия).

Stanislav O. Gavrilov, Dr.Sci. (Hist.), Cand.Sci.
(Law), Prof., Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia).

Грицков Юрий Викторович

д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Yuriy V. Gritskov, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Гусев Алексей Николаевич

д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Aleksey N. Gusev, Dr.Sci. (Psychol.), Prof.,
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia).

Жданова Светлана Юрьевна

д-р психол. наук, доцент, ПГНИУ (Пермь, Россия).

Svetlana Yu. Zhdanova, Dr.Sci. (Psychol.),
Ass. Prof., Perm State University (Perm, Russia).

Жукова Ольга Ивановна

д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Olga I. Zhukova, Dr.Sci. (Philos.), Prof., Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia).

Золотухин Владимир Михайлович

д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).

Vladimir M. Zolotukhin, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Kuzbass State Technical University (Kemerovo,
Russia).

Калашникова Марина Борисовна

д-р психол. наук, проф., НовГУ (Великий Новгород,
Россия).

Marina B. Kalashnikova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Novgorod State University (Velikiy Novgorod,
Russia).

Ким Юрий Владимирович

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Yuriy V. Kim, Dr.Sci. (Law), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Кощеев Константин Леонидович

специальный редактор, Арбитражный суд
Кемеровской области (Кемерово, Россия).

Konstantin L. Koshcheev, special ed., Arbitration
court of Kemerovo region (Kemerovo, Russia).

Красиков Владимир Иванович

д-р филос. наук, проф., ВГУЮ (РПА Минюста
России) (Москва, Россия).

Vladimir I. Krasikov, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
All Russian State University of Justice (RLA
of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia).

Курдуманова Ольга Ивановна

д-р пед. наук, проф., ОмГПУ (Омск, Россия).

Olga I. Kurdumanova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Ляковска Катаржина

д-р права (habil), проф., Белостокский университет
(UwB, Белосток, Польша).

Katarzyna Laskowska, Dr. hab. (Law), Prof.,
University of Bialystok (UWB, Bialystok, Poland).

Мардахаев Лев Владимирович

д-р пед. наук, проф., РГСУ (Москва, Россия).
Lev V. Mardakhaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Russian State Social University (Moscow, Russia).

Московченко Ольга Никифоровна

д-р пед. наук, проф., КГПУ им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия).
Olga N. Moskovchenko, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical
University (Krasnoyarsk, Russia).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Boris P. Nevzorov, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Немытина Марина Викторовна

д-р юрид. наук, проф., РУДН (Москва, Россия).
Marina V. Nemytina, Dr.Sci. (Law), Prof.,
RUDN University (Moscow, Russia).

Осипова Светлана Ивановна

д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Svetlana I. Osipova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Остапович Игорь Юрьевич

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ (Екатеринбург,
Россия).
Igor Yu. Ostapovich, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Ural State University of Law (Ekaterinburg, Russia).

Плаксина Татьяна Алексеевна

д-р юрид. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Tatiana A. Plaksina, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Россинский Сергей Борисович

д-р юрид. наук, доцент, Институт государства
и права РАН (Москва, Россия).
Sergey B. Rossinskiy, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Institute of State and Law, Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia).

Самович Юлия Владимировна

д-р юрид. наук, проф., Казанский филиал РГУП
(Казань, Россия).
Yulia V. Samovich, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kazan branch of the Russian State University of Justice
(Kazan, Russia).

Филатова Ульяна Борисовна

д-р юрид. наук, доцент, ИГУ (Иркутск, Россия).
Uliana B. Filatova, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

Халяпина Людмила Петровна

д-р пед. наук, проф., СПбПУ Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия).
Ludmila P. Khaliapina, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia).

Черненко Тамара Геннадьевна

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Tamara G. Chernenko, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Чурекова Татьяна Михайловна

д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).
Tatiana M. Churekova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo,
Russia).

Шевелева Светлана Викторовна

д-р юрид. наук, проф., ЮЗГУ (Курск, Россия).
Svetlana V. Sheveleva, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Southwest State University (Kursk, Russia).

Шепель Тамара Викторовна

д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Tamara V. Shepel, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Яковлева Ирина Михайловна

д-р пед. наук, проф., МГПУ (Москва, Россия).
Irina M. Yakovleva, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Moscow
Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Ящук Татьяна Федоровна

д-р юрид. наук, проф., ОмГУ (Омск, Россия).
Tatiana F. Yashchuk, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Omsk State University (Omsk, Russia).

КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ

Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Особенности сенсомоторных и перцептивных процессов у детей младшего школьного возраста с тяжелыми множественными нарушениями развития
Толкачева А. В., Белогай К. Н.

163

ПЕДАГОГИКА

Коррекционная педагогика

Особенности социализации лиц с различным временем наступления инвалидности

Тельминова К. В.

172

Методология и технология профессионального образования

Формирование профессионально важных личностных качеств будущего горного инженера в условиях дуального обучения в Кемеровской области – Кузбассе

Григорьева Н. В.

181

Формирование цифровых компетенций педагогов в процессе повышения квалификации в условиях цифровой трансформации образования

Широколобова А. Г., Ларионова Ю. С., Ачкасова О. Г., Широколов Г. В.

189

Мобильные технологии в развитии межкультурной компетенции студентов-международников в рамках занятий по иностранному языку

Юрченко М. А.

198

Общая педагогика, история педагогики и образования

Технологии формирования культуры здоровья у взрослого населения

Картавцева А. П., Маханькова Н. А., Маханькова П. Д., Похорюков О. Ю.

206

Теория и методика обучения и воспитания

Особенности профессиональной деятельности учителя в условиях цифровой трансформации образования

Шульга И. И.

216

ПРАВО

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Государственно-правовой смысл Всеславянского союза при современном цивилизационном кризисе (к 200-летию Н. Я. Данилевского)

Бабурин С. Н.

222

О некоторых проблемах квалификации правомерного причинения вреда при экоделикте

Переладов А. В.

229

Теоретико-исторические правовые науки

Правовые аспекты экспорта леса в советской и современной России: сравнительный анализ

Винниченко О. Ю., Сахибов К. В.

242

Ответственность в сфере физической культуры и спорта

Коваленко Е. Ю., Тыдыкова Н. В.

249

Уголовно-правовые науки

Эволюция законодательной регламентации конфискации имущества в отечественной правовой системе

Горбачев И. С.

255

COGNITIVE SCIENCES

Interdisciplinary Cognitive Studies

Sensorimotor and Perceptual Processes in Children of Primary School Age with Multiple Developmental Disorders

Tolkacheva A. V., Belogai K. N.

163

PEDAGOGY

Correctional Pedagogy

Age-Related Socio-Psychological Features of Socialization

Telminova K. V.

172

Methodology and Technology of University Education

Developing Professionally Important Personal Qualities of a Future Mining Engineer in the Conditions of Dual Training in Kuzbass

Grigoreva N. V.

181

Pedagogical Staff and Digital Competencies:

Professional Development in the Academic Digitalization

Shirokolobova A. G., Larionova Ju. S., Achkasova O. G., Shirokolobov G. V.

189

Mobile Technologies for Developing Intercultural Competence in Students of International Relations at Foreign Language Classes

Yurchenko M. A.

198

General Pedagogy, History of Pedagogy and Education

Forming a Culture of Health in the Adult Population

Kartavtseva A. P., Makhankova N. A., Makhankova P. D., Pokhorukov O. Yu.

206

Theory and Methodology of Education and Upbringing

Teaching Activity in the Context of Digital Education

Shulga I. I.

216

LAW

Public and State Law

State and Legal Meaning of the Pan-Slavic Union in the Crisis of Modern Civilizational: N. Ya. Danilevsky's 200th Anniversary

Baburin S. N.

222

On Some Problems of Qualification of Lawful Infliction of Harm in Case of Environmental Tort

Pereladov A. V.

229

Theoretical and Historical Legal Sciences

Legal Aspects of Forest Export in Soviet and Modern Russia: Comparative Analysis

Vinnichenko O. Yu., Sakhibov K. V.

242

Responsibility in Physical Culture and Sports

Kovalenko E. Yu., Tydykova N. V.

249

Criminal Law

The Evolution of the Legislative Regulation of the Confiscation of Property in the Domestic Legal System

Gorbachev I. S.

255

оригинальная статья

Особенности сенсомоторных и перцептивных процессов у детей младшего школьного возраста с тяжелыми множественными нарушениями развития

Толкачева Анастасия Викторовна

Общеобразовательная школа психолого-педагогической поддержки № 101, Россия, Кемерово

Белогай Ксения Николаевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0002-7033-6584>
belogi@mail.ru

Поступила 15.05.2022. Принята после рецензирования 15.06.2022. Принята в печать 20.06.2022.

Аннотация: Цель – выявить особенности сенсомоторных и перцептивных процессов у детей с тяжелыми множественными нарушениями развития. Предмет исследования – характеристики сенсомоторных процессов, зрительно-моторной координации, ощущений и перцепции детей младшего школьного возраста (9–11 лет). В исследовании приняли участие 40 обучающихся Общеобразовательной школы психолого-педагогической поддержки № 101 г. Кемерово. Основным диагностическим инструментом выступала методика Н. И. Озерецкого и М. О. Гуревича, объединяющая комплекс диагностических заданий, направленных на измерение уровня моторного и перцептивного развития ребенка. В основу экспериментального исследования были положены элементы нейропсихологического подхода. Занятия по развитию сенсомоторных и перцептивных процессов были направлены на формирование у детей указанной категории целенаправленных произвольных действий с предметами и материалами; обогащение чувственного опыта в процессе систематического воздействия на сохранные анализаторы; развитие зрительно-моторной координации и формирование умения ориентироваться в различных свойствах предметов. Отобранные для работы упражнения имели нейропсихологическую направленность; способствовали формированию навыков ориентации в схеме собственного тела и ориентировки в пространстве относительно предметов; компенсации остаточных рефлексов; развитию речевой и общемоторной ритмизации при помощи работы на ортопедических ковриках, упражнений с массажными мячиками, мячиками суджок, упражнений на зрительно-моторное восприятие и интеграцию, упражнений по методу мозжечковой стимуляции *Balametrics*. Статистическая обработка результатов исследования показала положительную динамику в сенсомоторных и перцептивных процессах за исключением сложных форм восприятия – восприятия пространства и времени.

Ключевые слова: сенсомоторная сфера, перцептивные процессы, когнитивная реабилитация, сенсомоторная координация, младший школьный возраст, дети с тяжелыми множественными нарушениями развития, метод мозжечковой стимуляции

Цитирование: Толкачева А. В., Белогай К. Н. Особенности сенсомоторных и перцептивных процессов у детей младшего школьного возраста с тяжелыми множественными нарушениями развития. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 3. С. 163–171. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-163-171>

full article

Sensorimotor and Perceptual Processes in Children of Primary School Age with Multiple Developmental Disorders

Anastasia V. Tolkacheva

Secondary School of Psychological and Pedagogical Support No. 101, Russia, Kemerovo

Ksenia N. Belogai

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0002-7033-6584>
belogi@mail.ru

Received 15 May 2022. Accepted after peer review 15 Jun 2022. Accepted for publication 20 Jun 2022.

Abstract: The article focuses on sensorimotor and perceptual processes in primary school children with multiple developmental disorders. The study involved 40 children aged 9–11 with multiple developmental issues. All the participants studied at the Secondary School of Psychological and Pedagogical Support No. 101 (Kemerovo, Russia). The experiment relied on the method developed by N. I. Ozeretskiy and M. O. Gurevich as the main diagnostic tool. The method combines a set of diagnostic tasks aimed at measuring the level of motor and perceptual development in children. The experimental study

also included elements of the neuropsychological approach. The authors designed and conducted a series of practice sessions on the development of sensorimotor and perceptual processes. The neuropsychological exercises developed purposeful voluntary actions with objects and materials, improved available sensory experience, increased visual-motor coordination, sharpened the ability to navigate in various physical environments, and improved body control. They facilitated the compensation of residual reflexes, as well as the development of speech and general motor rhythmization. The exercises involved orthopedic mats, massage balls, tasks on visual-motor perception and integration, *Balameetrics* cerebellar stimulation, etc. Statistic results showed a positive trend in the sensorimotor and perceptual processes, except for complex forms of space and time perception. **Keywords:** sensory sphere, perceptual processes, cognitive rehabilitation, visual-motor coordination, primary school age, children with multiple developmental disorders, cerebellar stimulation method

Citation: Tolkacheva A. V., Belogai K. N. Sensorimotor and Perceptual Processes in Children of Primary School Age with Multiple Developmental Disorders. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(3): 163–171. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-163-171>

Введение

На современном этапе развития общества с его переоценкой ценностей значимое место приобретают новое педагогическое пространство и включение всех детей в общество [1; 2]. Рост количества детей с особыми образовательными потребностями и появление все большего числа детей с тяжелыми множественными нарушениями развития (ТМНР) в специализированных образовательных организациях смещают акцент с процесса обучения на когнитивную реабилитацию и психологическую поддержку детей. Познание окружающего мира любым ребенком начинается с развития двигательной активности за счет развития восприятия. «Дети с ТМНР не проявляют интереса к окружающему миру, поэтому необходимо обогащать и накапливать чувственный опыт ребенка, учить быть внимательным к тому, что его окружает» [3, с. 297]. Решение данной задачи возможно благодаря развитию сенсомоторных и перцептивных навыков ребенка.

Как отмечает исследователь проблем психомоторики и перцепции Ю. И. Родин, термин *психомоторика* появился благодаря работам И. М. Сеченова, который «впервые показал психическую обусловленность движений человека, которая выражается в способности... эффективно ими управлять» [4, с. 390]. Идея была подхвачена Н. И. Озерецким и М. О. Гуревичем, определяющими психомоторику как «взаимосвязь сознательного, автоматического и автоматизированного компонентов движения» и предлагающими классифицировать движения по механизму управления [4, с. 390].

Ж. И. Шиф с соавторами [5] и С. Я. Рубинштейн [6] к главным симптомам умственной отсталости относили аномальное развитие ощущений и восприятия у детей, тормозящее развитие всех психических процессов, а Л. С. Выготский отмечал, что коррекция двигательной сферы у детей, относительно независимой от высших интеллектуальных функций, дает богатые возможности для компенсации дефекта [7, с. 22].

Общая характеристика психического развития детей с ТМНР

Особую категорию среди воспитанников специализированных образовательных организаций составляют дети с ТМНР. Если к началу 2000-х гг. количество таких детей

составляло 14–15 % от общего числа детей с умственной отсталостью, то на сегодняшний день оно превысило 50 % [8, с. 25]. У детей с ТМНР мышление беспорядочное, имеющиеся представления и понятия используются бессистемно. Смысловые связи слабы или отсутствуют, устанавливаются трудно; характерна инертность; мыслительной деятельности свойственны узкая конкретность мышления и чрезвычайная затрудненность обобщений [8, с. 27].

В процессе обучения небольшое количество детей с ТМНР могут объединять предметы в группы, усваивать различия между предметами. Они обладают самыми элементарными обобщениями, а при отвлечении от конкретной ситуации оказываются в беспомощном положении. Обобщения понятий представляют для них сложность: дети с ТМНР чаще используют ситуационные обобщения. Так, они могут объединить картинки с изображением стола и посуды, объясняя тем, что ее ставят на стол [8, с. 27–28].

Работа с сюжетными картинками, как правило, не подвластна детям с ТМНР. Такие дети не могут восстанавливать последовательность изображений, располагать серию картинок по порядку. Могут производить манипуляции с картинками: брать и класть их беспорядочно, не акцентируя внимания на изображении. Иногда могут работать с картинками по наводящим вопросам, давая конкретный ответ. Рассказ по одной или нескольким сюжетным картинкам составлять не могут, т. к. связная речь не развита [8, с. 28; 9].

У наиболее тяжелых детей отмечается большое количество привнесений, являющихся результатом неосознанного использования старых, косных связей, оставшихся в их опыте [8, с. 28]. Например, при попадании массажного мячика в поле зрения ребенка он начинает рассказывать стишок, который использует педагог при работе с этим предметом. Это происходит независимо от учебной деятельности, протекающей на уроке в данный момент.

В процессе взросления и обучения ребенка у него копят элементарные понятия и представления, которые при этом имеют слабую связь между собой. Суждения детей очень бедны, действия нельзя охарактеризовать как самостоятельные,

им свойственно простое повторение заимствованного поведения, которое они не подвергают собственному переосмыслению [8, с. 28; 10, с. 289].

При работе с детьми с ТМНР эффективна теория поэтапного формирования умственных действий П. А. Гальперина [11]. Практика показывает, что обучение, построенное на наглядном дидактическом материале и опосредованное во времени, делает возможным получение качественной динамики у детей с ТМНР. Глубоко умственно отсталые дети постепенно учатся правильно выполнять задания, включенные в образовательную программу, им становится доступным элементарный перенос умений в повседневную жизнь. В предметно-практической деятельности можно наблюдать более осмысленные, организованные и целенаправленные действия. Дети начинают быстрее понимать задания, сохраняют в памяти алгоритм действий и постепенно переходят к самостоятельному выполнению заданий [8, с. 29]. Такое возможно только в результате постоянной специфичной работы, занимающей, как правило, длительные временные промежутки.

Изучая особенности сенсомоторного развития детей с ТМНР отметим, что с момента рождения развитие таких детей отличается от развития детей нормы. Держать голову, сидеть, ползать, стоять ходить они начинают значительно позже. Блуждающий взгляд, низкая двигательная активность, несформированные навыки эмоционального реагирования и зрительно-двигательной координации, отсутствие активного хватания – все это характерно для детей с интеллектуальными нарушениями в первый год жизни. Угнетен или отсутствует комплекс оживления. У них нет зрительного, слухового сосредоточения на предметах и окружающих явлениях. Кроме того, у детей раннего возраста качественно отличаются движения: наблюдаются неустойчивость, неуклюжесть походки, замедленность или импульсивность движений [8, с. 25, 34; 12].

У большинства детей младшего школьного возраста с ТМНР явно выражены отклонения в физическом развитии. Отмечается общая напряженность тела, корпус наклонен вперед, голова опущена вниз, они часто смотрят под ноги. При ходьбе такие дети шаркают ногами, движения рук и ног не согласованы между собой, стопы развернуты носком внутрь. Иногда можно заметить непропорционально развивающееся тело, нарушенное соотношение длины рук и ног (удлиненные руки, короткие ноги). У некоторых детей при ходьбе отмечается семенящий, неритмичный шаг; темп ходьбы неустойчив; ноги слегка согнуты в коленном суставе; движения рук и ног не согласованы, неритмичны. Подъемы по лестнице даются намного легче, чем спуски.

Моторная сфера детей младшего школьного возраста с ТМНР, как правило, соответствует моторной сфере детей первого года жизни нормального онтогенеза. За период начальной школы моторная неловкость немного сглаживается, но совсем не уходит.

Многие исследователи отмечают, что у детей с ТМНР плохо развита кинестетическая чувствительность [13],

вследствие чего возрастает двигательная недостаточность при выполнении более сложных движений, требующих навыков управления движениями; дозирования мышечных усилий; точности; организации движения во времени и в пространстве; речевое опосредствование движений [14, с. 35; 15, с. 7; 16, с. 496].

Для детей с ТМНР характерно отсутствие предметной деятельности. Незрелость тонкой двигательной координации кистей и пальцев рук затрудняет овладение манипуляциями с предметами, такими как захват, удержание, отпускание. При поступлении в школу дети с ТМНР часто не владеют элементарным навыком самообслуживания. Некоторые действия им недоступны и в старших классах, например, дети не умеют шнуровать обувь, завязывать шнурки, редко могут застегивать пуговицы. В связи с нарушениями моторной сферы у детей с ТМНР недостаточно развита и зрительно-моторная координация, т. к. она тесно связана с мелкой моторикой рук и зрительным восприятием. Связи между зрительным анализом и движениями руки не существует с рождения. Она формируется и отлаживается постепенно в соответствующих видах деятельности [12].

Зрительное же восприятие характеризует способность мозга интерпретировать и осмысливать визуальные образы, которые видят глаза, благодаря чему мозг правильно истолковывает увиденное. Зрительное восприятие является результатом мультисенсорного и моторного опыта вкупе со зрительной информацией, получаемой от других сенсорных систем в процессе деятельности в окружающем пространстве.

Зрительно-моторная интеграция отражает способность координировать моторные движения со зрительным стимулом. У детей с ТМНР наблюдаются нарушения в этой области, им сложно координировать то, что они видят, с соответствующими двигательными реакциями. На базе зрительно-моторной координации формируются графомоторные навыки, являющиеся составляющей функцией письма. У детей младшего школьного возраста с ТМНР эти процессы происходят медленно и тяжело. Не всех детей удается научить удерживать письменные принадлежности правильно [12].

Выделяют два типа недостатков мелкой моторики рук рассматриваемой группы детей: парезы пальцев рук, из-за чего дети не способны выполнять дифференцированные движения пальцами, и трудности в выполнении движения одновременно обеими руками или без контроля зрения, причиной чего выступает несовершенство аналитико-синтетической деятельности ЦНС и отсутствие у детей практики в осуществлении действий [17, с. 31–32].

Несформированная моторная сфера сказывается на всех видах деятельности данной группы детей. Дети с ТМНР часто не соизмеряют усилий, действуя с предметами, либо не прилагают достаточных усилий и роняют их, либо слишком сильно сжимают, давят на них. В моменты бурной радости или недовольства не рассчитывают силы, могут принести физический вред как людям, так и животным, «крушить» окружающие предметы.

Детям с интеллектуальным недоразвитием свойственны сложные нарушения, связанные с поражением корковых функций, сложные системные нарушения моторики, обусловленные поражением не только двигательного анализатора, но и других систем, в том числе речевых [12].

У детей с ТМНР отмечаются значительные отклонения в сенсорной сфере. Особенностью таких детей является то, что очень часто они имеют сохранные анализаторы, но неразвитость сенсорных функций связана с неумением пользоваться ими. Можно предположить, что трудности восприятия у детей с ТМНР появляются именно из-за недостаточности переработки получаемой информации, а не из-за аномалий развития органов чувств.

В процессе формирования сенсорной сферы у детей с ТМНР большое место занимает работа над усвоением сенсорных эталонов. Именно владение сенсорными эталонами дает точность восприятия, формирует способность анализировать свойства предметов, сравнивать их, обобщать, сопоставлять результаты восприятия. Усвоение сенсорных эталонов – системы геометрических фигур, спектра цветов, пространственных и временных ориентировок, шкалы музыкальных звуков, фонетической системы языка и др., – сложный и длительный процесс [14, с. 7; 18].

Небольшое количество детей с ТМНР в начале младшего школьного возраста могут выделять цвет как признак предмета. В процессе обучения очень трудно усваивают названия основных цветов. Путают оттенки, не владеют названиями дополнительных цветов (фиолетовый, оранжевый, бирюзовый и др.) [14, с. 56–57].

У детей с ТМНР своеобразно и осязание, процесс познания особенностей поверхности (шероховатость, плотность), протяженности, веса, формы, величины предметов. В осязании сочетаются кожные (тактильные) и кинестетические ощущения. Единицы детей с ТМНР могут определять формы и материалы предметов. При этом способ исследования предметов с помощью осязания у детей с ТМНР довольно примитивен. Они ограничиваются общим узнаванием предмета по 1–2 признакам, не пытаются исследовать предмет. В связи с этим дети очень часто отказываются работать с новыми и неизвестными предметами и материалами, привыкание к ним проходит постепенно, с большими временными затратами [14, с. 27].

Вся деятельность детей с ТМНР, связанная с восприятием и воспроизведением воспринятого, характеризуется недифференцированностью, поэтому в реабилитационной работе первостепенным становится переход от беспорядочной деятельности к планомерному, осмысленному выполнению поставленных задач.

Формирование пространственных представлений нарушается по всем направлениям, основными причинами этого становятся бедность практического опыта ориентировки и слабость ее мыслительного компонента, пространственного анализа и синтеза. Дети этой категории испытывают существенные трудности в овладении действиями восприятия, в приобретении опыта

практического преобразования пространства, а также при его отражении в слове и в продуктивных видах деятельности. Дети с ТМНР при поступлении в школу, как правило, не ориентируются в собственном теле, не знают названия его частей, не владеют словесными обозначениями их пространственного расположения. Впоследствии младшие школьники не умеют опираться на знания схемы собственного тела, определяя расположение объектов относительно себя. Недостаточность ориентировки в пространстве к концу дошкольного возраста является одной из причин, вызывающих затруднения при овладении детьми школьными навыками.

Методы и материалы

Экспериментальное исследование проводилось на базе Общеобразовательной школы психолого-педагогической поддержки № 101 (г. Кемерово), осуществляющей работу с детьми по адаптированным образовательным программам, в период с сентября 2020 г. по декабрь 2021 г. В исследовании приняли участие 40 обучающихся в возрасте 9–11 лет, 24 мальчика и 16 девочек. Всем детям присущи средняя и тяжелая степень умственной отсталости, ТМНР. Испытуемые были разделены на экспериментальную группу (ЭГ) и контрольную группу (КГ) по 20 человек в каждой.

Методами исследования выступили экспериментальный метод и методы математической статистики (количественный и качественный анализ результатов с использованием таблиц сопряженности, критерий Вилкоксона-Манна-Уитни для независимых выборок и критерий Вилкоксона для связанных выборок).

Исследование проводилось в несколько этапов. На констатирующем этапе была проведена диагностика моторной и сенсорной сфер ЭГ и КГ. На формирующем этапе с детьми ЭГ проводилась работа, направленная на развитие сенсомоторных навыков. На контрольном этапе была проведена повторная диагностика сенсомоторного развития ЭГ и КГ.

Для исследования сенсомоторного развития детей была выбрана методика Н. И. Озерецкого, М. О. Гуревича – единственная в своем роде, объединяющая комплекс диагностических заданий, направленных на измерение уровня моторного и перцептивного развития ребенка [19]. Схема обследования условно разделена на две составляющие: 1) оценка состояния общей моторики (статического и динамического равновесия, крупной и ручной моторики, зрительно-моторной координации); 2) оценка владения сенсорными эталонами (различение формы, цвета и величины; зрительное, слуховое, пространственное восприятие; тактильные ощущения и восприятие времени).

Результаты

Общая моторика детей оценивалась при помощи параметров статического, динамического равновесия и повторения позы для исследования крупной моторики (табл. 1). В обеих группах значительное число детей проявили полную пассивность, не понимая инструкцию. При этом нами

выявлено: чем сложнее выполняемое действие, тем меньше количество детей с ним справляется. Также мы отметили сложности у детей с ТМНР при переключении от одного действия к другому.

Состояние мелкой моторики оценивалось по способности переключать предметы (захватывать, удерживать, отпускать кубики, мячики), вращать предметы (завинчивать крышки), разрывать бумагу (табл. 2). Прimitивные действия, такие как захват, удержание и опускание предмета, доступны всем детям, а более сложные действия, требующие пальцевой силы и векторного направления, им недоступны в самостоятельном выполнении, только «рука в руке» (с помощью взрослого). В тестах на мелкую моторику дети с ТМНР показывают более высокие результаты по сравнению с тестами на общую моторику. Мы полагаем, что это связано с направленностью коррекционной работы, в которую они были вовлечены ранее, и считаем, что акцентировка на базисе в моторном развитии – крупной моторике – значительно повышает результаты когнитивной реабилитации.

Для исследования зрительно-моторной координации мы предлагали испытуемым следующие задания: обвести по контуру прямые и волнистые линии, выполнить штриховку (табл. 3). Зрительно-моторная координация

у 90 % испытуемых обеих групп не развита, действия выполнялись «рука в руке». Тонкой моторикой дети практически не владеют, письменные принадлежности удерживать не могут.

Результаты обследования сенсорного и перцептивного развития представлены в табл. 4. Большинство обследованных нами детей нуждались при выполнении заданий на сенсорную и перцепцию в пошаговом контроле и направляющей помощи. При этом восприятие формы и величины у испытуемых обеих групп находится на одном уровне развития. Примерно половина испытуемых способна самостоятельно с опорой на образец различать форму и величину предлагаемых предметов, находить схожие с образцом предметы.

Достоверность различий между результатами исследования ЭГ и КГ на констатирующем этапе эксперимента определялась с помощью статистического критерия Вилкоксона-Манна-Уитни. По всем обследованным параметрам достоверных различий между группами не обнаружено ($p \leq 0,01$).

На следующем этапе исследования мы провели педагогический эксперимент. В основу эксперимента были положены элементы нейропсихологического подхода.

Табл. 1. Результаты констатирующего этапа исследования общей моторики, %

Tab. 1. General motor skills: ascertaining stage, %

Проявления в поведении ребенка	Статическое равновесие		Динамическое равновесие		Крупная моторика	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Ребенок пассивен	30	30	30	30	40	40
Выполняет задание с помощью взрослого	50	50	50	60	60	60
Выполняет задание по образцу	20	20	20	10	–	–

Табл. 2. Результаты констатирующего этапа исследования мелкой моторики, %

Tab. 2. Fine motor skills: ascertaining stage, %

Проявления в поведении ребенка	Переключать предметы		Вращение предметов		Разрывание бумаги	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Ребенок пассивен	–	–	–	–	–	–
Выполняет задание с помощью взрослого	20	20	30	30	70	70
Выполняет задание по образцу	80	80	70	70	30	30

Табл. 3. Результаты констатирующего этапа исследования зрительно-моторной координации, %

Tab. 3. Visual-motor coordination: ascertaining stage, %

Проявления в поведении ребенка	Обведение по контуру прямых линий		Обведение по контуру волнистых линий		Штриховка	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Ребенок пассивен	–	–	–	–	–	–
Выполняет задание с помощью взрослого	90	80	80	85	90	100
Выполняет задание по образцу	10	20	20	15	10	–

Табл. 4. Результаты констатирующего этапа исследования сенсорного и перцептивного развития, %
Tab. 4. Sensory and perceptual development: ascertaining stage, %

Проявления в поведении ребенка	ЭГ	КГ
<i>Тактильные ощущения</i>		
Ребенок пассивен	50	75
Выполняет задание с помощью взрослого	50	25
Выполняет задание по образцу	–	–
<i>Цветоразличение</i>		
Ребенок пассивен	20	10
Выполняет задание с помощью взрослого	30	40
Выполняет задание по образцу	50	50
<i>Различение формы</i>		
Ребенок пассивен	20	10
Выполняет задание с помощью взрослого	20	40
Выполняет задание по образцу	60	50
<i>Восприятие величины</i>		
Ребенок пассивен	10	20
Выполняет задание с помощью взрослого	40	30
Выполняет задание по образцу	50	50
<i>Зрительное восприятие</i>		
Ребенок пассивен	15	20
Не всегда узнает объект	30	30
Не узнает объект	55	50
<i>Слуховое восприятие</i>		
Ребенок пассивен	15	15
Не всегда узнает объект	75	85
Не узнает объект	10	–
<i>Восприятие пространства</i>		
Ребенок пассивен	–	–
Не всегда узнает объект	40	40
Не узнает объект	60	60
<i>Восприятие времени</i>		
Ребенок пассивен	–	–
Не всегда узнает объект	50	65
Не узнает объект	50	35

Занятия по формированию сенсомоторных навыков проводились по адаптированным рабочим программам «Предметно-практические действия» и «Сенсорное развитие», направленным на формирование целенаправленных произвольных действий с предметами и материалами; обогащение чувственного опыта в процессе систематического воздействия на сохранные анализаторы; развитие зрительно-моторной координации и формирование умения ориентироваться в различных свойствах предметов¹.

Дети с ограниченными возможностями здоровья в онтогенезе могут пропускать этапы моторного развития первого года жизни. Обращаясь к пирамиде моторного развития, считаем, что важно начинать формирование сенсомоторных навыков именно с крупной моторики с элементами нейромоторики. Это позволит создать основу, крепкий фундамент для дальнейшей продуктивной деятельности. Нейромоторика – это произвольные движения, включающие в себя слаженную работу умственных и физических действий человека. К этому направлению мы отнесли упражнения на ортопедических ковриках; ползание; упражнения по нарушению срединной линии тела; противопоставление большого пальца пальцам руки без зеркального вовлечения другой; игру в ладошки; упражнения с массажными мячиками, мячиками су-джок; упражнения на зрительно-моторное восприятие и интеграцию; упражнения по методу мозжечковой стимуляции *Balmetrics*.

Опираясь на последние данные в области когнитивной реабилитации с детей с ТМНР, мы выбрали наиболее эффективные для работы инструменты [20–24]. Отобранные упражнения «имеют нейропсихологическую направленность, способствуют ориентации в схеме собственного тела и ориентировке в пространстве относительно предметов, компенсации остаточных рефлексов, развитию речевой и общемоторной ритмизации» [25, с. 116–117].

В силу разных уровней развития и сформированности сенсомоторных навыков детей с ТМНР внутри одного класса занятия проводились по подгруппам. Не все упражнения могли предлагаться определенным детям: использование элементов нейропсихологического воздействия подходило не всем; к противопоказаниям относятся эпилепсия и повышенная судорожная готовность мозга, черепно-мозговые травмы, инсульт, кисты и новообразования в головном мозге.

Новшеством в практической деятельности является применение упражнений, входящих в программу мозжечковой стимуляции *Balmetrics*. Данная программа основана на теории системной динамической мозговой локализации высших психических функций А. Р. Лурии и теории межполушарной асимметрии мозга, а также на общепризнанном анатомо-функциональном строении головного мозга, вестибулярной системы и мозжечка [26].

Программа мозжечковой стимуляции *Balmetrics* формирует схему тела; ориентацию в пространстве; межполушарное взаимодействие; чувство равновесия, ритма, времени; зрительное восприятие и зрительно-моторную координацию; скорость реакции; ловкость; переключаемость; все виды памяти; речь; сенсорную интеграцию; произвольное внимание; саморегуляцию; моторное планирование; эмоционально-волевую сферу. Эффективность ее использования доказывает опыт работы с младшими школьниками с особыми образовательными потребностями [27].

¹ Образовательные программы. Официальный сайт интерната № 101 г. Кемерово. URL: http://internat101.ucoz.ru/index/obrazovatelnye_programmy/0-118 (дата обращения: 12.04.2022).

Для формирования сенсорных эталонов детей мы использовали два метода – обследование и сравнение. В результате проведения повторного диагностического обследования мы обнаружили изменения в сенсомоторных показателях детей обеих групп.

В ЭГ произошли положительные изменения в моторике, сенсорике и перцепции детей с ТМНР. Для крупной, ручной моторики и зрительного восприятия значимость различий составила 0,01; для зрительно-моторной координации, тактильных ощущений, восприятия формы и слухового восприятия динамика не столь очевидна ($p \leq 0,04$). При этом в восприятии пространства и времени детьми ЭГ динамики не обнаружено: это можно объяснить тем, что тяжесть дефекта значительно осложняет процесс формирования сложных форм восприятия.

В КГ изменились показатели крупной моторики и зрительного восприятия ($p \leq 0,04$). Для остальных показателей сенсомоторного развития различия в КГ детей статистически незначимы.

Повторное сопоставление обследованных групп детей между собой показало, что по всем показателям сенсомоторного и перцептивного развития за исключением восприятия времени и пространства различия между группами стали достоверно значимыми. Уровень значимости различий для мелкой моторики, зрительно-моторной координации, тактильного и слухового восприятия равен 0,01. Для показателей крупной моторики и зрительного восприятия различия значимы при $p \leq 0,03$.

Полученные данные показывают эффективность использования упражнений нейропсихологической направленности для развития сенсомоторной сферы детей младшего школьного возраста с ТМНР.

Заключение

Проведенное исследование показало, что сенсомоторная сфера детей младшего школьного возраста с ТМНР характеризуется низким уровнем развития моторного и перцептивного компонентов. В структуре моторного

компонента проявляются нарушения развития крупной и мелкой моторики, зрительно-моторной координации. При этом в тестах на мелкую моторику дети демонстрируют даже более высокие результаты по сравнению с тестами на общую моторику.

В структуре перцептивного компонента у младших школьников с ТМНР отмечается низкий уровень владения сенсорными эталонами (зрительное, слуховое, пространственное восприятие и восприятие времени; различение формы и величины, цветоразличение).

В ходе формирующего эксперимента отмечена положительная динамика моторного и сенсорно-перцептивного компонентов в ЭГ. В структуре моторного компонента отмечаются значительные улучшения в развитии крупной и мелкой моторики, зрительно-моторной координации. Уменьшилось количество пассивных детей; значительно возросло число выполняющих задание по образцу; появились дети, проявляющие самостоятельность в выполнении заданий. В структуре перцептивного компонента у испытуемых ЭГ зафиксирована положительная динамика овладения сенсорными эталонами.

Разработанная система коррекционного воздействия обеспечила положительные результаты по формированию разнообразных видов двигательной активности, действий с предметами и сенсорных эталонов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Алехина С. В. Особые образовательные потребности как категория инклюзивного образования. *Российский научный журнал*. 2013. № 5. С. 132–139. [Alekhina S. V. Special educational needs as a category of inclusive education. *Russian scientific journal*, 2013, (5): 132–139. (In Russ.)]
2. Фуряева Т. В. Интеграция особых детей в общество. *Педагогика*. 2006. № 7. С. 29–38. [Furyaeva T. V. Integration of special children in society. *Pedagogika*, 2006, (7): 29–38. (In Russ.)]
3. Усачева Л. В. Сенсомоторное развитие детей с тяжелыми множественными нарушениями развития как фактор познавательной деятельности. *Молодой ученый*. 2018. № 17. С. 297–298. [Usacheva L. V. Sensorimotor development in children with severe multiple developmental disorders as a factor of cognitive activity. *Molodoi uchenyi*, 2018, (17): 297–298. (In Russ.)]
4. Родин Ю. И. Психомоторика человека в свете системной и эволюционной парадигм. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2011. № 3-1. С. 389–395. [Rodin Yu. I. Human psychomotor system in the context of systematic and evolutionary paradigms. *Izvestia Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2011, (3-1): 389–395. (In Russ.)]
5. *Психологические проблемы коррекционной работы во вспомогательной школе*, под ред. Ж. И. Шиф, В. Г. Петровой, Т. Н. Головиной. М.: Педагогика, 1980. 176 с. [Psychological problems of correctional work in an auxiliary school, eds. Shif Zh. I., Petrova V. G., Golovina T. N. Moscow: Pedagogika, 1980, 176. (In Russ.)]

6. Рубинштейн С. Я. Психология умственно отсталого школьника. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 192 с. [Rubinshtein S. Ia. *Psychology of a mentally retarded student*. 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1986, 192. (In Russ.)]
7. Выготский Л. С. Основы дефектологии. М.: Юрайт, 2021. 332 с. [Vygotsky L. S. *Fundamentals of defectology*. Moscow: Iurait, 2021, 332. (In Russ.)]
8. Маллер А. Р., Цикото Г. В. Воспитание и обучение детей с тяжелой интеллектуальной недостаточностью. М.: Академия, 2003. 208 с. [Maller A. R., Tsikoto G. V. *Education and training of children with severe intellectual disability*. Moscow: Akademiia, 2003, 208. (In Russ.)]
9. Забрамная С. Д., Боровик О. В. Методические рекомендации к пособию «Практический материал для проведения психолого-педагогического обследования детей» авторов С. Д. Забрамной, О. В. Боровика. М.: Владос, 2003. 32 с. [Zabramnaya S. D., Borovik O. V. *Methodological recommendations for the manual "Psychological and pedagogical examination of children" by S. D. Zabramnaya and O. V. Borovik*. Moscow: Vlados, 2003, 32. (In Russ.)]
10. Шаламова Н. В., Шатунова С. А., Егорова Н. А. Психолого-педагогическая характеристика детей с нарушением интеллекта младшего школьного возраста. *Инновационные технологии в науке и образовании: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 27 марта 2016 г.)* Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. Т. 1. № 1. С. 287–290. [Shalamova N. V., Shatunova S. A., Egorova N. L. Psychological and pedagogical characteristics of primary school children with intellectual disabilities. *Innovative technologies in science and education: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf., Cheboksary, 27 Mar 2016*. Cheboksary: CSC "Interactive plus", 2016, vol. 1, iss. 1, 287–290. (In Russ.)]
11. Гальперин П. Я. Опыт изучения формирования умственных действий. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2017. № 4. С. 3–20. [Galperin P. Ya. Experience in studying the formation of mental actions. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2017, (4): 3–20.] <https://doi.org/10.11621/vsp.2017.04.03>
12. Мастюкова Е. М. Ребенок с отклонениями в развитии: ранняя диагностика и коррекция. М.: Просвещение, 1992. 95 с. [Mastiukova E. M. *A child with developmental disabilities: early diagnosis and correction*. Moscow: Prosveshchenie, 1992, 95. (In Russ.)]
13. Мозговой В. М., Яковлева И. М., Еремина А. А. Основы олигофренопедагогики. М.: Академия, 2006. 224 с. [Mozgovoi V. M., Iakovleva I. M., Eremina A. A. *Fundamentals of oligophrenic pedagogy*. Moscow: Akademiia, 2006, 224. (In Russ.)]
14. Метиева Л. А., Удалова Э. Я. Сенсорное воспитание детей с отклонениями в развитии: сборник игр и игровых упражнений. М.: Книголюб, 2007. 120 с. [Metieva L. A., Udalova E. Ia. *Sensory education of children with developmental disabilities: a collection of games and game exercises*. Moscow: Knigoliub, 2007, 120. (In Russ.)]
15. Андрушко Е. Н., Шкляр Н. В. Рекомендации для учителей-дефектологов и воспитателей по организации коррекционно-педагогической работы, направленной на развитие мелкой моторики детей старшего дошкольного возраста с нарушением интеллекта. *Карельский научный журнал*. 2016. Т. 5. № 1. С. 7–10. [Andrushko E. N., Shklyar N. V. Recommendations for teacher-defectology and educator on the organization corrective pedagogical work aimed at the development of fine motor skills of senior preschool children with intellectual disabilities. *Karelian Scientific Journal*, 2016, 5(1): 7–10. (In Russ.)]
16. Осипова Л. Б., Балина Е. В. Индивидуализация коррекционной работы по развитию мелкой моторики дошкольников с нарушениями зрения. *Молодой ученый*. 2016. № 24. С. 494–497. [Osipova L. B., Balina E. V. Individualization of correctional work on the development of fine motor skills in preschoolers with visual impairments. *Molodoi uchenyi*, 2016, (24): 494–497. (In Russ.)]
17. Токарская Л. В., Дубровина Н. А., Бабийчук Н. Н. Особенности преподавания физической культуры детям и подросткам с умеренной и тяжелой умственной отсталостью. Екатеринбург: УрФУ, 2015. 190 с. [Tokarskaya L. V., Dubrovina N. A., Babiichuk N. N. *Teaching physical education to children and adolescents with moderate and severe mental retardation*. Ekaterinburg: UrFU, 2015, 190. (In Russ.)]
18. Войлокова Е. Ф., Андрухович Ю. В., Ковалева Л. Ю. Сенсорное воспитание дошкольников с интеллектуальной недостаточностью. СПб.: КАРО, 2005. 294 с. [Voilokova E. F., Andrukhovich Yu. V., Kovaleva L. Yu. *Sensory education of preschoolers with intellectual disabilities*. St. Petersburg: KARO, 2005, 294. (In Russ.)]
19. *Психологическая диагностика*, под ред. К. М. Гуревича, Е. М. Борисовой. М.: УРАО, 1997. 304 с. [Psychological diagnostics, eds. Gurevich K. M., Borisova E. M. Moscow: URIO, 1997, 304. (In Russ.)]
20. Кисова В. В., Фролова Е. Н. К проблеме эффективности методического инструментария в психолого-педагогической диагностике нарушений психического развития. *Карельский научный журнал*. 2019. Т. 8. № 1. С. 17–20. [Kisova V. V., Frolova E. N. On the issue of effectiveness of methodological tools used in the psychoeducational diagnosis of children with disorders of psychological development. *Karelian Scientific Journal*, 2019, 8(1): 17–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26140/knz4-2019-0801-0004>
21. Серкина А. В. Средства коммуникации, используемые детьми с тяжелыми множественными нарушениями развития и глубокой умственной отсталостью. *Дефектология*. 2019. № 6. С. 68–71. [Serkina A. V. Communication tools used by children with severe multiple developmental disorders and deep mental retardation. *Defektologiya*, 2019, (6): 68–71. (In Russ.)]

22. Горина Е. Н. Коррекционно-педагогическая работа с детьми с тяжелыми множественными нарушениями развития в условиях дома-интерната. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019. Т. 8. № 4. С. 47–51. [Gorina E. N. Correctional and pedagogical work with children with severe multiple developmental disorders in a boarding house. *Baltic Humanitarian Journal*, 2019, 8(4): 47–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26140/bgj3-2019-0804-0009>
23. Асикритов В. Н., Алексеева Т. А. Обучение и воспитание детей с тяжелыми множественными нарушениями развития. Из опыта работы ДДИ № 1 Санкт-Петербурга. *Воспитание и обучение детей с нарушениями развития*. 2019. № 5. С. 54–61. [Asikritov V. N., Alekseeva T. A. Education and upbringing of children with severe multiple developmental disorders (on the experience of Saint Petersburg Nursing House № 1 for children with disabilities and mentally disabled persons from the childhood). *Vospitanie i obuchenie detei s narusheniami razvitiia*, 2019, (5): 54–61. (In Russ.)]
24. *Дополнительные общеобразовательные программы для детей и подростков с тяжелыми и множественными нарушениями развития*, под ред. В. Н. Асикритова, Т. А. Алексеевой, Е. Ю. Коржовой. СПб.: ЛЕМА, 2015. 447 с. [Additional general education programs for children and adolescents with severe and multiple developmental disorders, eds. Asikritov V. N., Alekseeva T. A., Korjova E. Yu. St. Petersburg: LEMA, 2015, 447. (In Russ.)]
25. Толкачева А. В. Формирование сенсомоторных навыков у детей младшего школьного возраста с тяжелыми множественными нарушениями развития. *Актуальные проблемы современного гуманитарного знания: сб. ст. III Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием. (Кемерово, 6 декабря, 2019 г.)* Кемерово: КемГУ, 2020. С. 115–117. [Tolkacheva A. V. Formation of sensorimotor skills in children of primary school age with severe multiple developmental disorders. *Actual problems of modern humanitarian knowledge: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Kemerovo, 6 Dec 2019*. Kemerovo: KemSU, 2020, 115–117. (In Russ.)]
26. Лурья А. Р. Высшие корковые функции человека. СПб.: Питер, 2020. 768 с. [Luria A. R. *Higher cortical functions in man*. St. Petersburg: Piter, 2020, 768. (In Russ.)]
27. Хаустова Е. Г., Мартынов А. А. Использование средств мозжечковой стимуляции в вестибулярной гимнастике младших школьников с задержкой психического развития. *Педагогический ИМИДЖ*. 2021. Т. 15. № 3. С. 324–334. [Khaustova E. G., Martynov A. A. The use of cerebal stimulation techniques in vestibular gymnastics of younger schoolchildren with mental retardation. *Pedagogicheskiy IMIDZH*, 2021, 15(3): 324–334. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32343/2409-5052-2021-15-3-324-334>

оригинальная статья

Особенности социализации лиц с различным временем наступления инвалидности

Тельминова Кира Вадимовна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург

telminova.kira@yandex.ru

Поступила 10.01.2022. Принята после рецензирования 18.04.2022. Принята в печать 25.04.2022.

Аннотация: Проанализированы работы, посвященные социально-психологическим особенностям личности с инвалидностью, проведена их классификация: 1) изучение условий формирования социально-психологических особенностей личности, имеющей инвалидность; 2) раскрытие содержания социально-психологических особенностей личности, имеющей инвалидность, с учетом специфики различных заболеваний (ДЦП, нарушение зрения, нарушение слуха и т. п.) и социальных статусов (дети-инвалиды, инвалиды вследствие боевой травмы и т. д.). Новизна работы: тема, интегрирующая обозначенные исследовательские категории, – социально-психологические особенности личности с ограниченными возможностями здоровья в контексте времени наступления инвалидности. Гипотеза исследования: социально-психологические особенности совершеннолетних инвалидов с детства и лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, различны, так же как различны проблемы социализации обозначенных групп. Выявлено, что в основе социально-психологических особенностей совершеннолетних инвалидов с детства находится отношение к болезни, формирующееся в семье и являющееся следствием родительских установок. Социально-психологические особенности лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, не базируются на типе отношения к болезни: коммуникабельность, стиль поведения в группе и другие особенности, развитые до наступления инвалидности, формируют тип отношения к болезни. В большинстве случаев в группе получивших инвалидность в совершеннолетнем возрасте распространены типы отношения к болезни, характеризующиеся отсутствием нарушений в социальной адаптивности, однако данной категории лиц также свойственны проблемы в ходе социализации, приходящиеся на другой ее этап и имеющие иные основания, чем у совершеннолетних инвалидов с детства.

Ключевые слова: социально-психологические особенности личности, социально-психологическая адаптивность, нарушение социальной адаптации, инвалидность, тип отношения к болезни, реабилитация, социализация, трудовой этап социализации, детско-родительские отношения

Цитирование: Тельминова К. В. Особенности социализации лиц с различным временем наступления инвалидности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 3. С. 172–180. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-172-180>

full article

Age-Related Socio-Psychological Features of Socialization

Kira V. Telminova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia, St. Petersburg

telminova.kira@yandex.ru

Received 10 Jan 2022. Accepted after peer review 18 Apr 2022. Accepted for publication 25 Apr 2022.

Abstract: The article introduces a two-group classification of scientific publications on the age-related socio-psychological characteristics of people with special needs. The first group features the development conditions, while the second group focuses on the types of socio-psychological characteristics and the social groups they affect. The authors believe that adults with life-long disabilities and those who were registered as disabled at the age of majority have different socio-psychological profiles and socialization issues. An unstructured interview revealed that the socio-psychological characteristics of adults with life-long disabilities depended on the attitude to the disease shaped by their parents. As for people who acquired the status as adults, their attitude depended on the social skills they possessed before. They had a better social adaptability but a more difficult socialization later in life.

Keywords: socio-psychological characteristics of personality, disability, socio-psychological adaptability, rehabilitation, socialization, social adaptation issues, type of attitude to the disease, labor socialization, parent-child relations

Citation: Telminova K. V. Age-Related Socio-Psychological Features of Socialization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(3): 172–180. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-172-180>

Введение

Согласно Г. М. Андреевой, «социально-психологические качества личности – это качества, которые формируются в совместной деятельности с другими людьми, а также в общении с ними. И тот, и другой ряды качеств формируются в условиях тех реальных социальных групп, в которых функционирует личность» [1, с. 241]. Тема изучения социально-психологических качеств (особенностей) личности объемна и имеет широкий диапазон исследований, в частности, значительная их часть посвящена социально-психологическим особенностям различных социальных групп.

Все инвалиды делятся на несколько групп по разным основаниям:

1. По возрасту: дети-инвалиды, взрослые-инвалиды.
2. По происхождению инвалидности: с детства, инвалиды войны / труда / общего заболевания.
3. По степени трудоспособности: трудоспособные и нетрудоспособные; инвалиды I группы (нетрудоспособные), II группы (временно нетрудоспособные / трудоспособные в ограниченных сферах), III группы (трудоспособные в шадящих условиях труда).
4. По характеру заболевания: мобильные, маломобильные, неподвижные [2, с. 124].

Необходимость дифференциации темы инвалидности обосновывает А. С. Деточенко. Автор подчеркивает, что инвалидов принято рассматривать «в качестве единого социального слоя, разделяя его, пожалуй, только на лиц с физическими отклонениями и лиц с нетипичными психическими свойствами» [3, с. 69]. Детализация механизмов социализации и научных подходов к теме лиц с ограниченными возможностями позволяет эффективно решать проблемы данной группы населения в практической и теоретической плоскостях. Работы, объектом которых являются социально-психологические особенности людей с ограниченными возможностями здоровья, имеют две основные цели: 1) изучение условий формирования социально-психологических особенностей личности, имеющей инвалидность [4–9]; 2) раскрытие содержания социально-психологических особенностей инвалидности при различных заболеваниях и в разных социальных группах [10–12], а также различные формы их проявления [13].

Подходя к вопросу изучения условий формирования социально-психологических особенностей личности с инвалидностью, отметим, что мы подразумеваем личность, обладающую социальной субъектностью, которая в определении А. А. Дарган включает в себя «физические и психические особенности человека с инвалидностью и обусловленные ими ограничения жизнедеятельности, доступность физической среды и позиция агентов и институтов социализации» [4, с. 94].

В качестве важного элемента, формирующего описываемые особенности инвалидов, О. В. Красуцкая рассматривает психологические установки индивида. Опираясь на тезисы Е. В. Воеводиной, исследователь выделяет два типа поведения: принятие и сопротивление. При этом «принятие выражается в пассивном соответствии приписываемому образу, в стремлении получить выгоды от имеющегося социального статуса. Сопротивление проявляется в... противостоянии навязанному социальному портрету посредством положительной или отрицательной девиации. Отрицательная девиация проявляется в агрессии, непринятии себя, самоизоляции. Положительная девиация связана со стремлением индивида с инвалидностью занять высокий социальный статус, а именно достичь успехов в творчестве, спорте, карьере» [5, с. 303].

Исследуя условия формирования социально-психологических особенностей личности, имеющей инвалидность, Е. Э. Носенко-Штейн видит свою задачу в определении того, как происходит вхождение людей, получивших в разное время травмы, приведшие к полной или частичной нетрудоспособности, в статус человека с ограниченными возможностями. Проанализировав результаты углубленных интервью и автобиографии людей с различным временем наступления инвалидности, автор приходит к выводу, что «в нашей стране по-прежнему преобладает медицинская, патерналистская модель инвалидности» [6, с. 122]. Заметим, что это утверждение более приемлемо для уровня *человек – общество*, а конкретнее для уровня *человек – социальное учреждение*, например, системы медико-социальной реабилитации или социальной защиты. В данных структурах медленно происходит пересмотр отношения к роли личности с инвалидностью, и в реабилитационных мероприятиях ему отводится пассивная позиция. Такое положение дел негативно сказывается как на формировании, так и на проявлении адаптационных социально-психологических особенностей. Однако по результатам проведенного нами исследования более значительное воздействие на обозначенные особенности оказывают влияние семьи (при инвалидности с детства) и наличие пространств реализации личностного потенциала (при инвалидности, полученной в совершеннолетнем возрасте). Следовательно, тезис Е. Э. Носенко-Штейн об «укоренившемся еще в советское время отношении к людям с ограниченными возможностями как к пассивному объекту разного рода деятельности» [6, с. 122] в настоящее время справедлив лишь отчасти и относится не ко всем социальным институтам.

Объектом исследования Т. Н. Адаевой являются лица, впервые освидетельствованные в бюро медико-социальной экспертизы и имеющие статус инвалидности в течение двух лет. Т. Н. Адаева определяет кризис инвалидности

как «переживание несоответствия личности привычным сложившимся социальным ролям и собственным представлениям о себе», проявляющееся «в формировании отношения к ситуации собственной "социальной недостаточности", а также в выработке новой жизненной стратегии» [7, с. 202]. Автор выделяет три типа переживания ограниченных возможностей:

- 1) когда инвалидность воспринимается как кризис;
- 2) когда при наличии ограничений личность готова принять свой новый социальный статус;
- 3) когда личность не критично относится к складывающейся ситуации [7, с. 202–203].

Такое четкое разделение способствует определению условий формирования социально-психологических особенностей. Однако данная типизация нуждается в дополнении, поскольку она не отражает динамику отношения личности к инвалидности, присущую этапу принятия ограниченных возможностей; корреляцию картины болезни с эмоционально-волевыми и социально-психологическими качествами.

Подходя к вопросу о социально-психологических особенностях, представим позицию Е. Р. Ярской-Смирновой. Автор заменяет термин *инвалидность* на *нетипичность*, которую определяет как «способ понимания состояния неопределенности типа действия или типа личности в современной повседневности, представленной разнообразными социальными практиками исключения» [8, с. 11]. Исследователь рассматривает нетипичность (инвалидность) в контексте самочувствия личности в различных системах социальных отношений: семьи, неформального и профессионального общения, СМИ, социально-экономического ракурса [8, с. 11]. При этом процесс «осознания собственной нетипичности, инаковости... сопряжен с интеграцией индивидов в систему культуры и одновременной дифференциацией от чужаков» [8, с. 88]. Следуя логике цитируемого автора, социально-психологические особенности инвалидов – это результат взаимодействия личности и общества, а инвалидность во многом есть социальный, т. е. привнесенный извне конструкт; отражение отношения внешнего мира на ограничения конкретной личности. При всей научной глубине данного подхода, придающего инвалидности элемент лабильности в зависимости от социокультурного контекста, он не отражает всего положения дел. На наш взгляд, Е. Р. Ярская-Смирнова упускает такой значимый аспект, как отношение личности к ситуации ограниченных возможностей, тогда как именно из него формируется внутренняя картина болезни и конструируются социально-психологические особенности, способствующие социальной адаптации личности или тормозящие ее (в первую очередь это характерно для инвалидов с детства).

В. А. Черничкина рассматривает социально-психологические проблемы лиц, ставших инвалидами в трудоспособном возрасте, и стратегии их разрешения посредством определения ведущих факторов адаптации и дезадаптации в ситуации инвалидности. Адаптированность к ситуации

инвалидности исследователь видит, во-первых, в относительно небольшой «распространенности среди инвалидов таких социально-психологических проблем, как одиночество, фрустрированность, комплекс неполноценности, субъективное неблагополучие», во-вторых, в «использовании специфических копинг-стратегий, способствующих адаптивному равновесию» [9, с. 9]. При этом автор не уделяет внимания механизму нарушения социальной адаптации, что, на наш взгляд, является важнейшим элементом как для выявления основных социально-психологических особенностей лиц с инвалидностью, так и для определения наиболее эффективных моделей социализации.

Еще одним итогом исследования В. А. Черничкиной стал вывод о том, что ситуация инвалидности по-разному проживается представителями различных половозрастных групп. Согласно результатам, мужчины с годами меньше испытывают негативные эмоции, связанные с переживанием ситуации ограниченных возможностей. У женщин, по замечанию автора, эти переживания «остаются острыми и насыщенными, при этом имеется тенденция к увеличению эмоциональных переживаний, которые вступают в конфликт с поведенческой подструктурой» [9, с. 9]. Выявленную тенденцию развивает Т. И. Кандаурова, которая в ходе исследования выделяет трудности, характерные для социально-демографического положения женщин: «вступление в брак, рождение и воспитание детей, материальное благополучие одиночного существования» [10, с. 11]. С нашей точки зрения, такое положение дел связано еще и с тем, что в паттерны жизненного сценария женщин и в систему социокультурных ожиданий от них изначально не заложена возможность утраты здоровья в форме тех или иных увечий с продолжением активного участия в социальной жизни, в отличие от мужчин, для которых получение физических повреждений более допустимо (опасные виды работ, экстремальные виды спорта, охота, боевые действия и т. п.).

Изучая социально-психологические особенности инвалидности при различных заболеваниях и социальных статусах, исследователи останавливаются на этапе осмысления содержания понятия *инвалидность* и определения стадий ее принятия. М. Н. Реут, анализируя особенности социализации неслышащей молодежи, пришла к выводу, что «социализация неслышащей молодежи отличается от социализации слышащей молодежи, но существующие особенности не такие, какие приписываются обществу» [11, с. 7]. Согласно исследованиям автора, особенности социализации неслышащей молодежи состоят в том, что «правила передачи социального опыта неслышащим индивидам не имеют той полноты содержания социализации, которая существует для типичного индивида», что приводит к тому, что «различные агенты социализации... в необходимой мере не обладают возможностью своевременной и полноценной трансляции социальности нетипичным индивидам». Более того, «различаются эталоны личностного развития для типичного и неслышащего индивида. Они имеют расхождение прежде всего в сроках

освоения знаний, умений, навыков, стереотипов поведения, социально-психологических свойств» [11, с. 6]. К особенностям социализации отнесены «чувственное своеобразие восприятия жизненного мира, склонность к повышенному конформизму, нетипичное освоение и присвоение субъективности неслышащим индивидом» [11, с. 6]. Мы согласны с выводами М. Н. Реут и считаем, что ее работа показывает большую значимость изучения социально-психологических особенностей для определения специфики реабилитации и социализации инвалидов в зависимости от заболевания, поскольку в центр исследования поставлена личность с инвалидностью, а не воздействие на нее социальных факторов.

Исследование социально-психологической реабилитации инвалидов боевых действий Ю. М. Караяни начинается с определения понятия *инвалидность*, кодифицируя ее как «глубокий психологический кризис...», проявляющийся в осмыслении и переживании социальных стереотипов об инвалидах, усвоении социальной стигмы инвалидности, дисгармонизации Я-концепции и нарушении личностной и социальной идентичности, что сопровождается социальной дезадаптацией» [12, с. 35]. Автор подчеркивает, что «формирование инвалидной идентичности происходит лишь в том случае, когда в общественном сознании существует деление людей на инвалидов и неинвалидов» [12, с. 107]. Заметно стремление ученого перевести вопрос о сущности инвалидности в социологическую плоскость и отдать внешней оценке ведущую роль в определении ограниченных возможностей здоровья. Однако, по нашему мнению, приоритетным является именно личностная оценка как собственных физических, так и социальных возможностей. При этом степень тяжести или легкости инвалидности личность определяется уровнем способности к самостоятельной бытовой жизни и свободой осуществляемых социальных и творческих потенциалов.

Рассматривая различные формы проявления социально-психологических особенностей, А. Г. Рытов определяет инвалидность в трудоспособном возрасте как «социальный конструкт, результат социальных договоренностей. Смысл этого понятия меняется в зависимости от культурных традиций и социальных условий... Тем самым инвалидность является не только свойством человека или характеристикой его поведения, но ярлыком социального происхождения» [13, с. 8]. Согласно автору, адаптация к инвалидности в трудоспособном возрасте есть поэтапный процесс, имеющий две стадии: преадаптация и инадаптация. «Преадаптация есть по сути эффект опережающего отражения действительности. <...> Вторая стадия – инадаптация – собственно адаптация, в своем конкретном проявлении это последовательность действий, поступков, направленных на приспособление к среде» [13, с. 14–15]. На второй стадии, собственно, и «происходит сам процесс адаптации к инвалидности в трудоспособном возрасте» [13, с. 15]. В анализируемой работе исследователь проводит разбор стратегий активности инвалида [13, с. 19–20], оставляя открытым вопрос о детализации механизмов преадаптации и инадаптации.

Как можно заметить из приведенного обзора работ, малоизученным является вопрос о сравнении социально-психологических особенностей, оказывающих влияние на процесс социализации, в зависимости от времени наступления инвалидности. Отметим, что исследование влияния времени наступления инвалидности способствует изучению условий формирования, содержания и проявления форм социально-психологических особенностей личности, имеющей инвалидность, поэтому данная тема стала объектом нашего исследования. Новизна работы состоит в том, что в качестве темы, интегрирующей обозначенные исследовательские категории, представлена тема изучения социально-психологических особенностей личности с ограниченными возможностями здоровья в контексте времени наступления инвалидности.

Методы и материалы

Для выявления различия социально-психологических особенностей личности в зависимости от времени наступления инвалидности нами были использованы количественные и качественные методики. В частности, с помощью качественных методик относительно инвалидов с детства и инвалидов, получивших травму во взрослом возрасте, определялись:

- тип отношения к болезни;
- уровень тревожности;
- уровень социально-психологической адаптивности;
- особенности временной перспективы [14, с. 179].

Выявленные взаимосвязи позволили прийти к следующему выводу: «различия социализации взрослых в условиях врожденной и приобретенной инвалидности состоит в том, что для первых значительным фактором социализации выступает тип отношения к болезни» [14, с. 187].

В данной статье представлены результаты качественного исследования, проведенного методом неструктурированного интервью. Цель интервью – проверка гипотезы о том, что социально-психологические особенности совершеннолетних инвалидов с детства и лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, различны, так же как различны проблемы социализации обозначенных групп.

Для проведения интервью были созданы комфортные условия: доверительная эмоциональная обстановка, место встреч выбиралось в зависимости от состояния здоровья респондента и отвечало его потребностям (мебель, оснащенная спинками; естественное или не слишком яркое освещение и т. п.). Соответственно индивидуальным особенностям респондента выбирался темп проведения интервью, при этом все вопросы были заданы, беседа велась в нейтрально-положительном тоне, по завершении интервью ухудшения эмоционального фона у респондентов не отмечено.

Численность выборки исследования – 200 респондентов: 114 женщин, 86 мужчин; группа инвалидности I – 88, II – 76, III – 36. Выборку составляют совершеннолетние инвалиды с детства и лица, ставшие инвалидами в совершеннолетнем возрасте (табл.). Респонденты в равной степени являются

учащимися Новокузнецкого государственного гуманитарно-технического колледжа-интерната (НГТТКИ) и представителями новокузнецкой городской организации Общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов». У респондентов, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, время наступления инвалидизирующего заболевания превышает 5 лет.

Структура проведенного интервью включала в себя пять блоков: личность и инвалидность, личность и общество, личность и семья, личность и будущее, личность в общественной организации.

Табл. Семейное положение, социальное положение и группа инвалидности респондентов, %

Tab. Marital status, social status, and disability group of respondents, %

Сведения	Инвалиды с детства	Лица, ставшие инвалидами в совершеннолетнем возрасте
Семейное положение		
Проживаю с родителями	41	34
Своя семья	33	35
Гражданский брак	26	31
Проживаю один(а)	0	0
Социальное положение		
Учащийся	43	36
Рабочий	9	13
Служащий	19	5
Безработный	14	22
Самозанятый	7	5
Работаю в общественной организации	8	19
Группа инвалидности		
I группа	40	82
II группа	40	9
III группа	20	9

Результаты

Анализ ответов инвалидов с детства на вопросы, раскрывающие тему *личность и инвалидность*, позволил прийти к следующим выводам. Для данной группы инвалидов с детства преимущественно характерны эргопатичный (отличающийся ориентированностью на деятельность) и эйфористичный (необоснованно повышенное настроение, пренебрежительное, легкомысленное отношение к болезни и лечению) типы отношения к болезни. Как правило, человек имеет хорошо развитые коммуникативные навыки, средние показатели личностной и ситуативной тревожности. В целом

инвалиды с детства удовлетворены своим положением в студенческой группе (некоторые участвуют в неформальной жизни вуза) или на рабочем месте. Однако в ходе интервью респонденты-учащиеся отмечали, что включенность в социокультурную жизнь учебного учреждения не удовлетворяет полностью запрос на увеличение диапазона выполняемых социальных ролей и на расширение коммуникативных связей. Опрашиваемые объясняют это тем, что не все сферы внеучебной деятельности вуза доступны для лиц с инвалидностью (например, туризм). Обозначенные участниками интервью проблемы адаптации к студенческой среде соответствуют затруднениям, представленным Б. Б. Айсмонтасом и М. А. Одинцовой и состоящим в следующем:

- «заниженная личностная самооценка инвалидов и неготовность к вступлению в новые общественные отношения по завершении общего образования;
- отсутствие индивидуального коммуникативного опыта вне стен образовательных учреждений или за рамками семейного общения;
- доминирование иждивенческих настроений над активным жизнепроявлением, потребительское отношение к окружающим, воспитанное в предшествующий период жизни, низкая мотивация к трудовой деятельности при возможности жить на пособия;
- индивидуальные нарушения психофизического развития, существенно ограничивающие и в нормативном, и в объективном порядке возможности самореализации» [15, с. 72].

Более половины инвалидов с детства (57 %) при ответе на вопрос об отношении к ситуации ограниченных физических возможностей указывают на привычность этого состояния для себя, включая как его физическую, так и психологическую составляющие. Также большая часть респондентов в возрасте от 18 до 27 лет (94 %) отрицает моменты самодискриминации, когда личность ограничивает свои социальные контакты и социальные потребности по причине наличия инвалидности. При этом более половины работающих респондентов в возрасте от 28 до 47 лет (55 %) отмечают вынужденный (продиктованный спецификой заболевания) характер выбранной профессии, вследствие чего отсутствует интерес к рабочей деятельности и ограничено пространство самореализации. Респонденты обеих возрастных групп отмечают, что негативные стереотипные представления об инвалидах, существующие в обществе, имеют место, однако для большинства это не являлось препятствием к их вхождению в те или иные социальные институты.

Ответы на вопросы блока *личность и общество* свидетельствуют о том, что у четверти опрашиваемых инвалидов с детства существуют затруднения в адаптации к студенческой среде, несмотря на то, что у этой категории лиц мотивация к приходу и активному участию в акциях выше, чем у остальных респондентов. Представители данной группы отмечают, что взаимодействие с людьми без инвалидности редко содержит прямой дискриминационный аспект. Однако, как правило, не происходит полного вхождения

в социум и реализации (особенно в сфере неформального общения со здоровыми людьми) лиц, имеющих инвалидность с детства. Это обусловлено различием жизненных контекстов (наличием или отсутствием факта ограниченных возможностей) и соответствующего личного опыта двух сторон коммуникационного процесса.

Анализируя ответы на вопросы в блоке *личность и семья*, зафиксировав, что для большинства совершеннолетних инвалидов с детства в возрасте от 18 до 27 лет характерна высокая степень ориентации на мнения членов семьи в таких вопросах, как выбор учебного заведения, лечения, планирование будущего. Эксперты, принявшие участие в нашем исследовании (психологи Центра психолого-педагогической помощи г. Новокузнецка и НГГТКИ), выявили следующие особенности. Характер детско-родительских отношений отличается мягкостью, снисхождением, гордостью за ребенка. Только некоторые родители используют жесткие установки в воспитании, отношения в такой семье строятся на страхе. Большая часть инвалидов с детства описывает тип детско-родительских отношений, который можно определить как гиперопеку и симбиоз. Остальные респонденты определяют семейные отношения как характерные для противоречивого типа и воспитания по типу повышенной моральной ответственности. Все указанные типы семейного воспитания способствуют формированию таких социально-психологических особенностей, как конформизм, нереалистичная самооценка, эгоцентричность, тревожность.

Согласимся с выводами Е. В. Белоноговой о том, что «скрытая гиперопекающая установка родителей может транслироваться ребенку, вызывая в нем сомнения относительно своей будущей самостоятельности, так как ставит будущее ребенка в полную зависимость от активности и помощи родителя» [16, с. 96]. Продолжение данной установки ребенка в той или иной степени характерно для совершеннолетнего инвалида с детства. Проявление этого факта состоит в том, что большая часть проинтервьюированных респондентов, проживая с родителями, продолжает воспроизводить отношения подчиненного характера, выражающиеся в физической, экономической и эмоциональной зависимости от родителей. Интересно, что инвалиды с детства старшего возраста (от 28 до 47 лет), оценивая детско-родительские отношения, в качестве негативных моментов воспитания указывают на формирование перечисленных выше черт, затрудняющих как процесс межличностного общения, так и в целом процесс социализации.

В блоке *личность и будущее* респондентов с инвалидностью с детства также можно разделить на две возрастные группы: первая – от 18 до 27 лет, вторая – от 28 до 47 лет. Для обеих групп главное в описании будущего – профессиональная деятельность: первая возрастная группа связывает с ней свое социально-экономическое благополучие и самореализацию; для второй группы, имеющей, как правило, опыт работы, характерно стремление сменить место работы. Первая группа видит будущее однозначно позитивно, представители в большей степени ориентированы на активное

участие в общественной и профессиональной жизни, чем на построение личной жизни. Для второй группы будущее в целом имеет неопределенно-негативный характер: проявляется тревога относительно возможного ухудшения состояния здоровья, появляется неудовлетворенность профессиональной и личной жизнью.

Рассматривая ответы на вопросы из блока *личность в общественной организации*, отметим, что для совершеннолетних инвалидов с детства в возрасте от 25 до 35 лет в целом характерно нейтрально-равнодушное отношение к формальному членству в общественной организации. Около 3 % этой категории формально не относятся к ней, не имеют членства, но при этом принимают участие в ее деятельности. Примерно 5 % опрошенных являются не просто активистами организации, а входят в ее управленческий состав. У представителей данной категории старше 35 лет наблюдается возврат интереса к формальному членству в организации, в большинстве случаев это связано с тем, что личность, как правило, не может достичь желаемого уровня профессиональной самореализации и стремится к карьерному росту в рамках общественной организации. Для большинства лиц, ставших инвалидами в детстве (86 %), и лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте (90 %), участие в деятельности общественной организации способствовало «критическому и активному действию, т. е. к использованию собственного потенциала при решении своих проблем» [17, с. 104].

Таким образом, социально-психологические особенности инвалидов с детства базируются на типе отношения к болезни. На практике это выражается в том, что опыт переживания ограниченных возможностей несколько сужает пространство общения между здоровыми людьми и инвалидами с детства, в частности, ролевые позиции в процессе общения зачастую носят характер подчинения (ведомости) со стороны инвалидов.

По результатам анализа мнений респондентов, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, на тему *личность и инвалидность* установлено, что для большинства опрошенных инвалидов данной категории завершен этап принятия инвалидности, со времени наступления травмы прошло пять и более лет, они социально активны, мотивированы на участие в общественной жизни и ее частичное реформирование. Согласно мнению многих респондентов, ситуация инвалидности позволила им развить такие личные качества, как целеустремленность, сила воли, эмпатия. Мотивацией получения образования и прихода в общественную организацию являются потребность в общении и потребность быть вписанным в систему общественных отношений – иметь поле реализации своих возможностей. Отметим, что получение образования в ряде случаев заменяет собой трудоустройство. Кроме того, для инвалидов этой категории общественная организация заменяет официальное рабочее место: 17 % респондентов в качестве места работы указали свою деятельность в общественной организации (против 7 % респондентов, имеющих инвалидность с детства).

Случаи самодискриминации и открытой дискриминации обозначили три респондента в возрасте от 46 до 48 лет.

Согласно данным, полученным из ответов на вопросы блока *личность и общество*, 80 % респондентов отмечают проблему потребности в общении и необходимость большей степени включения в систему общественных отношений для реализации своих социальных возможностей.

В блоке *личность и семья* ожидаемо выявлена иная роль семьи для лиц, получивших инвалидность в совершеннолетнем возрасте, отличная от роли, которую она имеет для инвалидов с детства. В данном случае семья больше воспринимается в качестве источника моральной и физической поддержки, однако она не оказывает влияния на формирование отношения к болезни в той степени, в которой это свойственно для инвалидов с детства.

Исходя из анализа ответов на вопросы блока *личность и будущее*, представители группы в равной степени связывают будущее с проявлением себя в общественной жизни и реализацией в семейных отношениях. В целом характер ответов этой группы носит более ровный тон, чем у респондентов, являющихся инвалидами с детства. Данный факт мы связываем с тем, что лица, ставшие инвалидами в совершеннолетнем возрасте, имеют более полный опыт первичной и вторичной социализации.

При ответе на вопрос *Каким ты был до прихода в общественную организацию?* из блока *личность в общественной организации* респонденты указывают на нехватку общения, отмечая, что была утрачена, пользуясь формулировкой Г. К. Кислицы, «способность свободно взаимодействовать с пространством и социумом», необходимая человеку «для нормального самочувствия», чтобы «ощущать себя включенным в более широкий контекст, чем семья, – в пространство социума, природы, наконец, мироздания» [18, с. 7]. Большинство респондентов отмечают, что участие в работе общественной организации помогло им восстановить свой социальный статус.

Таким образом, описанные социально-психологические особенности свидетельствуют о том, что тип отношения к болезни лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, оказывает влияние на процесс социализации в меньшей степени, чем для инвалидов с детства, т. к. период первичной социализации получивших инвалидность в совершеннолетия не был сопряжен с ситуацией ограниченных возможностей здоровья.

На основе проведенного исследования можно констатировать, что в зависимости от времени наступления инвалидности личность обладает различными социально-психологическими особенностями. Для инвалидов с детства это: высокие показатели личностной тревожности; низкие значения гедонистического настоящего и уровня принятия себя; преобладание типов отношения к болезни, характеризующихся нарушением социальной адаптации. Для лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, это: несбалансированность временной линии и высокие показатели ситуативной тревожности.

Заключение

Описанные социально-психологические особенности инвалидов обеих групп свидетельствуют о том, что инвалиды испытывают затруднения в социализации. Напомним, что Г. М. Андреева определяет социализацию и «как процесс усвоения индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду», и как «процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду» [1, с. 215].

Для совершеннолетних инвалидов с детства проблематичными являются обе части социализации. Процесс вхождения в социальную среду и освоения социального опыта, начинающийся с детского возраста, для инвалидов этой группы затруднен не только реальными физическими ограничениями, сужающими количество социальных институтов и число социальных агентов, но и фактором негативного влияния деструктивных воспитательных моделей, формирующих социально-психологические качества, замедляющие процесс социализации. Вследствие нарушения первого этапа неполным является процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду. Это проявляется в определенном расхождении требований и потенциалов социальной среды, которые она предоставляет человеку, с социально-психологическими особенностями личности, имеющей инвалидность, что в конечном итоге может привести к неполной или формальной социализации.

Для лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, проблематичным является второй этап социализации, т. е. воспроизводство системы социальных связей, и процесс активного включения в социальную среду зачастую является недоступным: эта категория (особенно инвалиды I и II групп) испытывает затруднения в трудоустройстве. Следовательно, для данной группы, так же как и для совершеннолетних инвалидов с детства, актуальна проблема соотношения собственного социального потенциала и возможности его реализации в обществе.

В результате проведенного методом неструктурированного интервью исследования социально-психологических особенностей, оказывающих влияние на процесс социализации с учетом наступления инвалидности, выяснено, что 87 % проинтервьюированных инвалидов с детства сталкиваются с затруднениями в процессе усвоения социального опыта в равной степени по двум причинам: 1) в силу объективных причин (например, состояния здоровья), сужающих как количество социальных институтов, так и формы проявления в них; 2) в силу влияния негативных родительских установок. В основе социально-психологических особенностей совершеннолетних инвалидов с детства находится отношение к болезни, которое формируется в семье и является следствием родительских установок. Ограничение социального развития личности особого ребенка является результатом его «защиты» от возможного травмирующего

коммуникативного опыта. Особенно характерна данная проблема для семейных отношений, в которых преобладают гиперопека и выстраивание симбиотических отношений с ребенком, в результате чего не все нормативные институты социализации являются доступными для инвалида в подростковом возрасте. Соответственно, проблемы у инвалидов с детства возникают и на этапе воспроизводства системы социальных связей: недостаточный социальный опыт и существующие ограничивающие убеждения сужают возможности личности к установлению и развитию социальных контактов и реализации социальных ролей.

Социально-психологические особенности лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, не базируются на типе отношения к болезни. Сформированные вне наступления инвалидности социально-психологические особенности личности, такие как коммуникабельность, стиль поведения в группе и другие, формируют тип отношения к болезни. В большинстве случаев в группе получивших инвалидность в совершеннолетнем возрасте распространены типы отношения к болезни, характеризующиеся отсутствием нарушений в социальной адаптивности.

При этом данная категория лиц также имеет проблемы в ходе социализации, однако они приходятся на другой этап социализации и имеют иные основания, чем у совершеннолетних инвалидов с детства. Основной потребностью, возникшей после этапа принятия инвалидности (и в определенной степени его продолжающей), стала потребность в новой социальной среде. Получение статуса инвалида, по мнению 93 % респондентов, привело к изменению сфер социального взаимодействия и самореализации.

В завершении отметим, что различие происхождения проблем социализации инвалидов с детства и лиц, ставших инвалидами в совершеннолетнем возрасте, должно учитываться при разработке программ социальной и социокультурной реабилитации.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 290 с. [Andreeva G. M. *Social psychology*. Moscow: Aspekt Press, 2001, 290. (In Russ.)]
2. Сенина А. В. Социализация инвалидов трудоспособного возраста в условиях ЦСРИДИ. *Социальное обслуживание семей и детей*, под ред. В. А. Барабохиной, Т. В. Бондаренко, М. М. Бубновой, Р. Г. Казаковой, М. А. Приваловой, Н. И. Сергеевой. СПб.: СПб ГБУ «Городской информационно-методический центр "Семья"», 2019. Вып. 17: Социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов трудоспособного возраста. С. 120–133. [Senina A. V. Socialization of persons with disabilities of working age at the Center for Social rehabilitation of the Disabled and disabled children. *Social service for families and children*, eds. Barabokhina V. A., Bondarenko T. V., Bubnova M. M., Kazakova R. G., Privalova M. L., Sergeeva N. I. St. Petersburg: StPSBE City Information Methodical Center Family, 2019, iss. 17: Social service for senior citizens and disabled people of working age, 120–133. (In Russ.)]
3. Деточенко Л. С. Проблемные аспекты социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья в России. *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*. 2022. № 4. С. 68–72. [Detochenko L. S. Problem aspects of socialization of persons with disabilities in Russia. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, 2022, (4): 68–72. (In Russ.)]
4. Дарган А. А. Социологическая интерпретация социальной субъектности людей с инвалидностью. *Знание. Понимание. Умение*. 2020. № 2. С. 84–96. [Dargan A. A. Sociological interpretation of social subjectness of disabled people. *Znanie. Poniimanie. Umenie*, 2020, (2): 84–96. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2020.2.7>
5. Красуцкая О. В. Социальная реабилитация в контексте жизненных траекторий инвалидов. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2018. Т. 18. № 3. С. 300–305. [Krasutskaia O. V. Social rehabilitation in the context of the disabled life trajectories. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2018, 18(3): 300–305. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-3-300-305>
6. Носенко-Штейн Е. Э. Опыт другой жизни: саморепрезентация людей с ограниченными возможностями здоровья в автобиографиях. *Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики*, отв. ред. А. С. Курленкова, Е. Э. Носенко-Штейн. М.: МБА, 2018. С. 95–126. [Nosenko-Stein E. E. Experiencing other lives: self-representation of disabled people in their autobiographies. *The other side of the moon, or what we don't know about disability: theory, representations, practices*, eds. Kurlenkova A. S., Nosenko-Stein E. E. Moscow: MBA Publishers, 2018, 95–126. (In Russ.)]
7. Адеева Т. Н. Специфика переживания ситуации инвалидности как приемлемого личностью и кризисного состояния. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2008. Т. 14. № 6. С. 202–208. [Adeeva T. N. Peculiarities of disability experience as a crisis state accepted by personality. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2008, 14(6): 202–208. (In Russ.)]

8. Ярская-Смирнова Е. Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997. 272 с. [Iarskaia-Smirnova E. R. *The sociocultural analysis of otherness*. Saratov: SSTU, 1997, 272. (In Russ.)]
9. Черничкина В. А. Социально-психологические проблемы инвалидов и основные стратегии их разрешения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2003. 27 с. [Chernichkina V. A. *Socio-psychological problems of the disabled and the main strategies for their resolution*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Yaroslavl, 2003, 27. (In Russ.)]
10. Кандаурова Т. И. Социальное положение и адаптация личности с ограниченными возможностями: гендерный аспект: дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. 240 с. [Kandaurova T. I. *Social status and adaptation of a person with disabilities: gender aspect*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Moscow, 2004, 240. (In Russ.)]
11. Реут М. Н. Особенности социализации незлышащей молодежи: дис. ... канд. социол. наук. М., 2000. 154 с. [Reut M. N. *Socialization of young people with hearing issues*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Moscow, 2000, 154. (In Russ.)]
12. Караяни Ю. М. Социально-психологическая модель реабилитации инвалидов боевых действий. М.: Военный университет, 2015. 132 с. [Karayani Yu. M. *Socially-psychological model of rehabilitation of invalids of operations*. Moscow: Military University, 2015, 132. (In Russ.)]
13. Рытов А. Г. Стратегии социальной адаптации к инвалидности в трудоспособном возрасте: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2009. 22 с. [Rytov A. G. *Strategies for social adaptation to disability in labor age*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Abstr. Nizhny Novgorod, 2009, 22. (In Russ.)]
14. Тельминова К. В. Различия социализации взрослых в условиях врожденной и приобретенной инвалидности. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2021. № 200. С. 174–189. [Telminova K. V. The differences in socialisation of adults with inborn and acquired disabilities. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2021, (200): 174–189. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2021-200-174-189>
15. Айсмонтас Б. Б., Одинцова М. А. Социально-психологическое сопровождение студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. *Психологическая наука и образование*. 2017. Т. 22. № 1. С. 71–80. [Aismontas B. B., Odintsova M. A. Social psychological support of students with disabilities. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2017, 22(1): 71–80. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/pse.2017220109>
16. Белоногова Е. В. Родительские экспектации в отношении подростков с ДЦП. *Инклюзивное образование: методология, практика, технология*: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 20–22 июня 2011 г.) М.: МГППУ, 2011. С. 95–97. [Belonogova E. V. Parental expectations in relation to adolescents with cerebral palsy. *Inclusive education: methodology, practice, and technology*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 20–22 Jun 2011. Moscow: MSUPE, 2011, 95–97. (In Russ.)]
17. Воронков К. И. Ресоциализация граждан в контексте социальной политики современной Франции и Германии. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2020. № 5. С. 101–105. [Voronkov K. I. Resocialization of citizens in the context of social policy of modern France and Germany. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*, 2020, (5): 101–105. (In Russ.)]
18. Кислица Г. К. Особенности психологического пространства у людей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*. 2012. Т. 4. № 4. [Kislitsa G. K. Peculiarities of psychological space in people with musculoskeletal system disorders. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*, 2012, 4(4). (In Russ.)] URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n4/57398.shtml (accessed 3 Apr 2022).

оригинальная статья

Формирование профессионально важных личностных качеств будущего горного инженера в условиях дуального обучения в Кемеровской области – Кузбассе

Григорьева Наталья Валентиновна

Филиал Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева в г. Прокопьевске, Россия, Прокопьевск

<https://orcid.org/0000-0003-1491-4113>

ngrigorn311@gmail.com

Поступила 14.04.2022. Принята после рецензирования 05.05.2022. Принята в печать 16.05.2022.

Аннотация: Анализируются требования руководителей горных предприятий Кемеровской области – Кузбасса к профессиональной компетентности будущих инженерных кадров добывающей отрасли. Наряду с теоретическими и практическими знаниями специалиста выделяются профессионально важные личностные качества, необходимые ему в условиях реализации профессиональной деятельности, когда он подвергается риску сам и отвечает за безопасность людей, работающих в шахте под его руководством. Обоснованы своевременность и целесообразность внедрения элементов дуального обучения как формы социального партнерства образовательного учреждения и крупного промышленного предприятия, разработаны механизмы взаимодействия социальных партнеров, определены возможности дуального обучения в процессе формирования профессионально важных личностных качеств будущего горного инженера. Методологию исследования составили анализ и обобщение научно-исследовательских работ зарубежных и российских ученых в области дуального обучения; анализ нормативно-правовых документов, требований руководителей горных предприятий к будущему горному инженеру, образовательных программ и учебных планов специалитета; оригинальные методики исследования индивидуальных особенностей личности студентов практико-ориентированной системы обучения и анализа социально-психологического климата трудового коллектива на предприятиях горной промышленности региона. Предложен проект корректировки программ специалитета и учебных планов по специальности 21.05.04 Горное дело, разработанный экспертной группой из числа преподавателей вуза и специалистов базового предприятия – социального партнера вуза по реализации проекта внедрения элементов дуального обучения в подготовку горных инженеров.

Ключевые слова: дуальное обучение, горный инженер, профессиональная компетентность, личностные качества, содержательная вариативность, социальное партнерство

Цитирование: Григорьева Н. В. Формирование профессионально важных личностных качеств будущего горного инженера в условиях дуального обучения в Кемеровской области – Кузбассе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 3. С. 181–188. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-181-188>

full article

Developing Professionally Important Personal Qualities of a Future Mining Engineer in the Conditions of Dual Training in Kuzbass

Natalia V. Grigoreva

Branch of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Russia, Prokopyevsk

<https://orcid.org/0000-0003-1491-4113>

ngrigorn311@gmail.com

Received 14 Apr 2022. Accepted after peer review 5 May 2022. Accepted for publication 16 May 2022.

Abstract: Kuzbass mining managers have certain requirements for professional skills of future mining engineers. Along with theoretical and practical knowledge, they expect university graduates to possess professionally important personal qualities that allow mining engineers to work in potentially dangerous environment and bear responsibility for themselves and their team. Dual training is a form of social partnership between an educational institution and a large industrial enterprise. The article provides mechanisms for interaction between social partners and describes the possibilities of dual training as a means of developing professionally important personal qualities. The author reviewed foreign and Russian publications in the field

of dual training and analyzed regulatory documents, requirements of mining managers, curricula of Mining university programs, personality characteristics of students of the practice-oriented specialties, and the socio-psychological climate at Kuzbass mining enterprises. The research resulted in an adjustment project for Mining majors and curricula developed by an expert group of university staff and mining enterprises.

Keywords: dual training, mining engineer, professional competence, personal qualities, content variability, social partnership

Citation: Grigoreva N. V. Developing Professionally Important Personal Qualities of a Future Mining Engineer in the Conditions of Dual Training in Kuzbass. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(3): 181–188. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-181-188>

Введение

Современные требования, предъявляемые сегодня к системе высшего образования, предполагают совершенствование процесса подготовки горного инженера, повышение его квалификации, компетентности и образованности. Высокий уровень образованности и профессиональная компетентность горного инженера являются необходимым условием для внедрения наукоемких технологий на горных предприятиях Кемеровской области для повышения ее конкурентоспособности [1–3].

Сегодня в результате высоких темпов технологического развития отрасли горные предприятия Кузбасса получили возможность повысить свою конкурентоспособность на мировом рынке. Например, в ведущих горнодобывающих и горно-перерабатывающих компаниях региона становится популярным не нанимать на работу молодых специалистов, окончивших высшие учебные заведения, а реализовывать собственный кадровый потенциал, т. е. целенаправленно готовить горных инженеров из числа собственных работников, проявляющих рационализаторские способности и инициативу в совершенствовании производственных процессов.

Кадровые службы отрасли отмечают, что при трудоустройстве производственный потенциал молодого специалиста значительно снижен из-за напряжения и стресса. Как показали исследования психологов, это влечет за собой трудности в профессиональной социализации молодых специалистов [4]. Можно сделать вывод, что реализация собственного кадрового потенциала предприятия и предъявляемых к системе высшего образования требований, направленные на повышение качества подготовки горного инженера, определили своевременность и целесообразность внедрения дуального обучения в подготовку горных инженеров.

По мнению немецких ученых, родоначальником дуального обучения является Германия. Системообразующим фактором этого вида практико-ориентированного обучения выступает институт социального партнерства, который представлен образовательным учреждением, промышленным предприятием и самим обучающимся. Ведущая роль здесь отводится работодателю, при этом существует четкая дифференциация обязанностей и интересов каждого партнера [5; 6].

Вслед за В. В. Землянским и Я. В. Канакиным под дуальным обучением мы понимаем «инновационную форму организации профессионального обучения, предполагающую согласованное взаимодействие образовательной и производственной

сфер в подготовке кадров определенного профиля и уровня квалификации в соответствии с потребностями конкретного предприятия» [7, с. 107]. При этом в вуз, и предприятие имеют общую цель, а именно – подготовка компетентного горного инженера с определенными профессионально-личностными качествами и присваиваемой квалификацией.

Вслед за Германией дуальное обучение уже внедрено в различных странах с развитой рыночной экономикой (Великобритания, США, Корея, Швеция, Финляндия, Япония и др.). Однако при более глубоком изучении особенностей внедрения дуального обучения в этих странах исследователи отмечают неблагоприятное вмешательство коммерческих структур в качестве посредника образовательных услуг, возрастающую стоимость дуального обучения, недостаточную приспособляемость и гибкость системы, а также необходимость совершенствования системы контроля [8–10].

В нашей стране особенности законодательства и исторически сложившиеся традиции высшего образования не позволяют применить оригинальное дуальное обучение, реализация которого в Германии осуществляется торгово-промышленными палатами и находится в строгих законодательных рамках [7; 11; 12]. Однако считаем своевременным и перспективным внедрение отдельных элементов дуального обучения как одной из форм практико-ориентированного образования.

Дуальная форма получения высшего образования не предполагает изменения структуры системы образования на уровне субъекта Российской Федерации, а предусматривает взаимодействие образовательного учреждения с организацией работодателя. Работодатель формирует заказ на подготовку специалистов с определенными квалификационными навыками и профессиональными качествами, в том числе личностными. По мнению исследователей регионального рынка, это позволяет предприятию не только обеспечивать производство профессиональными кадрами, отвечающими определенным требованиям, но и экономить затраты на подбор кадров, их дальнейшую адаптацию и профессиональную переподготовку [13].

Учреждения профессионального образования, согласно своей основной цели, занимаются подготовкой востребованных специалистов, преодолевая традиционную познавательную направленность и выстраивая образовательный процесс «от результата».

Методы и материалы

Учитывая зарубежный опыт, мы считаем целесообразным использовать организационные и педагогические принципы федеральных земель ФРГ как потенциальный способ регионализации профессионального образования, позволяющий переориентировать подготовку специалистов для отраслей промышленности в его содержательном, организационном, технологическом аспектах на удовлетворение наиболее значимых социально-экономических потребностей региона. По мнению российских исследователей, при определении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования, где целесообразно использовать элементы дуального обучения, а также при разработке программ специалитета и бакалавриата и требований к условиям их реализации должен учитываться региональный компонент. Разработка проекта корректировки образовательных программ и учебных планов, удовлетворяющих требования работодателя, должны основываться на прогнозном анализе промышленного развития региона с учетом его специфики в российских реалиях [14–16].

Проведенные нами анализ профессионально-квалификационной структуры подготовки специалистов на предприятиях региона, а также анализ потребностей квалификаций в соответствии с ориентирами промышленно-экономического и инвестиционного развития региона позволили определить основное условие внедрения элементов дуального обучения в подготовку горных инженеров в Кемеровской области. На основании прогноза состава и структуры потребности региона в кадрах мы считаем, что для внедрения элементов дуального обучения в подготовку горных инженеров Кузбасса необходимо определить социального партнера, готового задействовать собственные материальные и интеллектуальные ресурсы в подготовку высококвалифицированных специалистов для производственных нужд предприятия и горной отрасли в целом. Такая форма социального партнерства позволит не только включить специфические высокотехнологичные горнодобывающие предприятия Кузбасса, заинтересованные в результатах подготовки высококвалифицированных кадров для собственного производства, в процесс формирования профессиональной компетентности горных инженеров, но и избежать непоследовательность организации этапов производственной и образовательной деятельности при подготовке специалистов. При этом предприятие-работодатель активно участвует в разработке и внедрении образовательной программы, учитывая высокую динамику развития отрасли, тем самым разделяя ответственность за подготовку специалистов [17].

Сегодня в условиях социально-экономического развития Российской Федерации, особенно в условиях развития моногородов Кемеровской области, эффективно вводить элементы дуального обучения с участием горных предприятий на основе систематического устойчивого взаимодействия – от разработки требований до оценки результатов обучения. Нужно отметить, что степень участия базового предприятия в процессе обучения напрямую влияет на его

результаты. Именно распределение ответственности за профессиональную подготовку специалистов в соответствии с определенным списком требований предприятия является основным принципом внедрения элементов дуального обучения и главным условием социального партнерства предприятия и образовательного учреждения [18].

Поскольку принцип дуального обучения как форма социального партнерства основан на интегративной идее *Работодатель определяет «чему обучать»*, учебное заведение – *«как обучать»*, ориентация на потребности регионального рынка труда становится ведущим принципом. В то же время значимым условием социального партнерства образовательного учреждения и предприятия является корреляция требований государственного стандарта с производственными требованиями компании и реальными возможностями образовательного учреждения. Особое место в организации образовательного процесса занимает синхронизация календарного графика обучения на производстве и в вузе (с сохранением средней заработной платы и стажа подземной работы благодаря практике на рабочем месте).

Анализ требований руководителей производственных подразделений горных предприятий к выпускникам высших учебных заведений по специальности 21.05.04 Горное дело выявил, что сегодня на производстве профессиональная компетентность инженерных кадров включает в себя и личные качества. По словам руководителей ведущих горных предприятий Кузбасса, для управления людьми, финансовыми и материальными ресурсами предприятия на всех уровнях и этапах производства горный инженер должен не только иметь теоретические знания и профессиональные навыки выполнения тех или иных функций, но и понимать ответственность перед обществом за выполняемую работу.

Горный инженер должен проявлять склонность к инновациям и совершенствованию производства, обладать определенными личностными качествами, которые непосредственно влияют на качество его решений как в обычных производственных условиях, так и в экстремальных ситуациях, в условиях, в которых он сам подвергается риску и несет ответственность за безопасность людей, работающих в шахте. Для этого будущий горный инженер должен иметь сформированные коммуникативные, организаторские и волевые качества, а также обладать профессиональной независимостью в решении производственных задач.

Демонстрируя преданность своей команде и компании, горный инженер должен реализовываться в творчестве и инновациях, отвечать рыночным вызовам и неуклонно стремиться к успеху. Способность нести ответственность и управлять деятельностью коллектива, владение навыками общения и адекватного оценивания уровня собственной деятельности определили выбор личностного компонента профессиональной компетентности, когда горный инженер работает в условиях, в которых он сам подвержен риску и несет ответственность за безопасность людей.

Наряду с теоретическими знаниями, профессиональными умениями и навыками именно личные качества горного инженера позволяют ему разрабатывать определенные стратегии поведения, направленные на эффективное решение производственно-ситуационных задач; управлять всей системой, контролируя эмоции и не теряя определенных волевых качеств. Для определения личностных характеристик инженера, влияющих на качество решения производственных задач и повышение безопасности труда на горных предприятиях Кузбасса, сотрудниками университета по запросу работодателя проведен ряд психологических исследований. По оригинальным методикам были выявлены индивидуальные особенности личности студентов, обучающихся по специальности Горное дело. Результаты исследований не только содействовали выявлению компетенций, влияющих на формирование личностных качеств, но и легли в основу психологического подхода к решению проблем повышения безопасности труда и охраны здоровья на предприятии [4; 19; 20].

Результаты

Результаты исследований индивидуальных особенностей студентов практико-ориентированной системы обучения, анализ социально-психологического климата и уровня конфликтности трудовых коллективов горной промышленности в Кемеровской области, знание и понимание современных условий функционирования горного предприятия и образовательного учреждения высшего образования как сложной организационно-экономической и образовательной системы позволили социальным партнерам создать экспертную группу из числа преподавателей вуза и руководителей подразделений базового предприятия. Экспертной группой был определен список актуальных компетенций, необходимых горному инженеру (имеющему личностное отношение к предмету профессиональной деятельности, позволяющее действовать адекватно, самостоятельно и ответственно как в обычных, так и в экстремальных условиях профессиональной деятельности, в том числе в ситуациях неопределенности) для выполнения производственных заданий, принятия технологических решений при работе с людьми и высокотехнологичным оборудованием. Среди компетенций, влияющих на формирование личностных качеств, экспертной группой были выделены:

- абстрактное мышление, рефлексивное отношение к профессиональной деятельности (ОК-1, ОК-2);
- знание правовых основ различных сфер жизнедеятельности (ОК-5);
- способность действовать в нестандартных ситуациях, социальная и этическая ответственность за принятые решения (ОК-6);
- саморазвитие, самореализация, использование творческого потенциала (ОК-7);

- использование методов и средств физической культуры для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности (ОК-8);
- коммуникация в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач профессиональной деятельности (ОПК-2);
- умение руководить коллективом в сфере своей профессиональной деятельности, толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия профессиональных компетенций (ОПК-3);
- знание методов рационального и комплексного освоения георесурсного потенциала недр (ПК-2);
- знание методов снижения техногенной нагрузки производства на окружающую среду (ПК-5);
- умение разрабатывать и доводить до исполнителей наряды горных работ, осуществлять контроль качества работ (ПК-11);
- готовность оперативно устранять нарушения производственных процессов, умение анализировать оперативные и текущие показатели производства (ПК-12);
- умение изучать и использовать научно-техническую информацию в области эксплуатации подземных объектов (ПК-15);
- владение навыками научно-исследовательских работ (ПК-18);
- умение внедрять передовые формы и методы организации производства и труда (ПСК-1.4);
- владение методами обеспечения промышленной безопасности, в том числе в условиях чрезвычайных ситуаций (ПСК-1.5).

Необходимость в стимулировании формирующихся организационно-управленческих качеств и профессиональной мотивации будущих инженерных кадров, а также в синхронизации графика обучения на рабочем месте и в университете определили участие работодателей в корректировке образовательных программ. Корректировка образовательных программ и учебных планов с учетом рекомендаций работодателя, готового участвовать в подготовке инженеров для собственного производства, была проведена в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта¹. Во внимание был принят уровень базовой подготовки будущих специалистов, а именно наличие среднего профессионального образования. Для реализации этого условия учебная программа была скорректирована с учетом высокой динамики изменений промышленности и высокотехнологичного горного производства. Содержание инвариантной части определяется Федеральным государственным образовательным стандартом основной образовательной программы и образовательного учреждения [21].

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 21.05.04 Горное дело (уровень специалитета). Приказ Министерства образования и науки № 1298 от 17.10.2016. СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 10.04.2022).

Особое внимание к формированию личностных качеств будущего горного инженера в соответствии с рекомендациями работодателя определило целесообразность дополнения образовательных программ следующими дисциплинами по выбору:

- Основы деловых взаимоотношений;
- Практический курс линейного руководства;
- Построение деловой карьеры горным инженером;
- Разработка сложно-структурных угольных месторождений;
- Синергетика и прогноз геокатастроф и аварий;
- Социально-психологические аспекты организационно-управленческой деятельности;
- Элективные курсы по физической культуре и спорту.

Определяющим при выборе дисциплины *Основы деловых взаимоотношений* стал факт, что она направлена на формирование навыка толерантного отношения к персоналу, отличающемуся в Кемеровской области своими культурными, этническими, социальными особенностями и профессиональной принадлежностью. Дисциплина не только формирует умение управлять микроклиматом в коллективе, изучает методы профилактики коллективных конфликтов, но и содействует развитию навыков организации коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач профессиональной деятельности, эффективного выполнения своих обязанностей и в составе команды, и как ее лидер.

Выбор дисциплины *Практический курс линейного руководства* был обоснован необходимостью адаптации будущих горных инженеров к новым условиям профессиональной деятельности, изучения социально-экономических и правовых особенностей управленческого труда, умения мыслить в масштабах целей, формирования умений и навыка руководства, без которого горный инженер не сможет выполнять функцию управления.

Необходимость изучения дисциплины *Построение деловой карьеры горным инженером* связана с выработкой у будущих специалистов основных принципов и этапов построения деловой карьеры, формированием умений выделять главное в работе горного инженера и навыков управления коллективами.

Для формирования умений оценивания степени риска и идентификации вредности и опасности горного производства для человека и окружающей среды была выбрана дисциплина *Разработка сложно-структурных угольных месторождений*. Выбор дисциплины был обоснован особенностью геологических условий и сложностью ведения горных работ в Кузбассе.

Региональный компонент также повлиял на выбор дисциплины *Синергетика и прогноз геокатастроф и аварий*. Дисциплина направлена не только на изучение методов анализа рисков геокатастроф и аварий, снижение техногенной нагрузки на окружающую среду, но и на формирование навыков поведения будущего горного инженера в чрезвычайных ситуациях путем моделирования опасных геодинамических явлений и прогнозирования различных классов чрезвычайных ситуаций.

Определяющим фактором при выборе дисциплины *Социально-психологические аспекты организационной и управленческой деятельности* явилась ее направленность на формирование способности будущего инженера обобщать и анализировать информацию; определять приоритетность целей; устанавливать контакты; логически и последовательно выстраивать свою речь; устранять конфликты в коллективе, аргументируя и четко выражая мысли; принимать управленческие решения и нести ответственность за них.

Развитие отраслевых спортивных мероприятий и корпоративного спорта определили выбор дисциплины *Элективные курсы по физической культуре и спорту*. Благодаря своей доступности и возможности вовлечения максимального количества людей, игровые виды спорта вошли в список приоритетных в Кемеровской области. Корпоративный спорт направлен на сохранение и укрепление здоровья коллектива, формирование основ саморазвития и самовоспитания в соответствии с общечеловеческими ценностями и идеалами гражданского общества. Участие в игровых видах спорта формирует готовность и способность к самостоятельной, творческой и ответственной деятельности как в составе команды, так и во главе ее. *Элективные курсы по физической культуре и спорту* способствуют формированию толерантного поведения, формируют готовность и способность вести диалог с другими людьми, достигать в нем взаимного понимания. Именно игровые виды спорта помогают в формировании навыков сотрудничества для достижения общих целей.

Представленный список дисциплин, соответствующих учебной программе специальности Горное дело, может быть изменен и дополнен дисциплинами по выбору для усиления практической направленности образовательного процесса и для удовлетворения кадровых потребностей региона.

Разработанные механизмы взаимодействия в производственно-образовательном кластере позволили работодателю и преподавательскому составу образовательного учреждения создать экспертную группу и внести изменения в темы лекций, практических и лабораторных работ дисциплин по выбору. Рекомендуемые темы предназначены для обогащения рабочих программ профессиональным специализированным контекстом и направлены на решение производственно-ситуационных задач.

Дисциплина *Основы деловых взаимоотношений* была дополнена следующими темами:

1. Персонал как система. Системное восприятие персонала руководителем. Мотивация персонала. Деловой подход и командная работа.
2. Специфика труда современного линейного руководителя. Разработка и принятие управленческих решений. Управленческие коммуникации.
3. Производительно-ориентированное руководство коллективом предприятия. Социальная ответственность руководителя. Эффективность линейного руководства.
4. Личностные качества работников предприятия. Эргономика линейного руководства. Профессионально-значимые качества руководителя.

5. Управление микроклиматом в коллективе. Факторы микроклимата коллектива. Конфликты в коллективе и методы их профилактики.

В содержание дисциплины *Построение деловой карьеры горным инженером* были внесены следующие темы:

1. Карьера и карьеризм.
2. Деловая карьера как постоянная учеба и творчество.
3. Безопасность производства и управление коллективом людей.
4. Духовные законы, ведущие к максимальным достижениям в карьере. Закон контроля. Закон случая. Закон причины и следствия. Закон веры. Закон ожидания. Закон притяжения. Закон соответствия.
5. Основные этапы построения деловой карьеры горного инженера.
6. Деловая карьера и освоение нескольких производственных должностей.
7. Особенности должности первого руководителя.
8. Критерии отбора и выдвижения инженера на руководящие должности.
9. Роль человеческого фактора в травматизме и обеспечении безопасности.
10. Ранжирование задач.
11. Горное искусство как часть профессиональных знаний. Дисциплина *Разработка сложно-структурных угольных месторождений* имеет региональную направленность и включает в содержание следующие разделы:

1. Обоснование разработки сложно-структурных угольных месторождений малыми шахтами.
2. Анализ запасов угля в сложных, структурных месторождениях Кузбасса.
3. Изучение и анализ геологических запасов в Кузбассе. Сложность, наукоемкость и высокая технологичность геомеханических явлений, аварий и геокатастроф определили содержание дисциплины *Синергетика и прогноз геокатастроф и аварий*, в которую были включены следующие темы:

1. Основные понятия синергетики. Истоки теории самоорганизации.
2. Процессы самоорганизации. Синергетика как новое мировоззрение.
3. Особенности синергетики как науки. Понятие парадигмы. Становление новой парадигмы. Механическое и термодинамическое равновесие.
4. Элементы теории геокатастроф и аварий. Естественно-научные основы синергетики. Энтропия и хаос. Синергетическая природа геокатастроф и аварий. Теория особенностей Уитни. Применение теории Уитни. Машина геокатастроф.
5. Синергетические модели. Цель и задачи синергетического подхода. Принципы синергетического подхода к моделированию геомеханических явлений по прогнозу геокатастроф и аварий.
6. Методы анализа рисков геокатастроф и аварий. Структурная методология целостного подхода. Анализ

и синтез. Роль хаоса в процессах самоорганизации. Переход от анализа к синтезу.

7. Процессы эволюции сложных систем. Фундаментальность понятия целостности и проблема систематизации. Обзор существующих представлений о механизме внезапных выбросов угля и газа. Проблема систематизации.
8. Синергетика взрывоопасной горной среды. Общие положения синергетического подхода к моделированию опасных геодинамических явлений. Риск геокатастроф.
9. Нелинейные процессы. Система термодинамических неравновесных процессов. Синергетическая модель среды. Фундаментальность понятия целостности.
10. Хаотичное и сложное регулярное движение. Механизм формирования взрывоопасной газодинамической зоны. Образование диссипативной термодинамической структуры. Уравнение движения в безразмерных координатах.
11. Математическая модель изменения скорости движения гетерогенной среды в полости выброса. Математическая постановка задачи распространения ударной волны по горным выработкам.

Внедрение элементов дуального обучения в подготовку инженерных кадров с целью формирования профессионально важных личностных качеств будущего горного инженера осуществлялось как комплексное использование активных и интерактивных методов обучения. Решение производственно-ситуационных задач, имевших место на предприятии работодателя – социального партнера вуза по реализации внедрения элементов дуального обучения при подготовке горных инженеров легло в основу проблемного обучения, методов решения кейсов, мозгового штурма, моделирования и сравнения, интерактивного метода направленной дискуссии, деловых и организационно-деятельностных игр. На различных этапах практических занятий активно использовались поисковые, творческие, диагностические и репродуктивные упражнения, а также рефлексия деятельности [22]. Комбинация этих методов проводится в рамках междисциплинарных проектов на базе и с участием работодателей.

При подготовке специалиста «под заказа», а также с целью формирования профессионально важных личностных качеств, которые нужны горному инженеру, когда он рискует жизнью сам и отвечает за безопасность подшефных работников шахты, была внедрена «Траектория профессионального роста», позволившая получить будущему горному инженеру дополнительную квалификацию и сформировать навыки самостоятельного и ответственного действия в экстремальных условиях профессиональной деятельности [23]. Наличие дополнительной квалификации не только содействует формированию профессионально важных личностных качеств и профессиональных навыков, которые непосредственно влияют на качество решений будущего горного инженера, но и снижает риск социальной дезадаптации специалиста в случае изменения жизненной ситуации, обеспечивает выпускника трудоустройством в случае изменения приоритетов развития горного производства.

Заключение

Принципы дуального обучения, согласно идее *Работодатель определяет «чему обучать»*, учебное заведение – «как обучать», обеспечили корреляцию требований государственного стандарта с производственными требованиями предприятия и реальными возможностями образовательного учреждения, учитывая специфику высокотехнологичной горной промышленности и опасное производство. Внедрение дуального обучения в подготовку будущих горных инженеров как формы социального партнерства образовательного учреждения и крупного промышленного предприятия позволили разработать механизмы взаимодействия социальных партнеров с целью формирования профессиональных

навыков и профессионально важных личностных качеств будущего горного инженера, влияющих на решение конкретных производственных задач и оптимальный выбор действий в ситуации, в которой он сам подвержен риску и несет ответственность за безопасность людей.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Ахмедьянова Г. Ф. Инженерная компетентность как результат интеграции творческого и технологического компонентов обучения. *Фундаментальные исследования*. 2011. № 8-1. С. 13–16. [Akhmedyanova G. F. Engineer competency as a result of constructive and technological teaching components. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2011, (8-1): 13–16. (In Russ.)]
2. Бай Ю. Д., Денчук Д. С., Серебрякова Е. Н. Перспективы развития дополнительных образовательных траекторий в технических университетах на примере элитного технического образования НИ ТПУ. *Современные наукоемкие технологии*. 2016. № 5-3. С. 509–515. [Bay Yu. D., Denchuk D. S., Serebryakova E. N. Prospects for development of additional educational pathways in engineering universities through the example of elite engineering education NR TPU. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, 2016, (5-3): 509–515. (In Russ.)]
3. Болотов В. А., Вальдман И. А., Горбовский Р. В., Захир Ю. С., Мерцалова Т. А. Ключевые вопросы развития национальных и региональных систем оценки качества образования (экспертный обзор). М.: НИУ ВШЭ, 2016. 232 с. [Bolotov V. A., Valdman I. A., Gorbovsky R. V., Zakhir Yu. S., Mertsalova T. A. *Key issues in the development of national and regional systems of education quality assessment: a peer review*. Moscow: HSE, 2016, 232. (In Russ.)]
4. Мороденко Е. В., Медовикова Е. А. Анализ социально-психологического климата трудового коллектива на предприятиях угольной промышленности Кемеровской области. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2-1. С. 135–137. [Morodenko E. V., Medovikova E. A. The analysis of the socio-psychological climate in the working staff of coal industry enterprises of Kemerovo region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-1): 135–137. (In Russ.)]
5. Абишев А. А., Воробьев А. Е., Мурзаева А. К. Дуальная технология обучения студентов в системе высшего образования республики Казахстан. *Человек. Общество. Инклюзия*. 2017. № 4. С. 92–102. [Abishev A. A., Vorobyov A. E., Murzaeva A. K. Dual technology of student training in the system of higher education of the Republic of Kazakhstan. *Chelovek. Obshchestvo. Inkluziia*, 2017, (4): 92–102. (In Russ.)]
6. Мухаметзянова Г. В., Айтуганов И. М., Корчагин Е. А., Матухин Е. Л., Самолдина Л. Н., Сафин Р. С. Взаимодействие образования и производства: содержание, модели реализации. *Казанский педагогический журнал*. 2010. № 3. С. 5–10. [Mukhametzyanova G. V., Aituganov I. M., Korchagin E. A., Matukhin E. L., Samoldina L. N., Safin R. S. Interaction of education and production: matter, models of realization. *Kazan Pedagogical Journal*, 2010, (3): 5–10. (In Russ.)]
7. Землянский В. В., Канакин Я. В. Теоретические аспекты дуальной целевой подготовки специалистов. *Вопр. соврем. науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского*. 2012. № 1. С. 104–110. [Zemlyansky V. V., Kanakin Ya. V. Theoretical aspects of dual target training of specialists. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V. I. Vernadskogo*, 2012, (1): 104–110. (In Russ.)]
8. Greinert W.-D., Wolf S. *Die Berufsschule – radikale Neuorientierung oder Abstieg zur Restschule?* 2. Aufl. Berlin: Universitätsverlag der TU Berlin, 2013, 249.
9. Kutscha G. Bildung im Medium des Berufs? Ein kritisch-konstruktiver Beitrag zur Auseinandersetzung mit der bildungstheoretischen Grundlage der Berufs- und Wirtschaftspädagogik durch Herwig Blankertz unter besonderer Berücksichtigung neuerer Beiträge zur Theorie der beruflichen Bildung. *Pädagogische Korrespondenz*, 2011, 43: 65–83. <https://doi.org/10.25656/01:8825>
10. Schulz K. *Das Duale System der Beruflichen Bildung in Deutschland. Darstellung und Kritik*. Munich: GRIN Verlag GmbH, 2007, 64.
11. Кольга В. В., Шувалова М. А. Современные модели дуального образования техников высокотехнологичной отрасли. *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1-1. [Kolga V. V., Shuvalova M. A. Modern models of dual education of technicians for high-tech industry. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2015, (1-1). (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18103> (accessed 30 Mar 2022).

12. Шумакова О. В., Мозжерина Т. Г., Комарова С. Ю., Гаврилова Н. В. Опыт дуального образования как возможность повышения эффективности профессиональной подготовки обучающихся. *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ*. 2016. № 4. [Shumakova O. V., Mozzherina T. G., Komarova S. Yu., GavriloVA N. V. Experience of dual training as an opportunity for increasing the proficiency of professional education. *Elektronnyi nauchno-metodicheskii zhurnal Omskogo GAU*, 2016, (4). (In Russ.)] URL: <http://e-journal.omgau.ru/index.php/2016-god/7/32-statya-2016-4/485-00230> (accessed 30 Mar 2022).
13. Kulay S. V., Kayachev G. F. Innovative model of practice-oriented training of employees of the town-forming enterprise in the mining region (by the Example of JSC "SUEK-Kuzbass"). *E3S Web of Conferences: Proc. IIInd Intern. Innovative Mining Symposium, Kemerovo, 20–22 Nov 2017*. EDP Sciences, 2017, vol. 21. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20172104029>
14. Шадрин А. И. Интеграция образования и науки в регионе: вопросы теории и практики. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2018. 218 с. [Shadrin A. I. *Integration education in the region: theory and practice*. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafiev, 2018, 218. (In Russ.)]
15. Шайдудина А. Р. Интеграция ссуза, вуза и производства в региональной системе профессионального образования: дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2010. 413 с. [Shaidullina A. R. *Integration of secondary school, university and production in the regional system of vocational education*. Dr. Ed. Sci. Diss. Kazan, 2010, 413. (In Russ.)]
16. Овсиенко Л. В., Зимина И. В., Есенина Е. Ю. Дуальное обучение как важный фактор повышения инвестиционной привлекательности региона. *Вестник Казанского технологического университета*. 2014. Т. 17. № 5. С. 339–343. [Ovsienko L. V., Zimina I. V., Esenina E. Yu. Dual training as an important factor in increasing the investment attractiveness of the region. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2014, 17(5): 339–343. (In Russ.)]
17. Григорьева Н. В., Мокрецова Л. А., Швеиц Н. А. Технология подготовки специалистов в условиях дуального обучения. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2018. № 1. С. 109–115. [Grigoreva N. V., Mokretsova L. A., Shvets N. A. Technology of training specialists in dual education environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, (1): 109–115. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-1-109-115>
18. Тешев В. А. Дуальное образование как фактор модернизации системы социального партнерства вузов и предприятий. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»*. 2014. № 1. С. 144–150. [Teshev V. A. Dual education as a factor in the modernization of the social partnership of universities and enterprises. *Bulletin of Adyge State University. Series "Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies"*, 2014, (1): 144–150. (In Russ.)]
19. Мороденко Е. В., Медовикова Е. А. Анализ проблем конфликтности на предприятиях угольной промышленности Кузбасса. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*. 2017. № 4. С. 300–303. [Morodenko E. V., Medovikova E. A. Analysis of conflict issues at enterprises of the Kuzbass coal industry. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, 2017, (4): 300–303. (In Russ.)]
20. Мороденко Е. В., Медовикова Е. А. Психологический подход к решению проблемы повышения безопасности труда и охраны здоровья на предприятиях угольной промышленности Кузбасса. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2017. Т. 23. № 3. С. 86–89. [Morodenko E. V., Medovikova E. A. Psychological approach to the solution of the problem of increasing the safety of labour and health protection at the enterprises of the Kuzbass coal industry. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2017, 23(3): 86–89. (In Russ.)]
21. Денчук Д. С., Замятина О. М., Минин М. Г., Садченко В. О. Анализ компетенций инженерного изобретательства в практике российского и международного высшего профессионального образования. *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 6. [Denchuk D. S., Zamyatina O. M., Minin M. G., Sadchenko V. O. Analysis of engineering competencies in standards and programmes of engineering universities. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2014, (6). (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16871> (accessed 30 Mar 2022).
22. Кузин Е. Г. Методы управления результатом образования путем формирования обратной связи от студентов при постановке открытых задач. *Новый взгляд на систему образования: сб. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. (Прокопьевск, 14–15 апреля 2021 г.)*. Прокопьевск: Филиал КузГТУ в г. Прокопьевске, 2021. С. 70–74. [Kuzin E. G. Methods of managing the result of education by forming feedback from students when setting open tasks. *A new look at the education system: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Prokopyevsk, 14–15 Apr 2021*. Prokopyevsk: Prokopyevsk branch of KuzSTU, 2021, 70–74. (In Russ.)]
23. Григорьева Н. В. Траектория профессионального роста как инструмент профессиональной компетентности специалиста в условиях дуального обучения. *EurasiaScience: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 31 января 2017 г.)*. М.: Актуальность.РФ, 2017. С. 63–66. [Grigoreva N. V. Trajectory of professional growth as an instrument of specialist's professional competence in dual education environment. *EurasiaScience: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 31 Jan 2017*. Moscow: Actualnost.RF, 2017, 63–66. (In Russ.)]

оригинальная статья

Формирование цифровых компетенций педагогов в процессе повышения квалификации в условиях цифровой трансформации образования

Широколобова Анастасия Георгиевна

Кузбасский государственный технический университет

имени Т. Ф. Горбачева, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0001-9897-1929>

nastja_shirokolo@rambler.ru

Ларионова Юлия Сергеевна

Кемеровский государственный медицинский университет,

Россия, Кемерово

<https://orcid.org/00000-002-0748-5042>

Ачкасова Оксана Геннадьевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-1286-1305>

Широколов Георгий Валентинович

Кузбасский государственный технический университет

имени Т. Ф. Горбачева, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0003-3293-9947>

Поступила 30.10.2021. Принята после рецензирования 14.02.2022. Принята в печать 21.02.2022.

Аннотация: Вопросы организации и содержания подготовки педагогов к работе в новых условиях обучения в системе непрерывного педагогического образования остаются недостаточно изученными и требуют единого подхода к подготовке педагогических кадров к профессиональной деятельности. Актуальность исследования заключается в необходимости формирования цифровых компетенций у научно-педагогических и профессионально-педагогических работников профессионального образования для организации учебного процесса с применением цифровых образовательных технологий, что обусловлено формированием и развитием цифровой образовательной среды на всех уровнях организации образовательной деятельности. Цель – выявить уровень сформированности цифровых компетенций у педагогических работников профессионального образования после освоения ими разработанной авторской дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Цифровые технологии в работе преподавателей». Методы исследования: анализ и обобщение научной, научно-практической литературы, локальных нормативных документов вуза; наблюдательные методы (прямое и косвенное наблюдение, анкетирование). В результате исследования выявлена необходимость повышения квалификации профессорско-преподавательского состава высшей школы с целью формирования цифровых компетенций для осуществления педагогической деятельности в условиях цифровой трансформации образования. Описана сущность понятия цифровые компетенции. Рассмотрены этапы апробации дополнительной профессиональной программы для ее последующего внедрения в образовательный процесс вуза. Проведенное исследование позволяет утверждать, что разработанная программа обеспечивает системный процесс повышения квалификации педагогических кадров в условиях цифровизации образования; системное формирование и повышение уровня цифровых компетенций у преподавателей; определение уровня их сформированности с помощью разработанного фонда оценочных средств; разработку электронно-обучающих курсов, которая стала возможной на основании повышения уровня сформированности цифровых компетенций; повышение эффективности учебного процесса в новых цифровых условиях за счет внедрения электронно-обучающих курсов в учебный процесс. Данную программу целесообразно внедрять в деятельность образовательных организаций с целью повышения квалификации педагогических кадров специальной подготовки обучения, дополнительной подготовки обучения и послевузовского профессионального образования.

Ключевые слова: цифровая трансформация образования, цифровые компетенции, профессиональное образование, электронно-обучающий курс, дополнительная профессиональная программа повышения квалификации, платформа LMS Moodle, массовые открытые онлайн-курсы

Цитирование: Широколобова А. Г., Ларионова Ю. С., Ачкасова О. Г., Широколов Г. В. Формирование цифровых компетенций педагогов в процессе повышения квалификации в условиях цифровой трансформации образования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 3. С. 189–197. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-189-197>

full article

Pedagogical Staff and Digital Competencies: Professional Development in the Academic Digitalization

Anastasia G. Shirokolobova

T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0001-9897-1929>

nastja_shirokolo@rambler.ru

Julia S. Larionova

Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/00000-002-0748-5042>

Oksana G. Achkasova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-1286-1305>

Georgii V. Shirokolobov

T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0003-3293-9947>

Received 30 Oct 2021. Accepted after peer review 14 Feb 2022. Accepted for publication 21 Feb 2022.

Abstract: Modern university teaching staff require digital competencies, but their development in the digitalization epoch still remains understudied. The organization and content of digital training in the system of continuing pedagogical education also need a unified approach. The article focuses on digital skill development in faculty members as part of life-long learning. The authors defined the concept of digital competency and created a professional retraining program of Digital Technologies in Teaching, which they put to an evaluation test. The course lasted 72 hours and consisted of several stages and a final assessment. The research objective was to identify the level of digital competencies in the course graduates. The study involved a review of relevant scientific publications, an analysis of normative documents, and various methods of observation. The program provided a well-structured learning process and enabled the participants to create digital syllabuses of their own. It can be recommended for teaching staff of all education levels who would like to increase their digital competency.

Keywords: education digital transformation, teacher digital competencies, professional education, electronic training course, additional professional training program, LMS Moodle platform

Citation: Shirokolobova A. G., Larionova Ju. S., Achkasova O. G., Shirokolobov G. V. Pedagogical Staff and Digital Competencies: Professional Development in the Academic Digitalization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(3): 189–197. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-189-197>

Введение

Современный этап развития профессионального образования (ПО) характеризуется цифровым форматом, основой которого является формирование и развитие цифровой экономики, что влечет за собой трансформацию и других сфер жизни общества. Изменения в сфере образования заключаются в том числе во внедрении дополнительных профессиональных программ повышения квалификации (ДПП ПК), направленных на формирование цифровых компетенций (ЦК). В 2017 г. Правительством РФ была принята ДПП ПК «Цифровая экономика Российской Федерации», в которой определено, что к 2024 г. количество выпускников системы ПО, владеющих базовыми компетенциями цифровой экономики, должно составлять не менее 800 тыс. человек

в год (в т. ч. выпускников системы высшего образования по IT-специальностям – 120 тыс. человек в год)¹. Реализация данной госпрограммы потребовала существенно изменить отечественную систему образования структурно и содержательно. В частности, инновационные процессы в образовании актуализировали необходимость подготовки педагогических кадров к обучению специалистов цифровой экономики в условиях формирующейся цифровой образовательной среды. Также были приняты и другие программные документы: Стратегическое направление в области цифровой трансформации науки и высшего образования², Современная цифровая образовательная среда в РФ³, национальный проект «Образование»⁴ и прочие официальные документы⁵.

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства РФ № 1632-р от 28.07.2017. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 05.09.2021).

² Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования. Распоряжение Правительства РФ № 3759-р от 21.12.2021. СПС Гарант.

³ Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол № 9 от 25.10.2016). URL: <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuFSIZYfTvOAG.pdf> (дата обращения: 28.08.2021).

⁴ Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 16 от 24.12.2018). URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (дата обращения: 29.08.2021).

⁵ О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года. Указ Президента РФ № 204 от 07.05.2018. СПС Гарант.

Актуальность исследования заключается в необходимости формирования ЦК у научно-педагогических и профессионально-педагогических работников ПО для организации учебного процесса с применением электронно-образовательных технологий (ЭОТ), что обусловлено становлением и развитием цифровой образовательной среды на всех уровнях организации образовательной деятельности. Научная новизна связана с созданием авторских средств формирования ЦК и описанием ЦК педагогических кадров в условиях цифровой трансформации образования. Практическая значимость состоит в разработке авторской ДПП ПК «Цифровые технологии в работе преподавателей» в объеме 72 ч. как средства формирования ЦК педагогических кадров ПО для создания электронно-обучающего курса (ЭОК).

Цель – выявить уровень сформированности ЦК педагогических кадров при реализации ДПП ПК «Цифровые технологии в работе преподавателей». Задачи:

- 1) раскрыть сущность понятия *цифровые компетенции* в педагогической науке;
- 2) разработать авторскую ДПП ПК «Цифровые технологии в работе преподавателей» для педагогических кадров как средство формирования ЦК;
- 3) описать этапы апробации программы;
- 4) определить уровни сформированности ЦК у педагогических кадров ПО в результате освоения программы.

Теоретическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные следующим вопросам:

1. Цифровизация и цифровая трансформация образования [1–6]. В зарубежной педагогической науке и практике не рассматриваются теоретические проблемы цифровой трансформации системы образования, упор делается на изучение частных аспектов процесса цифровизации образования, а именно на использование цифровых технологий в учебном процессе, их влияние на вовлеченность обучающихся, внедрение онлайн-обучения в учебный процесс. В отечественной педагогической науке вопросы цифровизации и цифровой трансформации образования трактуются исследователями с разных позиций. Например, как перевод информации в «цифру»; новая парадигма мысли; взаимодействие друг с другом; новый этап развития общества, приводящий к росту качества жизни населения; средство совершенствования бизнес-процессов и комплексного решения задач инфраструктурного, управленческого, поведенческого и культурного характера.

2. Формирование ЦК педагогических работников [7–14]. Исследование профессиональных компетенций педагога в условиях цифровой трансформации образования ведется под руководством Комитета по образованию Европейского союза, которым в 2017 г. был предложен профиль ЦК учителя *Digital Competence of Educators (DigCompEdu)*. Европейская модель ЦК *DigCompEdu* выделяет шесть блоков

формирования ЦК и включает в себя 22 компетенции [15]. Анализ последних отечественных исследований и публикаций в области ЦК доказывает, что данное понятие является актуальным и исследуемым.

3. В 2020 г. Центр подготовки руководителей и команд цифровой трансформации ВШГУ РАНХиГС разработал модель цифровых компетенций «Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления» [16]. Она служит терминологической и семантической основой, в которой отражены знания, умения и навыки сотрудников, необходимые для обеспечения высоко результативной и эффективной деятельности.

4. Смешанное обучение [17–20]. В зарубежных научных исследованиях особый интерес к теории и практике смешанного обучения обозначился только в 1990–2000-е гг. На сегодняшний момент у исследователей не существует единого мнения по вопросу определения и внедрения смешанного обучения. Ученые акцентируют внимание на различных аспектах вопроса, таких как сочетание форм онлайн-обучения и традиционных форм, изменение формата обучения, индивидуализация учебного процесса и сокращение аудиторной работы.

Поставленная государством задача – обеспечить развитие цифровизации образования – потребовала существенно изменить систему образования в структурном и содержательном планах, а именно инновационные процессы в образовании актуализировали проблему подготовки педагогов к осуществлению эффективной учебной деятельности в условиях цифровой трансформации. Однако вопросы организации и содержания подготовки педагогов к работе в системе непрерывного педагогического образования, сопровождающегося цифровой трансформацией, остаются недостаточно изученными и требуют единого подхода к подготовке педагогических кадров к эффективной профессиональной деятельности в цифровом обществе РФ.

В настоящее время использование дистанционных образовательных технологий и системы электронного обучения находит широкое применение на различных уровнях образования. Такие формы обучения помогают обучающимся реализовывать собственные образовательные цели, направленные на развитие личности, приобретение профессии, формирование навыков самообразовательной деятельности. Дистанционное обучение позволяет каждому человеку обучаться в удобном темпе, исходя из личностных возможностей и особенностей, а также не ограничивать себя в территориальном выборе образовательного учреждения.

В п. 2. ст. 16 ФЗ «Об образовании в РФ» обозначено, что «организации, осуществляющие образовательную деятельность, вправе применять электронное обучение, дистанционные образовательные технологии при реализации образовательных программ»⁶. В связи с этим многие профессиональные образовательные учреждения

⁶ Полева М. В. Модель компетенций специалиста цифровой экономики. 43 с. *Финансовый университет при Правительстве РФ*. URL: <http://www.fa.ru/org/dpo/finprofessional/Documents/news/2019/11/13%20091119%20Модель%20компетенций.pdf> (дата обращения: 29.08.2021).

вводят в образовательную практику или электронное, или смешанное обучение, или обучение с использованием дистанционных образовательных технологий.

Применение цифровых технологий в образовательном процессе требует особых подходов. Главная задача организации обучения с использованием цифровых технологий заключается в осмысленном, технически и методически грамотном, эффективном управлении процессом обучения, в компетентной деятельности преподавателей, отвечающих за результативный образовательный процесс.

Понятие цифровые компетенции

Анализ последних отечественных публикаций по вопросу формирования ЦК позволил выявить актуальность работ, посвященных разработке инновационных моделей формирования ЦК [12; 14; 16; 21–24]. Так, М. В. Полевая, разработавшая модель компетенций специалиста цифровой экономики, «выделяет три группы навыков: социально-поведенческие, когнитивные и цифровые. К цифровым навыкам профессор относит создание систем (программирование, разработка приложений, проектирование производственных систем) и управление информацией (обработка и анализ данных)» [21, с. 31]. Мы разделяем мнение П. С. Ломаско и А. Л. Симоновой, предлагающих уровневую модель ИКТ-компетентности и рассматривающих общепедагогическую ИКТ-компетентность как «способность и готовность к решению основных задач образовательной деятельности при помощи средств ИКТ» [12, с. 79].

Н. П. Ячина и О. Г. Г. Фернандес утверждают, что в понятие ЦК включается «уверенное и критическое использование студентами компьютера, мобильного телефона, планшетного компьютера, интерактивной доски. Эта компетентность основана на логическом мышлении, высоком уровне владения управлением информацией и высококоразвитом мастерстве владения цифровой техникой» [14, с. 134]. В понятие ЦК авторы предлагают включать «понимание общей структуры и взаимодействия устройств ЭВМ; понимание потенциала цифровых технологий для инновационной деятельности; базовое понимание надежности и достоверности получаемой информации, умение пользоваться программами для проектирования учебного занятия» [14, с. 134].

В вопросе формирования ЦК интересно уже упомянутое исследование ВШГУ РАНХиГС [16]. С точки зрения авторов, модель представляет собой полный набор компетенций и их характеристик, сформированных в соответствии с видом профессиональной деятельности. Предлагаемая модель состоит из 4 блоков: 1) базовые цифровые компетенции; 2) личностные компетенции; 3) профессиональные компетенции; 4) цифровая культура [16, с. 18].

Опираясь на первый блок модели, мы предлагаем ЦК педагога ПО, уровни их сформированности, средства формирования (модули и темы ДПП ПК «Цифровые технологии в работе преподавателей»; массовые открытые онлайн-курсы, используемые при реализации программы), критерии оценки сформированности (таб.).

Табл. Цифровые компетенции педагога профессионального образования

Tab. Digital competences of university staff

ЦК	Индикаторы	Уровни	Модули и темы	Массовые открытые онлайн-курсы
1. Находить, анализировать и использовать информацию и онлайн-материалы в учебном процессе	Способен находить учебную информацию в сети Интернет	Низкий	Цифровые образовательные технологии в работе педагога. Тема 1. Работа с поисковыми системами и агрегаторами. Образовательные российские и зарубежные онлайн-платформы. Тема 2. Авторские права на электронный контент.	Основы информационной культуры ⁷
	Способен находить и анализировать учебную информацию из сети Интернет	Средний		
	Способен находить, анализировать и встраивать найденную информацию в учебный процесс	Высокий		
2. Создавать визуально эффективные учебные материалы (инфографика)	Знаком с базовыми графическими редакторами, умеет использовать готовые материалы	Низкий	Цифровые образовательные ресурсы в работе педагога. Тема 1. Инструменты разработки интерактивного контента (Тильда, Canva, Google), инструменты для создания учебной инфографики.	Графическая визуализация исследований и проектов ⁸
	Применяет базовые графические редакторы для визуализации данных	Средний		
	Активно применяет современные графические редакторы для визуализации данных	Высокий		

⁷ Основы информационной культуры. *Открытое образование*. URL: <https://openedu.ru/course/spbstu/BIC/> (дата обращения: 29.08.2021).

⁸ Графическая визуализация исследований и проектов. *Открытое образование*. URL: <https://openedu.ru/program/spbu/GRAPHVIS/> (дата обращения: 29.08.2021).

ЦК	Индикаторы	Уровни	Модули и темы	Массовые открытые онлайн-курсы
3. Создавать интерактивный учебный контент	Знаком с базовым программным обеспечением и использует готовые материалы для создания интерактивного контента	Низкий	Цифровые образовательные технологии в работе педагога. Тема 1. Технологии и инструменты интерактивного занятия. Тема 2. Геймификация в электронном обучении. Ресурсы для создания игровых заданий. Google-инструменты. Ментальные карты. Интерактивные доски (Miro, Jamboard, Padlet).	Современные технологии проектирования, разработки и внедрения электронных образовательных ресурсов ⁹
	Применяет базовое программное обеспечение для создания авторского интерактивного контента	Средний		
	Активно применяет современное программное обеспечение для создания авторского интерактивного контента	Высокий		
4. Создавать виртуальные площадки: блоги, сайты, wiki-платформы, LMS	Имеет представление о сайтах, блогах, LMS	Низкий	Система управления обучением. Тема 1. Обзор существующих LMS. Тема 2. Формирование среды обучения на основе LMS. Тема 3. Онлайн-оценивание на основе интернет-инструментов, критериальное оценивание (Socrative, Mentimeter, Quiziz, Kahoot).	Современные технологии проектирования, разработки и внедрения электронных образовательных ресурсов
	Использует сайты, блоги из сети Интернет, LMS	Средний		
	Создает, наполняет и использует личные сайты, блоги, wiki-платформы, LMS	Высокий		
5. Использовать возможности социальных сетей и мессенджеров для профессионального развития и организации учебного процесса	Имеет представление о возможностях использования социальных сетей	Низкий	Организация эффективного взаимодействия в учебном процессе. Тема 1. Виды взаимодействия в электронной среде (студент – контент, студент – студент, студент – преподаватель). Тема 2. Социальные сети в учебном процессе.	Современная педагогика. Как это работает ¹⁰
	Использует личные страницы в социальных сетях	Средний		
	Создает, наполняет и использует личные страницы в социальных сетях	Высокий		
6. Создавать, редактировать и использовать мультимедийный контент в учебном процессе	Имеет представление о возможностях использования мультимедийного контента	Низкий	Технологии повышения мотивации студентов при обучении в электронной среде. Тема 1. Мультимедийный контент в учебном процессе от создания до внедрения. Тема 2. Геймификация в электронном обучении. Ресурсы для создания игровых заданий. Инфографика.	Современные технологии проектирования, разработки и внедрения электронных образовательных ресурсов
	Использует мультимедийный контент из сети Интернет	Средний		
	Создает авторский учебный мультимедийный контент, наполняет, использует его в учебном процессе	Высокий		
7. Использовать онлайн-инструменты и цифровые технологии для внедрения современных педагогических практик: перевернутый класс, смешанное обучение, мобильное обучение, проектное обучение и т. д.	Имеет представление о цифровых инструментах и технологиях	Низкий	Реализация учебного процесса по смешанной модели обучения. Тема 1. Технология смешанного обучения: принципы, модели, проектирование. Тема 2. Планирование системного замещения аудиторной работы видами взаимодействия в электронной среде. Тема 3. Проектирование недельного плана процесса обучения.	Современные технологии проектирования, разработки и внедрения электронных образовательных ресурсов
	Использует цифровые инструменты и технологии	Средний		
	Активно использует цифровые инструменты и технологии для организации мобильного обучения, смешанного обучения, проектной деятельности студентов и т. д.	Высокий		

⁹ Современные технологии проектирования, разработки и внедрения электронных образовательных ресурсов. *Открытое образование*. URL: https://openedu.ru/program/spbstu/ELEDRES/?session=fall_2022pk (дата обращения: 29.08.2021).

¹⁰ Современная педагогика. Как это работает. *Открытое образование*. URL: <https://openedu.ru/course/spbu/PEDAGOG/> (дата обращения: 29.08.2021).

ЦК	Индикаторы	Уровни	Модули и темы	Массовые открытые онлайн-курсы
8. Организовывать связь с участниками образовательного процесса и проектную деятельность в цифровой среде	Имеет представление о возможностях цифровых технологий для взаимодействия с участниками образовательного процесса	Низкий	Технологии повышения мотивации студентов при обучении в электронной среде. Тема 1. Технология организации и проведения вебинаров. Использование сервисов Google, Zoom, Skype, DingTalk, BBB. Облачные технологии в учебном процессе. Интерактивные доски (Miro, Jamboard, Padlet).	Современные технологии проектирования, разработки и внедрения электронных образовательных ресурсов
	Использует узкий спектр цифровых технологий для организации взаимодействия с участниками образовательного процесса	Средний		
	Активно использует различные цифровые технологии при взаимодействии с участниками образовательного процесса	Высокий		
9. Сочетать инструменты, меры предосторожности и привычки для гарантированной безопасности в цифровой среде	Имеет представление о необходимости соблюдать меры безопасности в цифровой среде	Низкий	Тема изучается самостоятельно (материал на платформе <i>Открытое образование</i>)	Защита информации ¹¹
	Использует надежные способы защиты персональных данных, пароль для хранения информации в цифровой среде	Средний		
	Постоянно использует надежные способы защиты персональных данных, надежный пароль и способы создания резервных копий и легального контента	Высокий		

ДПП ПК «Цифровые технологии в работе преподавателей»

Для реализации второй задачи исследования разработана авторская ДПП ПК «Цифровые технологии в работе преподавателей» в объеме 72 ч., основанная на нормативно-правовых документах в сфере дополнительного профессионального образования (ДПО)¹². Кроме этого, за основу взяты программные документы квалификационных требований профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» № 608н от 08.09.2015, утратившего силу 13.06.2020 на основании приказа Минтруда России № 832н от 26.12.2019 (взамен данного профессионального стандарта новый документ не принят), и ФГОС ВО по направлению бакалавриата 44.03.01 Педагогическое образование. Разработка авторской ДПП ПК «Цифровые технологии в работе преподавателей» осуществлялась в 2021 г. согласно «Стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования».

Программа предназначена для педагогических кадров всех уровней ПО – СПО, ВО, ДПО, научно-педагогических работников послевузовского образования в очно-заочной форме смешанного обучения.

Структура ДПП ПК состоит из 6 модулей, в каждом 1–3 темы, входное тестирование, фонд оценочных средств

(анкета) для определения уровней сформированности ЦК (табл.). В результате освоения ДПП ПК «Цифровые технологии в работе преподавателей» преподаватель-выпускник сможет:

- находить в сети Интернет и эффективно использовать учебные материалы;
- методически и дидактически проектировать образовательный процесс в цифровой среде;
- создавать электронные курсы в цифровой среде, разрабатывать контент курса на базе LMS;
- совершенствовать организацию учебных занятий с применением цифровых технологий и самостоятельную работу студентов, разработку учебно-методического комплекса для электронного обучения в LMS;
- использовать программные средства и оболочки для создания ЭОК, а также современные цифровые инструменты и редакторы для создания интерактивных элементов курса и геймификации;
- использовать возможности социальных сетей и мессенджеров для организации учебного процесса;
- использовать метод проектов при организации и реализации смешанного обучения с применением цифровых технологий в образовательном процессе;

¹¹ Защита информации. *Открытое образование*. URL: <https://openedu.ru/course/hse/DATPRO/> (дата обращения: 29.08.2021).

¹² Об образовании в РФ. Ф3 РФ № 273–ФЗ от 29.12.2012; Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам. Приказ Минобрнауки России № 499 от 01.07.2013. *СПС КонсультантПлюс*.

- использовать адекватные цифровые технологии, соответствующие задачам и содержанию образовательной программы;
- разрабатывать элементы учебно-методического обеспечения дисциплины средствами цифровых технологий;
- эффективно сочетать аудиторные и внеаудиторные формы организации образовательного процесса, а также коммуникацию всех его участников;
- эффективно использовать инструменты и меры предосторожности для гарантированной безопасности в цифровом пространстве.

Для реализации третьей задачи исследования была проведена апробация ДПП ПК «Цифровые технологии в работе преподавателей» в рамках реализации инновационного проекта «Методическое сопровождение, проектирование и создание ЭОК на платформе LMS Moodle КузГТУ по техническим и гуманитарным дисциплинам» в два этапа. ДПП ПК по целям и задачам эффективно вошла в обозначенный проект, т. к. его целью было увеличение конкурентоспособности вуза за счет создания современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образовательных программ всех видов и уровней подготовки студентов Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (КузГТУ), а также за счет создания ЭОК для реализации 11 дисциплин: История России, Всеобщая история, Философия, Иностранный язык, Деловой иностранный язык, Основы научно-технического перевода, Сопротивление материалов, Безопасность жизнедеятельности, Инженерная графика, Метрология и стандартизация, Начертательная геометрия.

Первый этап апробации ДПП ПК был осуществлен на базе КузГТУ в 2020 г. Второй этап был проведен в филиале КузГТУ г. Прокопьевск в 2020–2021 гг. На каждом этапе апробации в начале реализации ДПП ПК обучающиеся выполняли входное тестирование с целью определения начального уровня ЦК, необходимых для работы педагога. Далее в рамках ДПП ПК осуществлялось обучение преподавателей в соответствии с указанными модулями и темами, а также с привлечением дополнительных ресурсов в виде массовых открытых онлайн-курсов (табл.). Итоговый контроль по ДПП ПК представлял собой защиту выпускного проекта, результатом которого являлось создание ЭОК по выбору преподавателя на платформе LMS Moodle, впоследствии проходящий экспертизу на соответствующей кафедре.

При апробации были решены следующие задачи:

- 1) проведено анкетирование преподавателей с целью выявления начального уровня сформированности ЦК;
- 2) проведена серия вебинаров методической направленности по созданию контента для ЭОК;
- 3) разработаны ЭУМКД по дисциплинам проекта;
- 4) разработаны названия и структуры ЭОК, видеофильмы в соответствии с требованиями, предъявляемыми к ЭОК в КузГТУ;

- 5) обеспечена в полном объеме (100 %) наполняемость разработанных ЭОК учебными и методическими материалами в соответствии с требованиями, предъявляемыми к ЭОК в КузГТУ;

- 6) проведено обучение преподавателей работе с ЭОК.

Итогом повышения квалификации преподавателей КузГТУ и филиала г. Прокопьевск по ДПП ПК «Цифровые технологии в работе преподавателей» стали ЭОК для технических и гуманитарных дисциплин на платформе LMS Moodle, интегрированные в учебный процесс вуза и филиала в 2020–2021 учебном году.

Для реализации четвертой задачи исследования была выявлена сформированность ЦК у 74 преподавателей методом анкетирования. Анкета включала в себя 100 вопросов из фонда оценочных средств ДПП ПК «Цифровые технологии в работе преподавателей», отвечающих требованиям ЦК и разделенных на три ответа. Ответы соответствуют высокому, среднему и низкому уровню сформированности ЦК. Анкетированный должен был выбрать один ответ.

В результате анкетирования получено 7400 ответов: 58 % преподавателей показали высокий уровень сформированности ЦК (4300 ответов), 34 % – средний (2500 ответов), 8 % – низкий (600 ответов). Итог анкетирования показал целесообразность внедрения ДПП ПК «Цифровые технологии в работе преподавателей» в деятельность образовательных организаций с целью обучения педагогических кадров СПО, ДПО и послевузовского ПО.

Заключение

Разработана авторская ДПП ПК «Цифровые технологии в работе преподавателей», направленная на формирование ЦК педагогических работников ПО, которая обеспечивает:

- 1) системный процесс повышения квалификации педагогических кадров ПО в условиях цифровой трансформации системы высшего образования;
- 2) системное формирование ЦК у преподавателей ПО с помощью цифровой среды;
- 3) определение уровня сформированности ЦК у преподавателей-выпускников с помощью разработанного фонда оценочных средств;
- 4) повышение уровня ЦК у преподавателей: 58 % отметили свою психологическую готовность к использованию цифровых технологий; 34 % показали средний уровень компетенций для работы с цифровыми технологиями; 8 % обозначили свою неготовность к внедрению в учебный процесс цифровых технологий в силу того, что не владеют ими на достаточном для работы уровне;
- 5) разработку ЭОК, их структуры, которая стала возможной на основании повышения уровня сформированности ЦК;
- 6) повышение эффективности учебного процесса в новых цифровых условиях за счет внедрения ЭОК в учебный процесс.

ДПП ПК «Цифровые технологии в работе преподавателей», направленную на формирование ЦК для работы в новых цифровых условиях, целесообразно внедрять в деятельность образовательных организаций при обучении педагогических кадров СПО, ДПО и послевузовского ПО для обеспечения эффективности учебного процесса.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в развитии ЦК педагогических работников с целью усовершенствования технологий разработки авторского видеоконтента, геймификации для электронных курсов и обучения по индивидуальным образовательным траекториям.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Ларионов В. Г., Шереметьева Е. Н., Горшкова Л. А. Цифровая трансформация высшего образования: технологии и цифровые компетенции. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*. 2021. № 2. С. 61–69. [Larionov V. G., Sheremetyeva E. N., Gorshkova L. A. Digital transformation of higher education: technologies and digital competencies. *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*, 2021, (2): 61–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2021-2-61-69>
2. Суходаева Т. С., Акберов К. Ч. Цифровая трансформация современного высшего образования. *Информация и образование: границы коммуникаций*. 2019. № 11. С. 15–16. [Sukhodaeva T. S., Akberov K. Ch. Digital transformation of modern higher education. *Informatsiia i obrazovanie: granitsy kommunikatsii*, 2019, (11): 15–16. (In Russ.)]
3. Попова О. И. Трансформация высшего образования в условиях цифровой экономики. *Вопросы управления*. 2018. № 5. С. 158–160. [Popova O. I. Transformation of higher education in the conditions of the digital economy. *Management issues*, 2018, (5): 158–160. (In Russ.)]
4. Вайндорф-Сысоева М. Е., Субочева М. Л. «Цифровое образование» как системообразующая категория: подходы к определению. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика*. 2018. № 3. С. 25–36. [Vayndorf-Sysoeva M. E., Subocheva M. L. "Digital education" as a system-forming category: approaches to definition. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika*, 2018, (3): 25–36. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2310-7219-2018-3-25-36>
5. Higgins S., Xiao Z., Katsipataki M. *The impact of digital technology on learning: a summary for the education endowment foundation*. Durham: Durham University, 2012, 52.
6. Gallardo-Echenique E. E., Mollas L. M., Bullen M. Students in higher education: social and academic uses of digital technology. *RUSC. Universities and Knowledge Society Journal*, 2015, 12(1): 25–37. <http://dx.doi.org/10.7238/rusc.v12i1.2078>
7. Алькова Л. А. Критерии сформированности ИКТ-компетентности личности посредством Т-технологии. *Мир науки, культуры, образования*. 2017. № 1. С. 105–106. [Alkova L. A. Criteria for the formation of the ICT competence of the individual through T-technology. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2017, (1): 105–106. (In Russ.)]
8. Ачкасова О. Г. Формирование и развитие цифровых компетенций специалистов в рамках президентской программы подготовки управленческих кадров Кузбасса. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2020. № 2. С. 99–106. [Achkasova O. G. Formation and development of digital competencies of specialists in the framework of the presidential program of preparation management personnel of Kuzbass. *Professional Education in Russian and Abroad*, 2020, (2): 99–106. (In Russ.)]
9. Бугрова О. В. К вопросу определения понятия «Информационная компетентность учителя». *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2018. № 1. С. 6–11. [Bugrova O. V. To the question of the definition of "information competence of the teacher". *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (1): 6–11. (In Russ.)]
10. Владыко А. В. Компетенции педагога для эффективной работы в цифровой образовательной среде. *Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф.* (Екатеринбург, 27–28 апреля 2020 г.) Екатеринбург: УрФУ, 2020. С. 263–266. [Vladyko A. V. Teacher's competence for effective work in a digital educational environment. *Strategies for the development of social communities, institutions, and territories: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Ekaterinburg, 27–28 Apr 2020. Ekaterinburg: UrFU, 2020, 263–266. (In Russ.)]
11. Кубрушко П. Ф., Назарова Л. И., Симан А. С. Подготовка преподавателей к инновационной педагогической деятельности в условиях цифровизации аграрного образования. *Вестник ФГОУ ВПО «МГАУ имени В. П. Горячкина»*. 2019. № 5. С. 40–45. [Kubrushko P. F., Nazarova L. I., Siman A. S. Teacher training for innovative pedagogical activity under digitization of agrarian education. *Vestnik of Moscow Goryachkin Agroengineering University*, 2019, (5): 40–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34677/1728-7936-2019-5-40-45>

12. Ломаско П. С., Симонова А. Л. Основопологающие принципы формирования профессиональной ИКТ-компетентности педагогических кадров в условиях smart-образования. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2015. № 7. С. 78–84. [Lomasko P. S., Simonova A. L. Conceptual bases of professional ICT competence development of pedagogical staff in smart educational environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (7): 78–84. (In Russ.)]
13. Петрова В. С., Щербик Е. Е. Измерение уровня сформированности цифровых компетенций. *Московский экономический журнал*. 2018. № 5-3. С. 237–244. [Petrova V. S., Shcherbik E. E. Measurement of the level of development of digital competencies. *Moscow Economic Journal*, 2018, (5-3): 237–244. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2018-15114>
14. Ячина Н. П., Фернандес О. Г. Г. Развитие цифровой компетентности будущего педагога в образовательном пространстве вуза. *Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Проблемы высшего образования*. 2018. № 1. С. 134–138. [Yachina N. P., Fernandez O. G. G. Developing the digital competencies of future teachers in the university's educational environment. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education*, 2018, (1): 134–138. (In Russ.)]
15. Redecker C. *European framework for the digital competence of educators: DigCompEdu*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017, 95. <https://doi.org/doi:10.2760/159770>
16. *Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления*, под ред. М. С. Шклярук, Н. С. Гаркуши. М.: РАНХиГС, 2020. 84 с. [Competence model of the digital transformation team in the public administration system, eds. Shklyaruk M. S., Garkusha N. S. Moscow: RANEPa, 2020, 84. (In Russ.)]
17. Bonk C. J., Graham C. R., Cross J., Moore M. G. *The handbook of blended learning: global perspectives, local designs*. San Francisco, CA: John Wiley & Sons; Pfeiffer, 2006, 624.
18. Dziuban C. D., Graham C. R., Moskal P. D., Norberg A., Sicilia N. Blended learning: the new normal and emerging technologies. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 2018, 15(3). <https://doi.org/10.1186/s41239-017-0087-5>
19. Rice W. *Moodle e-learning course development: a complete guide to successful learning using Moodle*. 3rd ed. Birmingham: Packt, 2015, 404.
20. Badia A., Garcia C., Meneses J. Approaches to teaching online: exploring factors influencing teachers in a fully online university. *British Journal of Educational Technology*, 2017, 48(6): 1193–1207. <https://doi.org/10.1111/bjet.12475>
21. Зеер Э. Ф., Ломовцева Н. В., Третьякова В. С. Готовность преподавателей вуза к онлайн-образованию: цифровая компетентность, опыт исследования. *Педагогическое образование в России*. 2020. № 3. С. 26–39. [Zeer E. Ph., Lomovtceva N. V., Tretyakova V. S. University teachers' readiness for online education: digital competence, research experience. *Pedagogical Education in Russia*, 2020, (3): 26–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/po20-03-03>
22. Горбунова Л. Н., Лаврентьева И. В., Цвелюх И. П. Модель повышения квалификации педагогов с сопутствующим обучением информационно-коммуникационным технологиям. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2008. № 6. С. 117–121. [Gorbunova L. N., Lavrentieva I. V., Tsveliukh I. P. The model of professional development of teachers with accompanying training in information and communication technologies. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 2004, (6): 117–121. (In Russ.)]
23. Темербекова А. А., Мещерякова К. С. Моделирование учебной деятельности студентов в условиях дистанционного обучения в системе Moodle. МАК: «Математики – Алтайскому краю»: сб. тр. Всерос. конф. по математике с Междунар. участием. (Барнаул, 1–5 июля 2020 г.) Барнаул: АлтГУ, 2020. С. 317–321. [Temerbekova A. A., Meshcheriakova K. S. Modeling of students' learning activities in the conditions of distance learning via Moodle. *Mathematics of the Altai Region: Proc. All-Russian Conf. in Mathematics with Intern. Participation*, Barnaul, 1–5 Jul 2020. Barnaul: ASU, 2020, 317–321. (In Russ.)]
24. Пьяных Е. Г. Организационно-педагогические условия формирования информационной компетентности менеджера образования. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2007. Т 11. № 32. С. 375–379. [Ryanykh E. G. Organizational and pedagogical conditions of the informational competence formation among managers of education. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2007, 11(32): 375–379. (In Russ.)]

оригинальная статья

Мобильные технологии в развитии межкультурной компетенции студентов – международных в рамках занятий по иностранному языку

Юрченко Маргарита Алексеевна

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Россия, Новосибирск

<https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

yurchenko-maa@ranepa.ru

Поступила 20.03.2022. Принята после рецензирования 29.04.2022. Принята в печать 16.05.2022.

Аннотация: Представлены качественные и количественные данные установления эффективности технологии развития межкультурной компетентности студентов-международников в виртуальной среде на занятиях по иностранному языку. Предыдущие исследования в этой области, показавшие необходимость развития межкультурной компетенции для данного направления подготовки, не учитывали состояние и механизмы современной глобальной коммуникации, а также не предлагали соответствующие технологии обучения на занятиях по иностранному языку для студентов, изучающих международные отношения в России. В течение зимнего семестра 2021–2022 учебного года проводились опросы и наблюдение за целевой аудиторией с целью сбора и классификации данных по вопросам: 1) как студенты создают контент для блога на английском языке вне аудитории и как они работают в ней; 2) насколько комплементарны новые формы внеаудиторной работы в формировании межкультурной компетенции по отношению к традиционным аудиторным. В пробном обучении приняли участие 93 студента 2 и 3 курсов, в независимой оценке технологии – 50 человек (28 студентов, 22 преподавателя). Процесс работы над блогом был разделен по типам виртуальной межкультурной коммуникации (устно-письменный, смешанный и устный), соответствующим элементам образовательной программы каждого года обучения. Независимое оценивание, проводимое преподавателями и студентами, не участвовавшими в эксперименте, но имевшими возможность наблюдать за блогом, показало общий интерес к технологии, степень ее принятия и перспективы более широкого внедрения. Результаты исследования показывают возможность успешной реализации технологии в выбранном контексте.

Ключевые слова: педагогические технологии, виртуальная среда, международные отношения, межкультурная компетенция, межкультурная коммуникация, иностранный язык

Цитирование: Юрченко М. А. Мобильные технологии в развитии межкультурной компетенции студентов-международников в рамках занятий по иностранному языку. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 3. С. 198–205. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-198-205>

full article

Mobile Technologies for Developing Intercultural Competence in Students of International Relations at Foreign Language Classes

Margarita A. Yurchenko

Siberian Institute of Management, branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Russia, Novosibirsk

<https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

yurchenko-maa@ranepa.ru

Received 20 Mar 2022. Accepted after peer review 29 Apr 2022. Accepted for publication 16 May 2022.

Abstract: This article provides qualitative and quantitative data to establish the effectiveness of virtual tools as a means of developing intercultural competence in students of international relations at foreign language classes. Intercultural competence is known to be crucial for this field of studies. However, no teaching technologies exist for its development at foreign language classes, and available research publications on this issue fail to take into account the current state and mechanisms of global communication. The empirical part of this study involved a survey of students of international relations during the first term of 2021–2022. The author compared their performance in class and during extracurricular activities, where they had to maintain

an English blog. A total of 93 second- and third-year students (experimental + control groups) took part in the trial training, and 50 people (28 students, 22 teachers) participated in the independent assessment of the technology. The blog operating process was divided according to types of virtual intercultural communication (oral-written, mixed, and oral) and followed the academic program. The independent assessment was performed by academic staff and students who didn't participate in the experiment, but were able to observe. They unanimously approved of the new technology and defined the prospects of its further implementation. Blogging in a foreign language proved to be an efficient technology for developing intercultural competence in university students majoring in international relations.

Keywords: teaching techniques, virtual reality, international relations, cross-cultural competence, intercultural communication, foreign language

Citation: Yurchenko M. A. Mobile Technologies for Developing Intercultural Competence in Students of International Relations at Foreign Language Classes. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(3): 198–205. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-198-205>

Введение

Согласно ФГОС ВО (3++), бакалавр международных отношений «способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах); способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах; способен осуществлять эффективную коммуникацию в мультикультурной профессиональной среде на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах) на основе применения понятийного аппарата по профилю деятельности»¹. Таким образом, для данного направления подготовки межкультурная компетенция складывается из УК-4, УК-5 и ОПК-1. В течение всего периода обучения преподаватели дисциплин *Иностранный язык* и *Иностранный язык 2* вносят непосредственный вклад в развитие межкультурной компетенции студентов-международников наравне с преподавателями специальных дисциплин.

На данный момент проблема заключается в том, что из-за постковидных ограничений во многих вузах регионов РФ отсутствует возможность организации межкультурной коммуникации студентов в традиционной форме (общение с зарубежными студентами и преподавателями-носителями), в связи с чем кафедры иностранных языков повсеместно переходят в виртуальную среду не только с целью проведения мероприятий и обмена опытом с коллегами, но и в поиске новых форм и технологий развития компетенций студентов.

Цель статьи – предложить эффективную технологию развития межкультурной компетенции студентов-международников в виртуальной среде в рамках занятий по иностранному языку. Исследование требовало решения следующих задач:

- 1) выявить актуальное определение виртуальной межкультурной коммуникации;

- 2) описать технологию развития межкультурной компетенции студентов-международников в виртуальной среде в рамках занятий по иностранному языку;
- 3) апробировать предложенную технологию на базе Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (СИУ РАНХиГС);
- 4) проанализировать перспективы доработки и модификации технологии.

Гипотеза исследования: обеспечив регулярную аудиторную и внеаудиторную виртуальную межкультурную коммуникацию студентов-международников, возможно эффективно развивать межкультурную компетенцию на занятиях по иностранному языку. Такая педагогическая технология направлена на повышение уровня сформированности умений иноязычной устной и письменной речи будущих бакалавров международных отношений в контексте виртуальной межкультурной коммуникации. Предлагаемая технология призвана разрешить в определенной мере следующие противоречия между:

- 1) наличием растущих требований к подготовке выпускников вуза и недостаточно высоким уровнем сформированности межкультурной компетенции [1];
- 2) приоритетом коммуникативной задачи при обучении иностранным языкам и недостаточно разработанной методикой организации самостоятельной работы студентов по овладению навыками виртуальной межкультурной коммуникации [2];
- 3) стремлением к росту автономности обучающихся, переходом преподавателя к фасилитации образовательного процесса и все еще достаточно распространенным использованием традиционного подхода в обучении иностранному языку, определяющего преподавателя в качестве основного источника знаний.

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 41.03.05 Международные отношения. Приказ Минобрнауки РФ № 555 от 15.06.2017 (ред. с изм. № 1456 от 26.11.2020). Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/410305_B_3_15062021.pdf (дата обращения: 02.01.2022).

Теоретические основы

Опыт влияния иноязычной среды на личностное и профессиональное развитие студентов показывает, что дисциплины и программы высшего образования на иностранном языке, культурные обмены, программы двойных дипломов способствуют развитию у обучающихся навыка преодоления коммуникационных барьеров, умения четко формулировать свои мысли, готовности к сотрудничеству, понимания и принятия другой культуры [3]. Установлено, что межкультурная коммуникация основана на интерпретации интернациональных символов – основных мотивационных факторов общения в зависимости от параметров языковой личности. Именно структура культурно-языковой личности влияет на успех межкультурного общения [4, с. 9]. Без культурно-языковой локализации невозможно ни описать, ни по-настоящему понять представителей другой культуры, проецируя схемы их вербального и невербального общения на свои собственные. Лишь в результате изменения перспективы можно увидеть специфику не только «другого», но и «своего», обнаружить «слепые пятна» нашего понимания: «мы не видим того, чего не видим» [5, с. 65].

Итак, перед педагогическим сообществом ставятся вопросы: *Чего должно достичь межкультурное образование в связи с текущими вызовами? Создает ли межкультурность действительно новую парадигму образования?* Мы разделяем точку зрения, что в связи с проблемностью межкультурности как области коммуникативной компетенции растет актуальность усиленного развития мультимодальности. Способность к межкультурному посредничеству оценивается сегодня как центральная образовательная цель языкового обучения [6].

Эксперты выделяют многочисленные определения понятия *межкультурная компетенция*. Концептуально их можно разделить на несколько групп: межкультурная компетенция – *когнитивная компетенция* [7–9]; межкультурная компетенция – *социокультурная компетенция* [10–14]; межкультурная компетенция – *коммуникативная компетенция* [15–23].

Большинство исследователей признают коммуникативную природу межкультурной компетенцией. Мы солидарны с М. В. Дрыгиной, предлагающей понимать межкультурную компетенцию как «способность продуктивного взаимодействия с представителями других культур на иностранном языке, понимая культуру собеседника и положительно воспринимая культурные различия» [24, с. 20].

Мобильные технологии позволяют участвовать в коллективном творчестве на расстоянии с партнерами, язык и культуру которых мы изучаем. Используя социальные сети, студент может участвовать в удаленной совместной работе, включающей в себя этапы контроля и обратной связи о его действиях, уделяя время размышлениям, что важно для усвоения иностранного языка [25]. Реальное и виртуальное, взаимопроникая друг в друга, трансформируют процессы коммуникации и развития межкультурной компетенции обучающихся. Применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в самостоятельной

работе мотивирует студентов взаимодействовать с зарубежными коллегами в виртуальной среде [26]. И. А. Зимняя определяет самостоятельную работу как высшую форму учебной деятельности, обоснованную необходимостью познавать нечто новое и значимое для обучающихся при отсутствии средств к удовлетворению данной потребности в учебном процессе [27, с. 250–251].

Виртуальную среду, созданную ИКТ, правомерно считать «эффективной», «имеющей эффект» в интересующем нас образовательном контексте, поскольку межкультурная коммуникация сама по себе «оперирует не вещественными эффектами, а абстрактными конструктами» [28, с. 65]. Виртуальная коммуникация представляет собой общение с географически дистанцированным контрагентом с помощью ИКТ, иначе говоря, в виртуальной среде. Ключевыми характеристиками виртуальной коммуникации являются опосредованность, интерактивность, глобальный межкультурный характер, отсутствие иерархичности [29, с. 940].

Виртуальную межкультурную коммуникацию можно разделить на 3 типа: устно-письменная (комментарии к контенту, чаты, электронные письма), смешанная (вебинары с возможностью комментирования и ответа на вопросы в режиме реального времени), устные (видеоконференции) [30]. В рамках нашего исследования были внедрены все форматы: устно-письменный – реферирование статьи на русском языке, переведенное на английский язык; смешанный – запись историй и видео (Reels / IGTV); устный – видеоконференции с иностранными коллегами.

Среди возможных технологий обучения межкультурной коммуникации мы остановились на создании мультимедийных продуктов и проектов: со стороны преподавателя это онлайн-курсы, со стороны студента – выполнение заданий по созданию продуктов на иностранном языке в медиапространстве. В соответствии с моделью Г. В. Елизаровой при создании блога мы воздействовали на такие компоненты в формировании межкультурной компетенции, как:

- 1) лингвистический – «умение выражать свою точку зрения и воспринимать высказывания, построенные согласно языковым правилам и имеющие конвенциональное значение, присущие конкретному языку»;
- 2) дискурсивный – «использование оптимальных стратегий при формировании и интерпретации высказываний»;
- 3) социокультурный – «восприятие социокультурных контекстов, формируемых носителями языка, их воздействие на подбор определенных форм, и то, какое коммуникативное влияние они оказывают»;
- 4) социальный – «желание и способность контактировать с представителями изучаемого языка, а также мотивирование, взаимосвязь, решительность в собственных силах и умениях, эмпатия и адекватное поведение в разных социальных ситуациях; способность подбирать и применять оптимальные общественные стратегии, целью которых является достижение коммуникативных целей» [цит. по: 24, с. 21].

Методы и материалы

В ходе решения поставленных задач и проверки достоверности гипотезы были использованы следующие методы исследования:

- теоретические: анализ и обобщение нормативно-правовых документов в сфере образования, научной психолого-педагогической и теоретико-методической литературы по проблеме исследования;
- эмпирические: экспериментальное обучение (внедрение разработанной технологии, изучение продуктов деятельности обучающихся, модульное тестирование), количественная и качественная обработка результатов педагогического эксперимента.

Экспериментальное исследование проводилось на базе СИУ РАНХиГС. Глобальная дидактическая цель заключалась в создании стимула для установления контактов с иностранными студентами (через теги, попадание в «рекомендуемые» профили ленты Instagram² и т. д.), локальная дидактическая цель – развитие навыков межкультурной коммуникации у студентов-международников. В эксперименте, проходившем в зимнем семестре 2021–2022 учебного года, приняли участие 93 студента-международника: 28 (2 курс) и 18 (3 курс) в экспериментальных группах (ЭГ); 25 (2 курс) и 22 (3 курс) в контрольных группах (КГ).

Задание было сформулировано следующим образом: создать и развивать открытый коллективный (доступ есть у всех студентов группы) блог на иностранных языках (основной язык английский, дополнительные – вторые иностранные языки студентов) в Instagram. Студенты должны были создавать и выкладывать в блог:

- 2 курс: 2 истории в день, кроме воскресенья; 2 видео в месяц; 3 прямых эфира за семестр;
- 3 курс: 2 переведенных реферирования за семестр.

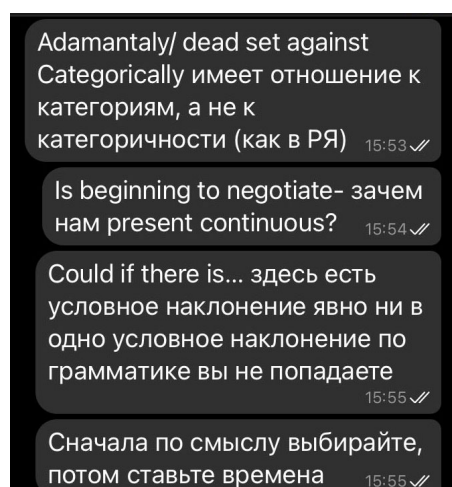

Рис. 1. Пример этапа коррекции перевода
Fig. 1. Correction of translation

Первоначально студенты были разделены на 2 группы в зависимости от года обучения. Такое разделение определяется принципиальными отличиями их программ: 2 курс изучает деловой английский и навыки презентации на английском языке, а 3 курс работает с проблемами глобализации и перевода³. В зимнем семестре 2021–2022 учебного года автор исследования преподавал курс по созданию и представлению презентаций на английском языке, перевод с русского на английский, рендеринг и перевод с листа. Таким образом, виды блогерской деятельности были распределены для достижения конкретных целей в рамках указанных аспектов: студенты 2 курса должны были избавиться от страха говорить, общаться на английском спонтанно и регулярно, затрагивая вопросы повседневной жизни, обучения, тематику будущей профессиональной сферы; студенты 3 курса должны были осуществить обратный перевод (выбрать статью на русском языке в соответствии со своими предпочтениями, сделать реферирование русской статьи и затем перевести этот сжатый анализ на английский). Истории и видео не подвергались предварительной оценке со стороны преподавателя, он имел возможность ознакомиться с созданным контентом одновременно с остальной аудиторией, тогда как в случае перевода намеренно существовал этап предварительной оценки: студент присылал перевод преподавателю; обсуждались структура текста, ошибки в переводе, варианты исправления; утверждался конечный вариант; переводы были опубликованы (рис. 1, 2).

Рис. 2. Пример этапа опубликования отреферированной статьи
Fig. 2. Publication of a rendered article

² Компания Meta Platforms, владеющая социальными сетями Facebook и Instagram, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook and Instagram, is banned in the Russian Federation as an extremist organization.*

³ Рабочая программа дисциплины Иностранный язык (английский) (утв. протоколом № 1 от 26.08.2019). *Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС.* URL: https://site-siu.ranepa.ru/rpd/?dir=2019%5c41.03.05_MO_MP (дата обращения: 02.01.2022).

Результаты

Детализируя процедуру создания контента для блога и соответствующего оценивания готового продукта, мы выделили следующие критерии оценки успешности виртуальной межкультурной коммуникации:

- актуальная информация;
- правильно выбранный регистр;
- этикетные формулы;
- беглость речи;
- достоверность информации;
- логичность и связность речи.

Итак, 2 курс за исследуемый период самостоятельно выделил следующие рубрики для блога:

- Интересные места в городе Новосибирск.
- Национальная кухня народов РФ – рецепты.
- Мероприятия вуза.
- Политические новости.
- Интересные факты из истории международных отношений.
- Советы студентам для оптимизации своего образовательного процесса.

В рамках этих рубрик студентами 2 курса были записаны более 150 историй, 18 видео, проведены 3 видеоконференции (с коллегами – студентами-международниками из Германии, Испании и Бахрейна); студенты 3 курса подготовили материалы по более чем 40 статьям различных сфер общественной жизни: культура, спорт, политика, экономика; суммарный охват аудитории составил порядка 9000 человек.

Успешность развития межкультурной компетенции у обучающихся возможно отследить по 3 параметрам: обратная связь третьих сторон, обратная связь участников эксперимента, учебная успеваемость. Все участники эксперимента смогли удовлетворить заданные критерии. Например, от иностранных коллег, преподавателей СИУ РАНХиГС и студентов, не принимавших участие в эксперименте, был получен положительный отклик на блог: из 50 опрошенных (28 студентов и 22 преподавателя) 100 % отметили новизну технологии, 92 % – прогресс участников эксперимента в устных и письменных формах коммуникации (сравнивая продукты их деятельности в начале и в конце семестра), 75 % студентов высказали желание попробовать себя в подобной работе, а 59 % преподавателей – желание внедрить технологию в свои занятия, в том числе у студентов других направлений подготовки (в меньших объемах).

Учебная успеваемость оценивалась в данном случае в соответствии с заявленными компонентами межкультурной компетенции: правильность и беглость речи представляли лингвистический компонент на этапе оценки; адекватность выбора языковых средств, интерпретация фактов и выбор регистра выступали основанием для оценивания дискурсивного компонента; выбор клише и этикетных формул, качество адаптации культурных реалий русскоговорящего мира оценивались как социокультурный

компонент; реализация социального компонента оценивалась по степени решения коммуникативной задачи. Нами получено следующее соотношение компонентов межкультурной компетенции при оценивании текущих работ студентов за семестр: дискурсивный компонент – 15 %; социокультурный компонент – 15 %; социальный компонент – 30 %; лингвистический компонент – 40 %.

Так, правильность и беглость речи неизменно отрабатываются на занятии в большей степени по сравнению с другими компонентами в связи со спецификой дисциплины и направления подготовки; при невыполнении коммуникативной задачи даже правильно и оптимально быстро оформленное высказывание теряет свою ценность; реализация как беглости, так и правильности оформления речевого высказывания строится на знаниях, полученных в ходе освоения других профилирующих дисциплин, в связи с чем в обоих случаях оценивается уже умение применить полученные знания в речи.

Средняя успеваемость в соответствии с выгрузкой из СДО РАНХиГС ЭГ выше по сравнению с успеваемостью КГ, что связано в том числе с вовлеченностью в работу над блогом на иностранном языке:

- средний балл по ЭГ 2 курса составил 72,4 %, по КГ 2 курса – 58,5 %;
- средний балл по ЭГ 3 курса – 73 %, по КГ 3 курса – 54,5 % (таб.).

Табл. Успеваемость участников эксперимента, %

Tab. Academic performance in the experimental group, %

Оценка	2 курс		3 курс	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Неудовлетворительно	10	28	11	18
Удовлетворительно	32	12	22	27
Хорошо	46	48	28	37
Отлично	12	12	39	18

Согласно опросу, проведенному по итогам семестра экспериментальной работы, среди 46 человек ЭГ (обе ЭГ) 95 % обучающихся отметили общую полезность работы над блогом; 76 % с интересом работали в новом формате; 89 % наблюдали у себя развитие иноязычной компетенции в ходе работы над блогом; 85 % указали, что данная работа помогла им развить навыки межкультурной компетенции. Студенты обеих КГ, наблюдавшие в социальных сетях за работой своих товарищей, проявили интерес к создаваемому контенту, ознакомились с формой развития межкультурной компетенции, опосредованно приняла участие в эксперименте, потребляя этот контент и давая обратную связь по завершении эксперимента. Более 30 % студентов КГ выразили желание в будущем развивать межкультурную компетенцию в формате блогинга.

Заключение

В рамках исследования нам удалось выявить актуальное для образовательной среды определение виртуальной межкультурной коммуникации, описать технологию развития межкультурной компетенции студентов-международников в виртуальной среде в процессе изучения иностранных языков на занятиях, провести экспериментальное обучение с применением предложенной технологии на базе СИУ РАНХиГС в группах 2 и 3 курсов направления подготовки *Международные отношения*.

Опираясь на данные эксперимента, мы можем утверждать, что предложенная технология, представляющая собой ведение открытого коллективного блога, является эффективным комплементарным видом внеаудиторной учебной деятельности. Количественные (сведения об успеваемости обучающихся в процентах) и качественные (отзывы третьих сторон) данные подтверждают целесообразность применения и дальнейшей разработки описанной технологии.

Нами были проанализированы перспективы доработки и модификации технологии. Несмотря на общие положительные результаты исследования, обозначим проблемы, возникшие в ходе проведения эксперимента:

1. Уровень ответственности: требуется некоторое время, чтобы студенты осознали, что ведение блога является серьезным заданием; некоторых обучающихся вообще нет в социальных сетях, что в целом приносит команде только пользу, представляющую собой новую точку зрения на контент.
2. Качество контента: обратная связь должна быть четкой и структурированной, поскольку смешанный и устный форматы сопровождаются только посткоррекцией.
3. Поддержка: видеоконференции, пожалуй, самый сложный в производстве вид контента, студентам может потребоваться помощь в поиске потенциального зарубежного партнера по общению; кроме того, некоторым обучающимся могут понадобиться консультации по выбору статьи для рендеринга и перевода.

Литература / References

1. Юрченко М. А. Перспективы полилингвального подхода в обучении иностранным языкам. *Лингвистика, перевод, межкультурная коммуникация*: мат-лы XXI науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21–22 ноября 2019 г.) Екатеринбург: Альфа Принт, 2020. С. 119–122. [Yurchenko M. A. Prospects of a polylingual approach in language training. *Linguistics, translation, and intercultural communication*: Proc. XXI Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 21–22 Nov 2019. Ekaterinburg: Alfa Print, 2020, 119–122. (In Russ.)]
2. Yurchenko M. A. The pedagogical challenge of intercultural competence development in the post-COVID era. *Актуальные аспекты развития воздушного транспорта (Авиатранс-2021)*: мат-лы науч.-практ. конф. с Междунар. участием. (Ростов-на-Дону, 20–27 октября 2021 г.) Ростов н/Д.: Ростовский филиал МГТУ ГА, 2021. С. 123–128. [Yurchenko M. A. The pedagogical challenge of intercultural competence development in the post-COVID era. *Actual aspects of air traffic development (Aviatrans-2021)*: Proc. Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Rostov-on-Don, 20–27 Oct 2021. Rostov-on-Don: Rostov branch of MSTUCA, 2021, 123–128. (In Russ.)]
3. Сираева М. Н. Межкультурная коммуникация в обучении иностранным языкам: исторические предпосылки и перспективы. *Создание искусственного иноязычного окружения как один из факторов активизации учебной деятельности*: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием. (Санкт-Петербург, 27 октября 2014 г.) СПб.: СПбГЭУ, 2014. С. 14–17.

Студентам удалось быть видимыми для аудитории в чуть менее 400 человек в течение недели, более одной трети аудитории взаимодействовали с контентом. Результаты подтверждаются статистикой, отражающей формирование навыков у студентов, которые стали лучше анализировать информацию на родном и иностранном языках; отработали необходимые по образовательной программе навыки внеаудиторной работы (презентации, перевод); приобрели привычку адаптировать реалии и устойчивые идиомы языка оригинала к языку перевода; привыкли к спонтанной речи на иностранном языке на бытовые темы, темы предметной области.

Вынос некоторых видов работы из класса позволил одновременно выделить время на другие виды деятельности и интегрировать виртуальную межкультурную коммуникацию в жизнь студентов в качестве ее привычного элемента.

В следующем семестре планируется продолжить проведение эксперимента с постепенным введением новых форм работы: видеозаписи последовательного перевода, упражнений на синхронный перевод (прямые включения из аудитории), переводов отрывков художественных текстов, переводов стихотворений и песен (записи декламаций и выступлений), записи подкастов на бытовые и профессиональные темы (беседы с иностранными гостями), озвучки отрывков фильмов (собственные переводы).

Мы полагаем, что ведение блога на разных языках позволит студентам преодолеть существующий языковой барьер, в результате чего их публикационная активность на иностранных языках может возрасти, а боязнь общения с иноязычными носителями и иностранцами должна продолжаться исчезать.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

- [Siraena M. N. Intercultural communication in teaching foreign languages: historical background and prospects. *Creating an artificial foreign language environment to enhance academic activities*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, St. Petersburg, 27 Oct 2014. St. Petersburg: SPbSUE, 2014, 14–17. (In Russ.)]
4. Gusakova N. L., Ogneva E. A., Boichuk I. V. Linguo-cultural aspects of cross-cultural communication. *Russian Linguistic Bulletin*, 2017, (2): 9–11. <https://doi.org/10.18454/RULB.10.13>
  5. Мюнникс Г. Возможна ли межкультурная коммуникация? О важности адекватного перевода в мире глобальных отношений. *Век глобализации*. 2021. № 1. С. 59–69. [Munnix G. Is the international communication possible? On the importance of an appropriate translation in the world of global relations. *Vek globalizatsii*, 2021, (1): 59–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30884/vglob/2021.01.05>
  6. Delanoy W. Quo vadis (inter-)kulturelle bildung? *Internationalisierung des Lehramtsstudiums*. Paderborn: Brill; Schöningh, 2018, 35–55. https://doi.org/10.30965/9783657728459_004
  7. Schneider-Wohlfahrt U., Pfänder B., Pfänder P., Schmidt B. *Fremdheit überwinden: theorie und praxis des interkulturellen lernens in der erwachsenenbildung*. Opladen: Leske + Budrich, 1990, 268. <https://doi.org/10.1007/978-3-322-97205-7>
  8. Газиров М. Г. К вопросу о гендерном подходе при обучении иностранному языку. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 1-4. С. 17–20. [Gazilov M. G. On the issue of gender approach in teaching a foreign language. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2016, (1-4): 17–20. (In Russ.)]
  9. Харченкова Л. И. Диалог культур в обучении русскому языку как иностранному. СПб.: Сударыня, 1994. 142 с. [Kharchenkova L. I. *Dialogue of cultures in teaching Russian as a foreign language*. St. Petersburg: Sudarynia, 1994, 142. (In Russ.)]
  10. Knapp A. Interkulturelle kompetenz: eine sprachwissenschaftliche perspektive. *Interkulturelle kompetenz und pädagogische professionalität*, ed. Auernheimer G. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008, 81–97. https://doi.org/10.1007/978-3-531-92198-3_5
  11. Fischer G. *E-mail in foreign language teaching: towards the creation of virtual classrooms*. Tübingen: Stauffenburg, 1998, 205.
  12. Сафонова В. В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. М.: Высшая школа; Амскорт интернешнл, 1991. 311 с. [Safonova V. V. *Sociocultural approach to teaching foreign languages*. Moscow: Vysshiaia shkola; Amskort interneshnl, 1991, 311. (In Russ.)]
  13. Кузнецова А. А., Фурманова В. П. Межкультурная компетенция как средство адаптации в иноязычной среде. *XLIX Огаревские чтения: мат-лы науч. конф. (Саранск, 7–13 декабря 2020 г.)* Саранск: МГУ им. Н. П. Огарева, 2021. Ч. 3. С. 339–343. [Kuznetsova A. A., Furmanova V. P. Cross-cultural competence as a means of adaptation in foreign language environment. *XLIX Ogarev readings: Proc. Sci. Conf., Saransk, 7–13 Dec 2020*. Saransk: Ogarev MSU, 2021, pt. 3, 339–343. (In Russ.)]
  14. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1040 с. [Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Language and culture*. Moscow: Indrik, 2005, 1040. (In Russ.)]
  15. Sterck G. de. Review of Buttjes, Dieter & Michael Byram, eds. (1991) *Mediating languages and cultures: towards an intercultural theory of foreign language education*. *ITL – International Journal of Applied Linguistics*, 1993, 99(1): 147–155. <https://doi.org/10.1075/itl.99-100.11des>
  16. Spitzberg B. H., Changnon G. Conceptualizing intercultural competence. *The SAGE handbook of intercultural competence*, ed. Dearsdorf D. K. Thousand Oaks: Sage, 2009, 2–52. <https://dx.doi.org/10.4135/9781071872987.n1>
  17. Samovar L. A., Porter R. E. Understanding intercultural communication: an introduction and overview. *Intercultural communication: a reader*. 10th ed. Belmont, CA: Wadsworth; Thomson Learning, 2003, 6–17.
  18. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. 6-е изд., стер. М.: Академия, 2009. 336 с. [Galskova N. D., Gez N. I. *Theory of teaching foreign languages. Linguadidactics and methodology*. 6th ed. Moscow: Akademiia, 2009, 336. (In Russ.)]
  19. Алексеева М. П. Метод телекоммуникационных проектов как основа формирования межкультурной коммуникативной компетенции обучающихся. *Муниципальное образование: инновации и эксперимент*. 2009. № 3. С. 50–52. [Alekseeva M. P. The method of telecommunication projects as a basis for the formation of intercultural communicative competence of students. *Municipal education: innovation and experiment*, 2009, (3): 50–52. (In Russ.)]
  20. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: КАРО, 2005. 352 с. [Elizarova G. V. *Culture and foreign language teaching*. St. Petersburg: KARO, 2005, 352. (In Russ.)]
  21. Ларина Т. В. Основы межкультурной коммуникации. М.: Академия, 2017. 192 с. [Larina T. V. *Basics of intercultural communication*. Moscow: Akademiia, 2017, 192. (In Russ.)]
  22. Соловьева И. С., Данилов Д. А. Введение интеграции в процесс обучения иностранному языку в старших классах средней школы. *Наука и образование*. 2006. № 4. С. 133–136. [Soloveva I. S., Danilov D. A. Introduction of integration into the process of teaching a foreign language in high school. *Nauka i obrazovanie*, 2006, (4): 133–136. (In Russ.)]

23. Яковлева Т. А. Проблемы межкультурной коммуникации на примере особенностей форм приветствия в Австрии и Германии. *Концепт: философия, религия, культура*. 2017. № 4. С. 153–160. [Yakovleva T. A. The problems of intercultural communication on the example of greeting forms peculiarities in Austria and Germany. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 2017, (4): 153–160. (In Russ.)]
24. Дрыгина М. В. К вопросу развития межкультурной компетенции при использовании мобильных технологий в обучении иностранному языку. *Наука и мир*. 2019. № 3-3. С. 19–24. [Drygina M. V. On the development of intercultural competence when using mobile technologies in teaching a foreign language. *Science and world*, 2019, (3-3): 19–24. (In Russ.)]
25. Imnadze E. L'intégration de technologies numériques dans l'enseignement / apprentissages des langues / cultures étrangères. *Etudes Interdisciplinaires en Sciences humaines*, 2018, (5): 113–123.
26. Бетретдинова И. К. Обучение виртуальному письменному общению в рамках развития умений письменной речи учащихся. *Казанский педагогический журнал*. 2019. № 1. С. 177–180. [Betretdinova I. K. Teaching virtual written communication as part of the development of students' writing skills. *Kazan Pedagogical Journal*, 2019, (1): 177–180. (In Russ.)]
27. Зимняя И. А. Педагогическая психология. 2-е изд., доп., испр. и перераб. М.: Логос, 2000. 384 с. [Zimniaia I. A. *Pedagogical psychology*. 2nd ed. Moscow: Logos, 2000, 384. (In Russ.)]
28. Гейхман Л. К., Ставцева И. В. Межкультурная коммуникация: реальное и виртуальное. *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2016. Т. 214. С. 64–67. [Geykhman L. K., Stavtseva I. V. Cross-cultural communication: real and virtual aspects. *Proceedings of the Saint-Petersburg State University of Culture*, 2016, 214, 64–67. (In Russ.)]
29. Апетян М. К. Особенности виртуальной коммуникации. *Молодой ученый*. 2015. № 3. С. 939–941. [Apetian M. K. Peculiarities of virtual communication. *Molodoi uchenyi*, 2015, (3): 939–941. (In Russ.)]
30. Гейхман Л. К., Белкина О. В., Галанова С. Ю., Ставцева И. В. Межкультурная коммуникация: традиции и инновации. *Судьбы национальных культур в условиях глобализации: сб. мат-лов II Междунар. науч. конф.* (Челябинск, 4–5 апреля 2013 г.) Челябинск: Энциклопедия, 2013. Т. 1. С. 269–273. [Geykhman L. K., Belkina O. V., Galanova S. Yu., Stavtseva I. V. Cross-cultural communication: traditions and innovations. *Destiny of national cultures in the context of globalization: Proc. II Intern. Sci. Conf.*, Chelyabinsk, 4–5 Apr 2013. Chelyabinsk: Entsiklopediia, 2013, vol. 1, 269–273. (In Russ.)]

оригинальная статья

Технологии формирования культуры здоровья у взрослого населения

Картавецца Антонина Павловна
Филиал Кузбасского государственного технического университета
им. Т. Ф. Горбачева в г. Прокопьевске, Россия, Прокопьевск
<https://orcid.org/0000-0001-9440-4986>
apk-1954@mail.ru

Маханькова Наталья Александровна
Сибирский государственный индустриальный университет, Россия,
Новокузнецк
<https://orcid.org/0000-0002-3717-0367>

Маханькова Полина Дмитриевна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Похоруков Олег Юрьевич
Сибирский государственный индустриальный университет, Россия,
Новокузнецк
<https://orcid.org/0000-0003-1209-2128>

Поступила 05.05.2022. Принята после рецензирования 26.05.2022. Принята в печать 31.05.2022.

Аннотация: Анализируются основные характеристики терминов *здоровье*, *культура здоровья*, технологии формирования навыков сохранения здоровья. Рассмотрены различные точки зрения, интерпретирующие понятия здоровья и культуры здоровья; определены факторы, способствующие и препятствующие здоровью. Культура здоровья рассматривается как наиболее важный компонент для функционирования психики человека, характеризующий уровень развития, воспитания и оздоровления личности. Обоснована необходимость сохранения и укрепления здоровья посредством систематических занятий спортивными видами деятельности. На базе анализа современных исследований обоснован вывод о том, что преобразование социальной среды должно начинаться с воспитания культуры личного здоровья, чтобы противостоять негативным факторам современного мира. На основе изучения практико-ориентированных подходов к проблеме сохранения здоровья во взрослом периоде жизненного пути личности разработана технология формирования навыков сохранения здоровья для женщин в возрасте 40–60 лет. Подробно описаны параметры технологии; приведены данные, позволяющие обосновать ее эффективность. Описаны условия и инструменты для практического применения; представлены результаты, полученные с помощью предлагаемой технологии. Обоснована возможность распространения приобретенного опыта посредством применения предложенной технологии в спортивных клубах и фитнес-группах.

Ключевые слова: здоровье, компоненты здоровья, факторы здоровья, сохранение здоровья, занятия спортом

Цитирование: Картавецца А. П., Маханькова Н. А., Маханькова П. Д., Похоруков О. Ю. Технологии формирования культуры здоровья у взрослого населения. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 3. С. 206–215. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-206-215>

full article

Forming a Culture of Health in the Adult Population

Antonina P. Kartavtseva
Branch of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Russia,
Prokopyevsk
<https://orcid.org/0000-0001-9440-4986>
apk-1954@mail.ru

Natalia A. Makhankova
Siberian State Industrial University, Russia, Novokuznetsk
<https://orcid.org/0000-0002-3717-0367>

Polina D. Makhankova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Oleg Yu. Pokhorukov
Siberian State Industrial University, Russia, Novokuznetsk
<https://orcid.org/0000-0003-1209-2128>

Received 5 May 2022. Accepted after peer review 26 May 2022. Accepted for publication 31 May 2022.

Abstract: The paper focuses on the terms of *health*, *health culture*, and health-preserving technologies. It introduces different interpretations of health and health culture, as well as the factors that contribute to health and those that can harm it. The culture of health is the most important component of human psyche as it characterizes the level of personal development, education, and health promotion. The authors substantiate the necessity of preserving and strengthening health through systematic sports activities. They reviewed relevant publications to prove that only personal health culture can improve social environment and protect

people against the negative factors of the modern world. The analysis of practice-oriented approaches to health preservation in adults resulted in a new technology of developing healthy lifestyle skills in women aged 40–60. The article describes the conditions and tools for its practical application and the results obtained with the help of the proposed technology. The authors substantiated the possibility of dissemination of the obtained experience by using this technology in sports clubs and fitness groups.

Keywords: health, components of health, factors of health, preservation of health, sports activities

Citation: Kartavtseva A. P., Makhankova N. A., Makhankova P. D., Pokhorukov O. Yu. Forming a Culture of Health in the Adult Population. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(3): 206–215. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-206-215>

Введение

Сохранение здоровья народа – одна из важнейших задач нашего государства как носителя общественного развития в XXI в. Для решения этой задачи разработаны «Стратегия формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года» (Приказ Минздрава РФ № 8 от 15.01.2020) и приоритетный национальный проект «Формирование здорового образа жизни» (протокол президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам № 8 от 26.07.2017), главной целью которых являются сохранение и укрепление здоровья населения страны, снижение заболеваемости и увеличение продолжительности жизни. Основные задачи государственной политики направлены на реализацию стратегических приоритетов в области популяризации здорового образа жизни для укрепления здоровья и формирования его культуры. А одной из главных задач государства является обеспечение качества и доступности медицинского обслуживания населения. Формирование бережного отношения к здоровью граждан на основе принципа ЗОЖ является приоритетной целью программы «Здоровая Россия»¹. Социальная направленность государственной политики определяет сохранение и укрепление личного здоровья как фундаментальную ценность и необходимое условие для полного физического, психического и социального благополучия.

Здоровье и культура здоровья рассматриваются наукой как важнейшие качественные характеристики здорового человека и считаются одними из главных направлений развития культуры современной личности. Процессы сохранения и укрепления здоровья и развития культуры здоровья определяются социальной организацией современного общества по отношению к здоровому развитию личности. Эксперты ВОЗ определяют здоровье не просто как отсутствие болезни, а как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия»². Здоровье напрямую зависит от самой личности, а значит следует добиваться того, чтобы забота о здоровье стала повседневной нормой жизни, чтобы здоровый образ жизни, здоровые привычки, здоровый имидж стали основой современного стиля жизни.

Ученые разных стран доказали влияние различных факторов на состояние здоровья человека. От культуры

и индивидуального образа жизни зависит 50 % здоровья, на влияние наследственности и генетической предрасположенности приходится 20 %, факторы внешней окружающей среды (природной, антропогенной и социальной) составляют 20 %, от системы здравоохранения зависит только 10 %, хотя этот фактор играет очень важную роль.

Российские исследователи приводят следующую статистику факторов здоровья [1]: человеческий (психическое состояние и физическое здоровье) – 25 %; социальный (образ жизни, привычки, материальные условия труда и быта) – 40 %; экологический (природный, антропогенный и социальный) – 40 %; медицинский – 10 %.

Формирование культуры здоровья и здорового образа жизни является существенным резервом сохранения и укрепления здоровья. Философ В. К. Климова ввела термин *культура здоровья* еще в 1980-х гг., но полной трактовки значения понятия не было предоставлено. В научной литературе нет единого взгляда на определение данного термина. Это связано с применением различных подходов к рассмотрению понятия здоровья: аксиологического, акмеологического, системного, культурологического, социокультурного и др. Исследования становления культуры здоровья носят фрагментарный характер и не дают целостной картины научных взглядов по рассматриваемому вопросу [2, с. 16].

Понятие *здоровье*

Понятия *здоровье* и *культура здоровья* невозможно рассматривать отдельно друг от друга, поскольку они взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Немецкий философ А. Шопенгауэр полагал, что счастье человека практически в полной мере зависит от состояния его здоровья. Здоровье считается источником наслаждения, в то время как никакие внешние блага не смогут доставить благодать [3, с. 23]. Здоровье человека является основой его жизнедеятельности и достижения им активного долголетия. Не только отдельному индивиду, но и обществу в целом присуща потребность в здоровье.

Изучением здоровья и факторов, влияющих на него, ученые начали активно заниматься еще в XX в. Сегодня существует много определений и подходов к понятию *здоровье*: Р. И. Айзман [4] и В. П. Казначеев [5] определяют

¹ Портал о правильном питании, здоровом образе жизни и избавлении от зависимостей. URL: <https://www.takzdorovo.ru/> (дата обращения: 24.03.2022).

² Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения. Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901977493> (дата обращения: 24.03.2022).

здоровье как функциональную способность организма; Н. А. Агаджанян и соавторы – как отсутствие болезней [6]; Д. А. Изуткин – как взаимодействие организма с факторами окружающей среды [7].

Определяя здоровье как «целостное многомерное динамическое состояние», А. Г. Щедрина указывает на то, что оно может развиваться только «в условиях конкретной социальной и экологической среды». Именно это позволяет человеку реализовывать его социальные и биологические функции [8]. По мнению В. А. Лищука, здоровье – это не только «способность сопротивляться деградации и старению, ... адаптироваться к новым условиям», но и «способность к самосохранению и саморазвитию» [9, с. 17].

Здоровье как характеристику запаса жизненных сил, задаваемую природой и реализуемую или не реализуемую человеком, рассматривают Т. Ф. Акбашев и Б. А. Классов [10].

Существенное влияние на здоровье человека оказывают различные факторы, которые определяют его состояние. Взаимодействуя между собой, они обуславливают его качественные и количественные характеристики [11, с. 17]. Исходя из структуры личности, ученые выделяют следующие компоненты здоровья:

- 1) физическое здоровье: уровень роста и развития системы организма (Н. П. Абаскалова, А. Ю. Зверкова);
- 2) соматическое здоровье: текущее состояние органов и систем организма (М. Я. Виленский);
- 3) психическое здоровье: состояние психической сферы, душевного комфорта (В. Н. Ирхин, В. П. Казначеев);
- 4) социальное здоровье: способность сохранять и использовать отношения с другими людьми, темпы социальных перемен в обществе (А. Г. Щедрина);
- 5) нравственное здоровье: система ценностей, установок и мотивов поведения человека в обществе (Н. М. Амосов, Э. Н. Вайнер).

Неразрывная связь с духовностью отмечена в работах Г. А. Комарова, А. Н. Бабурина, Н. В. Манько, хотя далеко не все исследователи считают ее компонентом здоровья.

Ученые делают акцент на факторах риска и факторах, отрицательно / положительно влияющих на здоровье и мешающих / способствующих его укреплению (В. К. Бальсевич, М. Я. Виленский, Е. Н. Литвинов, А. Б. Матвеев и др.). Но при этом образ жизни человека рассматривается как задача сохранения и формирования здоровья, что напрямую зависит от самого человека (рис.).

Анализ показал, что человек сам способен повлиять на мешающие здоровью факторы: искоренить лень, проявить интерес к собственному здоровью, изменить образ жизни. Однако не в его власти полностью изменить состояние окружающей среды или биологические факторы. Решение всех медицинских проблем полностью зависит от государства, но даже при незначительных улучшениях данных факторов вектор здоровья значительно изменится.

По определению ВОЗ, «здоровье и лечение человека официальной медициной и фармакологией стоит очень дорого и малоэффективно. Гораздо дешевле и полезнее профилактика и саногенез, связанные с улучшением питания, быта и отдыха человека»³. Иными словами, здоровье стоит дорого, его отсутствие – еще дороже. Телевидение и реклама заставляют нас принимать таблетки и спасаться вакцинами, но мало кто знает, как грамотно укрепить нашу иммунную систему и стать здоровыми, и нам ничего не известно о стойкости иммунной системы, сокрушительной силе внутреннего потенциала и о том, что в каждом из нас здоровья хватит на 10 человек. Естественно, иммунная система никогда не победит заболевания, если вместо нее с болезнями борются лекарства.

Ослабленный иммунитет напрямую связан с приемом антибиотиков, химических препаратов, алкоголя и наркотиков, а также с недостатком сбалансированного питания, витаминов, минералов, с плохим качеством воды и воздуха. Понижение нравственных норм и увеличение агрессии человека приводят к росту заболеваемости и смертности. На строительство фармацевтических предприятий, медицинских учреждений, обучение медицинского персонала в мире расходуются миллиарды долларов. Люди тратят огромные деньги на лекарства, но продолжают болеть, не убрав причины заболеваний.

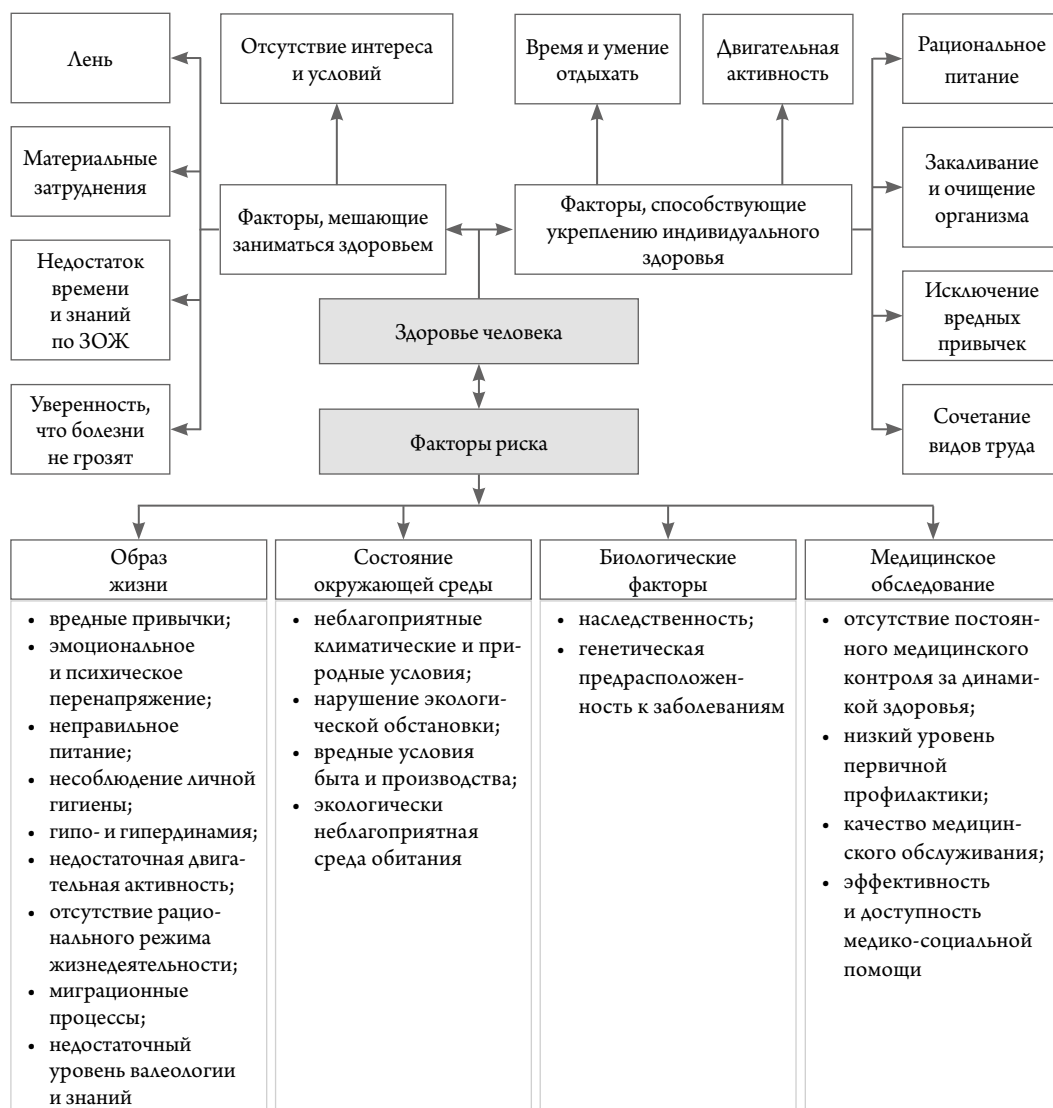
Современная медицина фокусируется на различных системах нашего организма: сердце, зрению, желудке. Но нет ни науки, ни университета, специализирующихся на обучении людей сопротивляться разрушительным тенденциям: только через творческий подход осознания личной ответственности за здоровье и состояние окружающей среды, необходимости достижения гармонии, согласия и любви можно достичь желаемого результата. Первый шаг на этом пути заключается в повышении уровня медицинских знаний и создании культуры здорового населения. От болезней не спасут ни физические нагрузки, ни отказ от вредных привычек. Именно поэтому миллионы людей ищут эффективные приемы и методы восстановления здоровья.

В мире есть много специалистов, считающих, что человек может победить болезнь, но практически нет таких, которые могут подтвердить свои идеи и знания собственным великолепным самочувствием и здоровьем, например, Н. М. Амосов, П. Ч. Брэгг, М. С. Норбеков и П. К. Иванов. В настоящее время разработаны приемы здоровьесберегающих технологий:

- стимулирующие (элементы закаливания, приемы психотерапии);
- информационно-обучающие (памятки, видеоролики);
- защитно-профилактические (личная гигиена, гигиена обучения);
- компенсаторно-нейтрализующие (зарядка, гимнастика, тренировки, помогающие частично нейтрализовать стрессовые ситуации).

³ Алексеев А. А., Ларионова И. С., Дудина Н. А. Врачи – заложники смерти (Почему врачи умирают на 10–20 лет раньше своих пациентов). 3-е изд., доп. М.: Триада плюс, 2000. 339 с. URL: <http://www.htls.ru/books/vrachi/09.htm> (дата обращения: 24.03.2022).

Рис. Здоровье человека. Факторы риска
Fig. Human health. Risk factors

В настоящее время существует большой выбор фитнес-клубов, спортивных клубов, массовых и элитарных спортивных секций и клубов, но область оздоровления не простирается дальше занятий спортом и отказа от вредных привычек. Конечно, тот, кто занимается спортом, имеет хорошее самочувствие, красивое тело, упругие мышцы, ощущает себя более энергичным и уверенным. Но парадокс заключается в том, что люди, которые занимаются спортом, все равно болеют.

Понятие культура здоровья

Проблемой культуры здоровья занимался и продолжает заниматься ряд научных деятелей. И. М. Быховская определяет культуру здоровья как «совокупность знаний, ценностей, норм, идеалов, связанных с представлениями о здоровье / нездоровье... как ценности, ... выполняющих регулятивно-ориентирующие функции в отношении тех видов деятельности, которые обеспечивают формирование, поддержание и укрепление здоровья» [12, с. 444].

По мнению А. Н. Волошиной и О. В. Демидович, культура здоровья включает не только знания об охране здоровья, но и осуществление здорового образа жизни на практике, профилактику заболеваний и необходимость укрепления своего здоровья и здоровья окружающих. Исследователи считают, что человек не борется с болезнями, а участвует в регулировании своих психофизических сил таким образом, чтобы обеспечить их самоизлечение [13]. В этом случае объектом культуры здоровья является активное и здоровое тело.

О. А. Трещева и коллеги полагают, что наличие позитивных целей и ценностей, таких как осмысленное отношение к собственному здоровью, природе и обществу, организация здорового образа жизни являются важными компонентами культуры здоровья [14, с. 157].

Следует согласиться с точкой зрения З. И. Тюмасевой, Е. Н. Богданова и Н. П. Щербака, что важным аспектом исследуемой проблемы является видение сущности деятельности по формированию культуры здоровья. В конечном

итоге качество здоровья отдельных людей и населения в целом определяется сознательными действиями и отношением к здоровому образу жизни, к собственному здоровью и здоровью окружающих⁴.

Понятие *валеологическая культура личности* фигурирует во многих исследованиях; валеологический подход к проблеме здоровья рассматривали Н. М. Амосов, Г. Л. Апанасенко, И. И. Брехман, Э. М. Казин, В. П. Казначеев и др. А. Г. Маджуга и И. А. Синицина предлагают рассматривать термины *валеологическая культура* и *культура здоровья* как синонимы, поскольку валеология – это наука, которая изучает индивидуальное здоровье человека, его обеспечение, развитие и охрану в конкретных условиях жизнедеятельности [15, с. 165–166, 334–335].

В XXI в. в научной литературе появляется термин *ортобиотическая культура здоровья*, автором которого является Д. С. Алхасов. Он трактует науку *ортобиотика* как изучение здоровья человека, поддержание, сохранение и укрепление здоровья посредством рационального и умеренного образа жизни и осознания внутренней ценности жизни [16, с. 83]. Практическое применение результатов научных исследований ученого направлены на развитие ортобиотической культуры здоровья. Методы развития ортобиотической культуры здоровья по Д. С. Алхасову:

- образные, способные синтезировать схемы движений для творческого самовыражения;
- биоэнергетические, базирующиеся на особенностях управления биологическими процессами, лежащими в основе функционирования здорового человека;
- физические, направленные на повышение двигательной активности, укрепление физической формы и повышение работоспособности;
- психофизические, обеспечивающие процессы саморегуляции организма.

О. А. Ахвердова и В. А. Магин рассматривают феномен культуры здоровья с позиции интегративного образования личности, подчеркивая ее гармонию, богатство и целостность, а также всеобъемлемость при взаимодействии с окружающей средой и человеком. Нельзя не согласиться с мнением авторов относительно понимания культуры здоровья как творческой и активной жизненной способности [17, с. 5].

С точки зрения С. Н. Горбушиной, феномен культуры здоровья заключается в совокупности смыслов и ценностей жизни, благодаря которым люди могут контролировать свои взаимодействия и коммуникацию в аспекте безопасности жизни, сохранения и улучшения состояния здоровья. Это исторически складывается в определенную программу деятельности человека по безопасному образу жизни и систематическому воспитанию здорового поколения [18, с. 17].

Итак, понятие *культура здоровья личности* можно описать как многокомпонентное личностное измерение,

которое является частью целостной общей структуры культуры личности. Эти установки выражают эмоциональное и оценочное отношение человека не только к собственному здоровью, но и к здоровью других людей и общества в целом. Они ориентированы на процесс актуализации и принятия здорового образа жизни. Определяя все вышеперечисленные термины, ученые обращают внимание на целостность и практическую направленность системы знаний и валеологических навыков, связанных с физическим и психическим развитием человека, на совокупность норм и ценностей, отражающих идеалы культуры здоровья [19–22].

Как мы уже отмечали выше, в научной сфере не разработана универсальная методология изучения культуры здоровья. Поэтому при анализе структуры личности ученые отталкиваются от интегративных характеристик культуры здоровья, включая ее отдельные компоненты:

- когнитивный компонент;
- мотивационно-личностный компонент;
- эмоциональный компонент;
- коммуникативно-деятельностный компонент;
- волевой компонент;
- ценностно-нравственный компонент;
- деятельностный компонент.

Следует учитывать, что данные компоненты имеют специфические функции (аксиологическую, коммуникативную, восстановительную, творческую, диагностическую и др.) и по определению связаны с развитием сознания, образованностью, знаниями и навыками, контролем восприятия и мышления; развитием мотивационной сферы личности, физическим и психическим саморазвитием, рефлексией, культурой сознания; достижением необходимого уровня здоровья. Комплекс этих качеств указывает на индивидуальные особенности организма и регулирует различные состояния личности, помогает разрабатывать и реализовывать программы укрепления здоровья и оздоровления для достижения гармоничного единства всех компонентов и целостного развития личности.

Определяя понятие *культура здоровья*, исследователи выделяют основные критерии этой культуры [23–25]:

- наличие определенных знаний, умений и навыков по вопросам здоровья;
- осознание ценности здоровья;
- ценностное отношение к здоровью других;
- умение преодолевать конфликтные ситуации;
- умение создавать и сохранять положительное эмоциональное поле в жизнедеятельности;
- активная деятельность по коррекции своего здоровья;
- наличие здорового образа жизни;
- выраженность мотивации здоровья;
- критическое отношение к инновациям в вопросах здоровья;
- умение находить выход из стрессовых ситуаций.

⁴ *Культура здоровья*. Тюмасева З. И., Богданов Е. Н., Щербак Н. П. Словарь-справочник современного общего образования: акмеологические, валеологические и экологические тайны. СПб.: Питер, 2004. С. 170.

Методы и материалы

Анализ зарубежных и отечественных оздоровительных систем является ярким доказательством того, что только позитивная энергия становится основой наиболее эффективных методов в борьбе с любым недугом. Хорошее настроение, смех, любовь и радость помогают устранить причины всех заболеваний. Профилактика болезни намного результативнее и даже дешевле, чем ее лечение. Пока у нас есть положительный заряд, простуда или грипп не навредят нашему духу. Проще говоря, болезнь не сможет проникнуть в наш организм. Уставшие, обозленные и раздраженные люди легко уязвимы любой болезнью.

Существует множество традиционных (аюрведа, йога и др.) и современных научно-обоснованных (фитнес, аэробика, шейпинг и др.) оздоровительных систем. Традиционные системы были переняты из Индии и Китая. Примерами современных систем могут служить пилатес – универсальная система упражнений для тела и разума; кроссфит, основателями которого являются Г. Глассман и Л. Дженай; калланетика – комплекс статистических упражнений, созданный К. Пинкней.

Наш соотечественник В. Н. Седуянов создал систему Изотон, в основе которой находятся изотонические упражнения (мышцы в постоянном напряжении), психологическая коррекция (глубокая релаксация, определенный духовный настрой), физиотерапевтическое воздействие (массаж и сауна) и гигиенические процедуры (закаливание, организация здорового питания).

Прежде чем приступить к разработке нашей экспериментальной системы, мы изучили авторские методики оздоровления В. А. Лищука и Е. В. Мостковой, К. Х. Купера, Н. М. Амосова, Г. С. Шаталовой, С. Ю. Юровского и выяснили, что в основе всех оздоровительных систем – не только физическая нагрузка, но и правильный режим дня и сбалансированное питание.

Исследование систем укрепления здоровья позволило найти методы и практические инструменты, более эффективные и оптимальные. Разработанная методика была направлена на решение следующих задач: 1) содействовать снижению интенсивности дегенеративно-дистрофических процессов в суставно-связочном аппарате; 2) способствовать разблокировке межпозвонковых дисков; 3) укреплять кардиореспираторную систему; 4) содействовать формированию мышечного корсета; 5) улучшать выносливость, силу, координационные способности, вестибулярную устойчивость; 6) создавать у занимающихся настрой на омоложение и здоровье.

При разработке экспериментальной методики мы учитывали все рекомендации и обязательные условия: 1) выполнять все упражнения на высоком эмоциональном уровне; 2) подбирать музыкальное сопровождение с учетом возрастных особенностей; 3) поддерживать высокое психоэмоциональное состояние занимающихся; 4) рационально использовать ЛФК и упражнения с предметами; 5) все упражнения должны выполняться в парах.

Занимающимся необходимо было вести дневник самоконтроля, куда они заносили все сведения о своем самочувствии до и после тренировки, что являлось обязательным условием. Туда же заносили показатели частоты сердечных сокращений (ЧСС), артериального давления (АД), индивидуальные упражнения, приемы самомассажа, рекомендации по питанию. Один раз в месяц проводились медицинские консультации не только для выяснения состояния здоровья, но и для повышения уровня элементарных медицинских знаний и формирования культуры здоровья у занимающихся.

Экспериментальная методика была разработана для женщин 40–60 лет. Занятия проводились на базе спортивно-оздоровительного комплекса «Снежинка» г. Прокопьевск, два раза в неделю по 1 часу в течение двух лет в группе по 25–30 человек. До начала занятий почти все женщины имели хронические заболевания в стадии ремиссии (табл. 1).

Табл. 1. Хронические заболевания женщин до начала занятий, %
Tab. 1. Chronic illnesses of women before the experiment, %

Хронические заболевания	%
Сердечно-сосудистой системы	63
Опорно-двигательного аппарата	89
Мочеполовой системы	41
Желудочно-кишечного тракта	60
Избыточный вес	23

Для достижения оптимального эффекта мы разработали специальные формы и методы, направленные на достижение индивидуальных целей каждой женщины, с учетом интересов и мотивации участниц, их исходного уровня физической подготовки, наличия хронических заболеваний и физических характеристик. Для этого мы использовали авторские методики В. И. Ляхова, М. С. Норбекова и А. Ф. Синякова, применяли упражнения стретчинга и йоги. Для укрепления брюшного пресса и мышц рук использовались элементы шейпинга и калланетики, упражнения со спортивными снарядами. Для совершенствования вестибулярной устойчивости и координационных способностей использовались упражнения на равновесие, различные направления аэробики и танцевальные элементы.

Занятие состояло из 6 частей:

- 1) вводная (приветствие, самоконтроль, настрой);
- 2) подготовительная (танцевальные шаги, элементы восточных, спортивных танцев, элементы рок-н-ролла);
- 3) растяжка (упражнения на гибкость и омоложение суставов, элементы стретчинга, позы хатха-йоги, динамические упражнения);
- 4) аэробная (различные направления аэробики);
- 5) силовая (упражнения в партере, с гантелями, в парах, элементы шейпинга);
- 6) заключительная (дыхательная гимнастика, асаны йоги, психорегуляция).

В качестве дополнения к занятиям физическими упражнениями с учетом состояния здоровья предлагался лечебный или общий массаж (1–2 курса в год), посещение сауны (1 раз в неделю).

Для определения функционального состояния занимающихся использовались следующие показатели: уровень здоровья (Г. Л. Апанасенко), жизненный индекс, динамика прироста ЧСС, весоростовой индекс (А. Кетле).

Результаты

Физическая подготовленность определялась с помощью упражнений на силовые способности мышц брюшного пресса, спины, плечевого пояса, рук и нижних конечностей.

Силовые способности занимающихся не достигли нормативных показателей, но заметно изменились в положительную сторону. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что занятия, проводимые в рамках разработанной технологии, произвели положительный эффект. Показатели силовой выносливости мышц рук и брюшного пресса оказались практически на уровне нормативных (табл. 2).

Табл. 2. Динамические трансформации силовых способностей, количество повторений

Tab. 2. Dynamic transformations of power abilities, number of repetitions

Вид испытаний	Норма	Начальный этап	Заключительный этап
<i>Мышцы брюшного пресса</i>			
Поднимание плечевого пояса из положения на спине, руки за голову, ноги согнуты в коленях	57	37–43	50–56
Поднимание ног вверх и опускание из положения лежа на спине, руки в стороны	36	24–27	31–35
<i>Мышцы спины</i>			
Поднимание верхней части туловища из положения лежа на животе, руки вперед	52	32–38	45–51
<i>Мышцы плечевого пояса</i>			
Сгибание и разгибание рук из упора стоя на коленях	36	19–22	28–35
Сгибание и разгибание рук из положения упор лежа	43	25–29	35–42
<i>Мышцы нижних конечностей</i>			
Приседание из основной стойки до угла 90 градусов между голенью и бедром	47	35–38	51–59

Для определения координационных способностей использовались следующие тесты: челночный бег (3×10 м); кувырки вперед (3 раза); метание теннисного мяча ведущей рукой на дальность; метание теннисного мяча на точность из положения сидя на полу, ноги врозь; ведение баскетбольного мяча ведущей рукой в беге с изменением направления движения; упражнения для определения способности к равновесию.

Результаты тестирования координационных способностей женщин, занимающихся в одной группе, находились в прямой зависимости от возраста и двигательного опыта, поэтому достоверное улучшение результатов отмечалось у женщин всех возрастных категорий (табл. 3).

Табл. 3. Динамические трансформации координационных способностей (челночный бег)

Tab. 3. Dynamic transformations of coordination abilities (shuttle run)

Возраст	Норма, сек.	Начальный этап, сек.	Заключительный этап, сек.
35–44	21–26	20	24
45–54	22–27	21	25
55–60	23–28	22	26

Анализ уровня здоровья по методике Г. Л. Апанасенко показал, что все занимающиеся улучшили свой адаптационный потенциал. Об эффективности разработанной методики свидетельствует тот факт, что произошли положительные сдвиги в состоянии сердечно-сосудистой системы, ЧСС в состоянии покоя стала меньше. В конце занятий у женщин, склонных к гипотонии, происходила нормализация АД (повышение на 10–15 единиц), а у гипертоников – снижение АД на 20–25 единиц. Измерения показателей производили специалисты физкультурного диспансера г. Прокопьевск. Женщины, посещающие занятия регулярно в течение двух лет, отмечали снижение заболеваемости в 2 раза.

Обсуждение

Опрос занимающихся показал, что создание высокого эмоционального настроения при выполнении физической нагрузки, подробное объяснение и осознанное выполнение каждого упражнения, а также уверенные, поощряющие, позитивные команды инструктора – главное отличие используемой методики. Именно это позволяет выполнять весь предлагаемый объем упражнений легко и непринужденно, поддерживать высокую физическую работоспособность, а в конце занятий испытывать легкое утомление и эмоциональный подъем.

Благодаря углубленным знаниям и пониманию механизма лечебного действия физических упражнений для лиц с различными отклонениями в состоянии здоровья, занимающиеся научились самостоятельно поддерживать уровень стабильного состояния здоровья.

Сходные данные позитивных изменений физического состояния респондентов приводят Т. Г. Ефремова и Е. А. Волкова [26]. В работе С. В. Савченко и Э. Р. Салеева мы нашли подтверждение тому, что воздействие средств аэробного характера и применение упражнений на мышцы брюшного пресса способствуют улучшению эмоциональных показателей [27]. Выявлению наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на здоровье, посвящено исследование Г. Н. Голубевой и А. И. Голубева [28].

Из анализа теоретико-методологических и экспериментальных исследований делается вывод, что здоровье напрямую связано с формированием культуры здоровья и здорового образа жизни. В настоящее время работа по изучению формирования культуры здоровья у взрослого населения, по освоению оздоровительной методики продолжается, она постоянно совершенствуется, и наработки успешно внедряются в занятия фитнес-групп и групп здоровья.

Заключение

Сохранение и укрепление здоровья человека – это его личное дело. Образ жизни можно рассматривать как определенный способ интеграции потребностей человека, который соответствует его деятельности и сопровождает его переживания. Изучение здоровья отдельного человека ведет к улучшению здоровья всего общества, к повышению уровня жизни и культуры. Сохранение здоровья зависит исключительно от образа жизни человека и его поведения в отношении здоровья. Никто не может способствовать

сохранению здоровья или, наоборот, его утрате, кроме самих людей. Поэтому актуальной задачей государства является охрана и укрепление здоровья населения, развитие идеологии здоровья как важнейшей ценности жизни.

Преобразования в социальной сфере деятельности должны начинаться с воспитания личной культуры здоровья как возможности противостоять негативным воздействиям современного мира и возможности достижения высокого уровня здоровья. Из проведенного научно-теоретического анализа следует, что здоровье, культура здоровья и здоровый образ жизни должны рассматриваться в совокупности факторов, нацеленных на формирование гармоничной личности, как компоненты и качественные характеристики уровня развития, компетентности здоровья личности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Бобровская М. Д., Химич М. Н. Физическая культура как компонент здорового образа жизни. *Студенческий научный форум – 2017: мат-лы IX Междунар. студенческой электронной науч. конф.* (Саратов, 15 февраля – 30 марта 2017 г.) Саратов: НИЦ Академия Естественных наук, 2017. [Bobrovskaya M. D., Khimich M. N. Physical culture as component of a healthy lifestyle. *Student Scientific Forum 2017: Proc. IX Intern. Student Electronic Sci. Conf., Saratov, 15 Feb – 30 Mar 2017.* Saratov: SPC Academy of Natural History, 2017. (In Russ.)] URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017036321> (accessed 24 Mar 2022).
2. Цакоев А. А. Проблема формирования у студентов понятий «физическая культура», «спортивный стиль жизни», «здоровый образ жизни». *Реализация организационно-педагогической модели развития студенческого спорта.* Владикавказ: СОГУ, 2014. С. 9–73. [Tsakoev A. A. The problem of forming the concepts of "physical culture", "sports lifestyle", and "healthy lifestyle" among students. *Implementation of the organizational and pedagogical model of student sports development.* Vladikavkaz: NOSU after K. L. Khetagurov, 2014, 9–73. (In Russ.)]
3. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2019. 256 с. [Schopenhauer A. *Aphorisms of worldly wisdom.* St. Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus, 2019, 256. (In Russ.)]
4. *Физиологические основы здоровья*, отв. ред. Р. И. Айзман. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2015. 351 с. [Physiological fundamentals of health, ed. Aizman R. I. 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 2015, 351. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.12737/5957>
5. Казначеев В. П. Проблемы культуры, здоровья нации, футурологии XXI века. Новосибирск: ЗСО МСА, 2011. 377 с. [Kaznacheev V. P. *Problems of culture, health of the nation, futurology of the XXI century.* Novosibirsk: ZSO MSA, 2011, 377. (In Russ.)]
6. Агаджанян Н. А., Труханов А. И., Шендеров Б. А. Этюды об адаптации и путях сохранения здоровья. М.: Сирин, 2002. 156 с. [Aghajanyan N. A., Trukhanov A. I., Shenderov B. A. *Studies on adaptation and ways to preserve health.* Moscow: Sirin, 2002, 156. (In Russ.)]
7. Изуткин Д. А. Человек в системе взаимосвязи образа жизни и здоровья. *Вестник Томского государственного педагогического университета.* 2004. № 2. С. 90–92. [Izutkin D. A. The man in the interaction system of way of life and health. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2004, (2): 90–92. (In Russ.)]

8. Щедрина А. Г. Понятие и структура индивидуального здоровья человека: методология системного подхода. *Медицина и образование в Сибири*. 2009. № 5. [Shchedrina A. G. Concept and structure of individual health: methodology of systemic approach. *Journal of Siberian Medical Sciences*, 2009, (5). (In Russ.)] URL: <https://mos.ngmu.ru/article/pdf.php?id=380> (accessed 24 Mar 2022).
9. Лищук В. А. Фундаментальность медицинской науки и валеологии. *Валеология*. 2010. № 1. С. 15–25. [Lishchuk V. A. Fundamentals of medical science and valeology. *Journal of Health and Life Sciences*, 2010, (1): 15–25. (In Russ.)]
10. Акбашев Т. Ф., Классов Б. А. Культура здоровья как необходимое условие и системный результат образования. *Через образование – к культуре мира, взаимопониманию и устойчивому развитию*: мат-лы Междунар. симпозиума. (Новосибирск, 21–24 марта 2000 г.) Новосибирск: Сибирская ярмарка, 2000. С. 37–39. [Akbashev T. F., Klassov B. A. Culture of health as a necessary condition and system result of education. *Through education towards a culture of peace, mutual understanding, and sustainable development*: Proc. Intern. Symposium, Novosibirsk, 21–24 Mar 2000. Novosibirsk: Sibirskaia iarmarka, 2000, 37–39. (In Russ.)]
11. Киселева Л. С. Факторы, формирующие здоровье населения: сущность и типология. *Международный журнал экспериментального образования*. 2015. № 8-1. С. 17–20. [Kiseleva L. S. Factors shaping population's health: nature and typology. *International journal of experimental education*, 2015, (8-1): 17–20. (In Russ.)]
12. Быховская И. М. Здоровье и здоровьеориентированные практики в культурологическом измерении. *Основы культурологии*. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 439–457. [Bykhovskaya I. M. Health and health-oriented practices in the cultural dimension. *Fundamentals of cultural studies*. Moscow: Editorial URSS, 2005, 439–457. (In Russ.)]
13. Волошина Л. Н., Демидович О. В. Здоровьеориентированная образовательная система как феномен современной теории и практики социального воспитания. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2012. Т. 18. № 1-1. С. 126–129. [Voloshina L. N., Demidovich O. V. Health-oriented educative system as social upbringing modern theory and practice phenomenon. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2012, 18(1-1): 126–129. (In Russ.)]
14. Трещева О. Л., Карпеев А. Г., Криживецкая О. В., Терещенко А. А. Характеристика культуры здоровья личности с позиций системного подхода. *Омский научный вестник*. 2014. № 1. С. 154–157. [Treshcheva O. L., Karpeev A. G., Krizhivetskaia O. V., Tereshchenko A. A. The description of personal health level by using systematic approach. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2014, (1): 154–157. (In Russ.)]
15. Маджуга А. Г., Синицина И. А. Здоровьесозидающая педагогика: теория, методология, опыт, перспективы развития. М.: Логос, 2014. 508 с. [Madzhuga A. G., Sinitsyna I. A. *Health creative pedagogy: theory, methodology, experience, prospects of development*. Moscow: Logos, 2014, 508. (In Russ.)]
16. Алхасов Д. С. Формирование ортобиотической культуры здоровья учащихся. *Учитель*. 2005. № 2. С. 83–85. [Alkhasov D. S. Formation of an orthobiotic culture of students' health. *Uchitel*, 2005, (2): 83–85. (In Russ.)]
17. Ахвердова О. А., Магин В. А. К исследованию феномена «культура здоровья» в области профессионального физкультурного образования. *Теория и практика физической культуры*. 2002. № 9. С. 5–7. [Akhverdova O. A., Magin V. A. To research of "health culture" phenomenon in professional physical culture education. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*, 2002, (9): С. 5–7. (In Russ.)]
18. Горбушина С. Н. Мировоззренческие детерминанты формирования культуры здоровья будущего учителя: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ижевск, 2005. 42 с. [Gorbushina S. N. *World outlook determinants of the formation of the future teacher's health culture*. Dr. Ed. Sci. Diss. Abstr. Izhevsk, 2005, 42. (In Russ.)]
19. Бичева И. Б. Культура здоровья личности: научно-теоретический контекст. *Гуманитарные научные исследования*. 2016. № 9. [Bicheva I. B. Culture of health of the personality: scientific-theoretical context. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniia*, 2016, (9). (In Russ.)] URL: <https://human.snauka.ru/2016/09/16491> (accessed 24 Mar 2022).
20. Григорьева Н. В. Профессиональная подготовка специалистов высокотехнологичного производства: опыт внедрения технологии дуального обучения. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2018. Т. 7. № 3. С. 191–195. [Grigoreva N. V. The vocational training of specialists for high-tech manufacturing: experience of implementation of dual education technology. *Baltic Humanitarian Journal*, 2018, 7(3): 191–195. (In Russ.)]
21. Медовикова Е. А. Значение психологии безопасности в рамках профессиональной деятельности на угольных предприятиях Кузбасса. *Наука. Образование. Культура. Актуальные проблемы и практика решения (федеральный и региональный аспекты)*: сб. ст. по мат-лам X Всерос. науч.-практ. конф., (Прокопьевск, 6 декабря 2017 г.) Прокопьевск: Филиал КузГТУ в г. Прокопьевске, 2017. С. 148–154. [Medovikova E. A. Role of safety thinking in professional activity at Kuzbass coal mines. *Science. Education. Culture. Actual problems and solution practice (federal and regional aspects)*: Proc. X All-Russian Sci.-Prac. Conf., Prokopyevsk, 6 Dec 2017. Prokopyevsk: Prokopyevsk branch of KuzSTU, 2017, 148–154. (In Russ.)]
22. *Здоровьесберегающая деятельность в системе образования: теория и практика*, под науч. ред. Э. М. Казина. Кемерово: КРИПКиПРО, 2009. 347 с. [Health-saving activities in the education system: theory and practice, ed. Kazin E. M. Кемерово: КРИПКиПРО, 2009, 347. (In Russ.)]

23. Кожанов В. В. Саморазвитие культуры здоровья студента в процессе спортивно ориентированного физического воспитания. *Теория и практика физической культуры*. 2006. № 2. С. 12–14. [Kozhanov V. V. Self-development of healths' culture of student in process of sports focused physical education. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*, 2006, (2): 12–14. (In Russ.)]
24. Мальярчук Н. Н. Валеология. Тюмень: ТюмГУ, 2008. 270 с. [Malyarchuk N. N. *Valeology*. Tyumen: UTMN, 2008, 270. (In Russ.)]
25. Спикина О. П., Лебедева М. П. К проблеме формирования культуры здоровья у студентов ВУЗа. *Студенческий научный форум – 2017: мат-лы IX Междунар. студенческой электронной науч. конф.* (Саратов, 15 февраля – 30 марта 2017 г.) Саратов: НИЦ Академия естествознания, 2017. [Spikina O. P., Lebedeva M. P. To the problem of forming the culture of health in students of high schools. *Student Scientific Forum – 2017: Proc. IX Intern. Student Electronic Sci. Conf.*, Saratov, 15 Feb – 30 Mar 2017. Saratov: SPC Academy of Natural History, 2017. (In Russ.)] URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017039920> (accessed 24 Mar 2022).
26. Ефремова Т. Г., Волкова Е. А. Оценка состояния здоровья по Г. Л. Апанасенко как метод экспресс-диагностики в процессе физического воспитания. *Воспитание и обучение: теория, методика и практика: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф.* (Чебоксары, 8 мая 2015 г.) Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 326–328. [Efremova T. G., Volkova E. A. Assessment of health according to G. L. Apanasenko as a method of express diagnostics in the process of physical education. *Education and training: theory, methodology, and practice: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Cheboksary, 8 May 2015. Cheboksary: CSC "Interactive plus", 2015, 326–328. (In Russ.)]
27. Савченко С. В., Салеев Э. Р. Сравнительная характеристика динамики физической подготовленности студентов специальных медицинских групп в рамках реализации оздоровительной программ «Путь к здоровью». *Современные проблемы науки и образования*. 2019. № 1. [Savchenko S. V., Saleev E. R. Comparative characteristics of the dynamics of physical fitness of students of special medical groups in the framework of the health program "Path to health". *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2019, (1). (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28587> (accessed 24 Mar 2022).
28. Голубева Г. Н., Голубев А. И. Внешние и внутренние факторы риска здоровья студентов. *Фундаментальные исследования*. 2013. № 8-4. С. 909–912. [Golubeva G. N., Golubev A. I. External and internal risk factors for health students. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2013, (8-4): 909–912. (In Russ.)]

оригинальная статья

Особенности профессиональной деятельности учителя в условиях цифровой трансформации образования

Шульга Ирина Ивановна

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, Новосибирск

shulga.61@mail.ru

Поступила 29.04.2022. Принята после рецензирования 20.05.2022. Принята в печать 31.05.2022.

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей профессиональной деятельности учителя в контексте цифровой трансформации образования. Актуализирована проблема необходимости изменений в реализации учителем традиционной педагогической деятельности по обучению и воспитанию школьников. Цель – конкретизация и обоснование обновленной совокупности профессиональных функций учителя, сформированных под влиянием и в условиях цифровизации образования. В результате теоретического анализа выявлены новые функциональные особенности профессиональной деятельности учителя, заключающиеся в необходимости владения следующими педагогическими технологиями: управление учебной мотивацией обучающихся (педагогический коучинг), конструирование собственной обучающей программы (педагогический дизайн), создание сценария учебного занятия (педагогическая режиссура), сопровождение и оказание педагогической помощи (персональный тьюторинг), поддержка интереса и позитивной включенности обучающихся (педагогическая анимация). Выводы по исследованию позволили установить логическую связь новых видов деятельности и связанных с ними профессиональных функций в деятельности учителя с ключевыми принципами цифрового образования. Выполненная аналитическая работа представляет собой предложение и возможность обсуждения новых перспективных направлений в профессиональной подготовке учителей, одним из которых может стать теория и методика обучения и воспитания в условиях полномасштабной цифровой трансформации образования. **Ключевые слова:** цифровая трансформация образования, образовательная деятельность, педагогические функции, профессиональные роли учителя, гуманизация образования, педагогическое взаимодействие, цифровая компетентность педагога, неформальное образование

Цитирование: Шульга И. И. Особенности профессиональной деятельности учителя в условиях цифровой трансформации образования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 3. С. 216–221. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-216-221>

full article

Teaching Activity in the Context of Digital Education

Irina I. Shulga

Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk

shulga.61@mail.ru

Received 29 Apr 2022. Accepted after peer review 20 May 2022. Accepted for publication 31 May 2022.

Abstract: The article updates professional skills of a teacher in the context of digital transformation of education. The author actualizes the need for changes in the traditional functions of a schoolteacher. The new functional features include motivation management (pedagogical coaching), designing individual academic road maps (pedagogical design), creating lesson scripts (pedagogical directing), providing pedagogical assistance (personal tutoring), and encouraging positive involvement (pedagogical animation). The article establishes a logical connection between these new professional functions in the teacher's activity and the key principles of digital education. It also offers some new prospect areas in professional teacher training, e.g., theory and methodology of teaching and upbringing in the context of digital education.

Keywords: digital transformation of education, academic activity, pedagogical functions, professional roles of teachers, humanization of education, pedagogical interaction, digital competence of a teacher, non-formal education

Citation: Shulga I. I. Teaching Activity in the Context of Digital Education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(3): 216–221. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-216-221>

Введение

Высокая динамика цифровизации общества оказывает существенное влияние на развитие современной системы образования. В деятельность образовательных организаций активно внедряются информационно-коммуникационные технологии, интенсивно формируется электронная образовательная среда. Современная образовательная практика обретает такие новые характеристики, как наличие у педагогов и обучающихся свободного доступа к различным источникам информации; повышение значимости, количества и качества самостоятельной работы субъектов образования; внедрение принципиально новых методов и форм обучения. В связи с этим требуются значительные изменения традиционных подходов к содержанию и организации образовательного процесса, связанные с необходимостью использования возможностей цифровых технологий, включенных во все другие сферы жизни общества. Переосмысления также требуют вопросы индивидуализации обучения в традиционной классно-урочной системе; целесообразности обеспечения учебного процесса цифровыми инструментами; необходимости расширения доступных цифровых образовательных ресурсов и пр.

Системная активизация процессов цифровизации образования в России определена в национальном проекте «Образование», в рамках которого реализуются два федеральных проекта: «Цифровая образовательная среда» и «Учитель будущего». Цифровая трансформация образования предполагает внедрение «современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей формирование ценности к саморазвитию и самообразованию у обучающихся образовательных организаций всех видов и уровней, путем обновления информационно-коммуникационной инфраструктуры, подготовки кадров, создания федеральной цифровой платформы»¹.

Однако современная педагогическая практика и изменения, которые в ней происходят в контексте внедрения цифровых технологий, не могут считаться полномасштабной цифровой трансформацией образования. Цифровое обучение чаще всего разворачивается на уровне поверхностного преобразования педагогических технологий. На практике это выглядит как замещение традиционных педагогических инструментов цифровыми или как улучшение и оптимизация наглядных методов обучения (подготовка презентаций). В целом мы можем наблюдать лишь методическое обновление классических форм учебно-групповой работы (уроков, лекций, семинарских занятий). По мнению О. Б. Даутовой, Е. Ю. Игнатъевой, О. Н. Шиловой, «о цифровой трансформации в полном смысле можно говорить, когда у участников образовательного процесса есть возможность "постоянного" обучения» [1]. Это означает, что обучающиеся выбирают учебные темы и образовательные модули применительно к решению своих задач; могут обозначить свои предпочтения относительно наиболее

действенных способов, форматов и инструментов обучения; определяют место, время, длительность и темп обучения; являются активными участниками процесса, т.е. ищут ответы на возникающие вопросы, оперативно получают обратную связь; могут применять освоенный материал на практике и рефлексировать между образовательными модулями. Авторы считают, что для построения такой дидактической системы необходимо наличие цифровых ресурсов, расширение образовательных возможностей субъектов учебного процесса и наличие у них сформированных цифровых навыков. Кроме того, требуется иная совокупность профессиональных компетенций учителя [1].

Современная образовательная практика демонстрирует, что школе нужны педагогические работники, которые способны реализовать себя не только в качестве преподавателей и воспитателей, но и в совершенно иных профессиональных проявлениях. В изменяющейся образовательной системе оказываются востребованными новые профессиональные роли педагога, такие как сетевой предметный методист, образовательный контент-менеджер, персональный тьютор, эдьютейнмент-тренер, образовательный коуч и др. Совершенно очевидно, что для эффективной самореализации в столь непривычных качествах педагогу нужны значительно изменившиеся профессиональные функции. Однако нам представляется, что их состав и содержательные характеристики остаются недостаточно исследованными.

Результаты

В теории профессионального образования детально охарактеризован классический функциональный состав образовательной деятельности учителя [2–5]. При этом педагогическая наука отстаивает справедливое положение о том, что деятельность учителя всегда зависит от социально-культурной ситуации, внутри которой она осуществляется [6].

Современные исследователи предлагают конкретизировать и обновить функции профессиональной деятельности учителя в условиях цифровизации образования. Наиболее масштабно в педагогической теории представлены работы, в которых характеризуется информационно-коммуникационная компетенция учителя, а также рассматриваются вопросы ее формирования и развития в процессе профессиональной подготовки и практической деятельности педагогов [7–10]. Доказано, что существенная трансформация всех компонентов педагогической деятельности обусловлена спецификой цифрового образования, изменением его функциональности, организации, отношений между участниками.

В современной психолого-педагогической теории определено, что характер учения как самостоятельного вида деятельности, посредством которого человек развивается, в современном мире изменился, т.к. оказался встроенным в смешанную реальность. Главная задача учителя в цифровом мире – научить учиться. Это означает, что его

¹ Паспорт стратегии Цифровая трансформация образования (утв. Министерством просвещения РФ 15.07.2021). СПС Гарант..

обобщенная миссия сопровождения заинтересованного в собственном развитии ребенка выводит на первый план все то, что может обеспечить поступательное движение формирующейся личности. В этой связи нам представляется целесообразной идея о необходимости соблюдения баланса в функциональной структуре деятельности современного учителя [11]. Сегодня очень важно понять, что для построения гармоничной дидактической системы нужен учитель, сочетающий в себе гуманистическую направленность личности и способность к эффективному взаимодействию с различными субъектами образования в измененной (в том числе виртуальной) образовательной среде. Речь идет о сохранении гуманистических оснований педагогической деятельности (традиционные смыслы) и проявлении цифровой технологичности (инновационные практики).

В условиях цифровой трансформации образования профессиональная деятельность учителя претерпевает качественные изменения: актуализируются ее содержательные и функциональные характеристики, связанные с педагогическим взаимодействием. Постоянно возрастающие потоки информации, будучи включенными в образовательный процесс, нуждаются в грамотном структурировании, содержательном отборе, обнаружении мотивирующих моментов привлечения и удержания внимания обучающихся, новых способах активизации самостоятельной учебно-познавательной и исследовательской деятельности и пр. Современная образовательная практика позволяет выделить некоторые особенности профессиональной деятельности учителя, заключающиеся в управлении учебной мотивацией обучающихся (педагогический коучинг); структурировании или сборке из различных источников собственной обучающей программы (педагогический дизайн); создании сценария учебного занятия (педагогическая режиссура); сопровождении и оказании педагогической помощи (персональный тьюторинг); поддержке интереса включенности, переносе акцента образовательной активности с результата на процесс (педагогическая анимация).

Одной из центральных проблем современной школы считается крайне низкий уровень учебной мотивации школьников. Цифровая трансформация образования предполагает постепенный переход на саморегулируемое обучение в онлайн-формате, охватывающее все этапы образовательного процесса: целеполагание, планирование, выполнение задания, рефлексию. При этом предполагается, что обучающийся несет ответственность за успех своей учебной деятельности на каждом из этих этапов. Такой порядок должен структурно формировать и поддерживать мотивирующие компоненты на протяжении всего процесса обучения. Мотивирование обучающихся в категориях педагогического коучинга представляет собой деятельность, способствующую результативности процесса путем использования знаний и опыта самого ученика. Педагогический коучинг – это целенаправленный процесс, который помогает обучающемуся, использующему собственный потенциал, повысить производительность

и эффективность учебной деятельности, оценить запросы, мобилизовать внутренние и внешние ресурсы, разобраться в проблемах и препятствиях. Современному учителю крайне важно владеть технологиями педагогического коучинга, поддерживая постоянную заинтересованность учеников в самом процессе обучения и в ожиданиях от него, связанных с будущими индивидуальными результатами образовательной активности. Это достаточно сложно в условиях цифрового обучения, т. к. у педагога не всегда есть возможность эмоционального взаимодействия с обучающимися. Активизация интереса как стимулирование положительно окрашенной эмоциональной включенности в процесс обучения – это навык, формируемый и подкрепляемый у педагога в различных вариантах педагогической деятельности. Нам представляется, что этот навык становится особо востребованным в условиях цифровой трансформации образования.

Обязательной составляющей профессионализма педагога в современной школе является развитая способность к педагогическому дизайну. Для теории и методики профессионального образования термин *педагогический дизайн* является достаточно новым. Исследователями он чаще всего трактуется как новая интерактивная научная область и методическая практика в образовании. Для практики цифрового образования особенно важно развить эту идею с точки зрения выявления возможностей педагогического дизайна как профессиональной функции педагога. В этом случае он может быть направлен на самостоятельную разработку учителем, мониторинг и реализацию такого информационно-образовательного пространства, которое должно обеспечить формирование у обучающихся культуры потребления информации и способствовать развитию их информационной зрелости в целом [12].

В педагогическом дизайне учебный процесс и образовательная среда взаимодействуют таким образом, чтобы была возможность их гибко изменять и адаптировать под запросы обучающихся. Педагогический дизайн представляет собой модули, которые возможно собирать в сложные конструкции, состоящие из отдельных элементов, например, анализ целевой аудитории; содержание курса, сложность материала, последовательность его подачи; формирование навигации в рамках образовательной среды; контрольно-измерительные материалы и настройка системы оценки; понятные инструкции для обучающихся и постановка конкретных задач и пр. Навык педагога в создании и сборке своего курса позволяет ему плавно и незаметно осуществлять переходы в образовательном процессе, оценивать промежуточные результаты, производить финальные замеры. Такая организация деятельности включает в себе необходимость трансформации роли педагога – от единственного автора знаний к наставнику, обеспечивающему переход к конструированию совместной с обучающимися новой образовательной среды [13].

Расширение представлений о функциях педагога в условиях цифровой трансформации образования актуализирует

проблему педагогической режиссуры как компонента профессионализма учителя. Традиционно под педагогической режиссурой принято понимать такой способ организации учебно-познавательного процесса, который предполагает наряду с осмыслением содержания урока его эмоционально-чувственное переживание. Учебный процесс строится как череда педагогических событий, формирующих опыт творческой деятельности и духовные ценности через сотворчество всех субъектов взаимодействия. В таком понимании педагогическая режиссура соотносится с деятельностью педагога по разработке и реализации замысла урока как педагогического взаимодействия, изначально ориентированного на процесс совместного переживания, затем на его осмысление и, наконец, на рефлексию, контроль и оценку результата [14].

Профессиональная роль учителя как режиссера образовательного события в условиях цифровой трансформации образования приобретает особую значимость в контексте сохранения гуманистического смысла образования вообще. Совместная деятельность педагога и учащегося, направленная на поиск и решение творческой идеи, заложенной в каждом уроке, предполагает актуализацию духовных сил личности ученика, вопреки формализации взаимодействия в цифровой образовательной среде. В качестве стержневого психологического образования личности педагога следует рассматривать высокий уровень развития его художественно-творческого воображения, которое позволяет ему осуществлять проектирование педагогической идеи, предвидение дальнейшего развития образовательного события, его детальное планирование. Режиссура в условиях цифровизации образования выступает как единственно возможный педагогический механизм, позволяющий увлечь обучающихся содержанием урока посредством эмоционально активной передачи. Внутреннее видение идеи образовательного события учителем может трактоваться как его способность одновременно создавать в своем сознании эмоционально окрашенные образы и эстетически воздействовать на обучающихся своим воображением. Нами ранее отмечалось, что режиссерские возможности педагога в образовательной сфере предполагают следующие способности: свободно создавать новые идеи, быстро и легко придумывать новые решения, выстраивать ассоциативные связи, целостно воспринимать образовательный процесс, заранее видеть результаты деятельности, благодаря чему становится возможным интуитивное решение педагогических задач [15, с. 138]. Таким образом, педагогическая режиссура позволяет оживлять образовательный процесс в условиях жестких цифровых регламентаций.

Идея тьюторского сопровождения образовательной активности обучающихся развивается в педагогической теории достаточно интенсивно на протяжении последних десятилетий [16–25]. В условиях цифровой трансформации образования профессиональная роль учителя как тьютора приобретает иное функциональное значение. Педагог постепенно перестает быть классическим академическим тьютором, обеспечивающим сопровождение

образовательной деятельности учащихся на уровне консультирования и помощи в решении учебных задач. В рамках цифровизации образования более актуальным становится персональный тьюторинг, который помимо академического консультирования включает в себя так называемый пасторальный элемент (И. И. Шульга, О. Н. Сергеева). Пасторальный элемент заключается в поддержании эмоционально-волевой сферы обучающегося в процессе работы им собственных связей как в рамках образовательной организации, так и за ее пределами при самостоятельном поиске доступа к необходимым ресурсам в цифровой образовательной среде. Персональный тьюторинг выходит за рамки помощи в успешном освоении непосредственно образовательных программ, т. к. сопровождает и поддерживает не только академическое, но и личностное развитие учащегося. В обязанности педагога как персонального тьютора входят развитие и поддержание безопасных и конфиденциальных отношений с обучающимся; предоставление поддержки и совета по вопросам, касающимся учебных задач и личностного развития ученика; работа по подбору подходящих способов разрешения затруднительных ситуаций в каждом конкретном случае и пр. Таким образом, персональный тьюторинг может рассматриваться как способ решения задачи по формированию у учащихся ключевых компетенций XXI в. посредством индивидуального сопровождения не только академически, но и личностно [26].

Новым многоаспектным звеном существующей системы школьного образования можно считать нетрадиционный подход к организации учебно-воспитательной деятельности, который в педагогической теории и практике называется неформальным образованием [27]. Такое образование становится все более востребованным в условиях цифровизации, поскольку игровая привлекательность виртуального мира постоянно доступна учащимся. В этой связи образовательную практику отличают тесная связь с досуговой и культурной средой, всемерное стимулирование самообразования и саморазвития личности обучающегося со стороны учителя. Технологически неформальное образование связано с методологией *эджютейнмент*. Органичное соединение содержания образования с развлекательными практиками представлено в таких видах учебной работы, как выставки робототехники, образовательные квесты, парки научных развлечений, исторические реконструкции, уроки в музеях, театрализованные экскурсии и пр. Подчеркнем, что все упомянутые формы работы могут быть реализованы с помощью цифровых ресурсов. Для осуществления такой деятельности учителю необходимо овладение профессиональной ролью образовательного аниматора. Отличительной характеристикой аниматорской функции в деятельности педагога выступает перенесение акцента с результата образовательной деятельности в виде контрольно-оценочных мероприятий на эмоциональную включенность и процессуальную игровую активность учащихся. Важную роль в реализации этой функции учителем играют его установки на детство как на самостоятельный и самодостаточный период в жизни

человека и на ребенка как на высшую ценность. Это предполагает необходимость педагога владеть помогающими стратегиями поведения, способностью поддержки инициативы и самостоятельности ребенка, произвольностью вовлечения последнего в совместную игровую деятельность, ориентацию на приоритет положительных эмоциональных реакций в образовательном процессе (радость, интерес).

Заключение

В результате проведенного теоретического анализа установлена логическая связь профессиональных функций в деятельности учителя с ключевыми принципами образования в условиях цифровой трансформации образовательного процесса. Указанные принципы отражают сущностные изменения в новой образовательной реальности и заключаются в следующем: ориентированность на удовлетворение актуальных образовательных потребностей обучающихся; направленность на обучение практическим навыкам и подготовку к активному участию в жизни информационного общества; организация учебного процесса в виде практического включения в образовательный процесс; гуманизация педагогического взаимодействия как принятие индивидуальных особенностей субъектов образования; стимулирование творчества, свободы и самостоятельного выбора.

Функциональные особенности деятельности педагога в рамках цифровой трансформации, связанные с появлением у учителя новых профессиональных ролей и необходимостью оперативно реагировать на быстро меняющееся образование, включают в себя управление учебной мотивацией обучающихся (педагогический коучинг), конструирование собственной обучающей программы (педагогический дизайн), создание сценария учебного занятия (педагогическую режиссуру), сопровождение и оказание педагогической помощи (персональный тьюторинг), поддержку интереса и позитивной включенности обучающихся (педагогическую анимацию).

Предложенное автором новое прочтение профессиональных функций учителя в условиях системных изменений в образовании дает возможность дальнейшего поиска идей и исследовательской практики в области теории и методики профессионального образования педагогов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Даутова О. Б., Игнатъева Е. Ю., Шилова О. Н. Массовый формат смешанного обучения как движение к цифровой трансформации образования. *Непрерывное образование: XXI век*. 2020. № 3. [Dautova O. B., Ignateva E. Yu., Shilova O. N. Mass blended learning format how to move towards digital education. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*, 2020, (3). (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.15393/j5.art.2020.6045>
2. Андриенко Е. В. Педагогический профессионализм. Новосибирск: НГПУ, 2011. 188 с. [Andrienko E. V. *Pedagogical professionalism*. Novosibirsk: NSPU, 2011, 188. (In Russ.)]
3. Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя. 2-е изд., стер. М.: Академия, 2004. 208 с. [Isaev I. F. *Professional and pedagogical culture of the teacher*. 2nd ed. Moscow: Akademiia, 2004, 208. (In Russ.)]
4. Кузьмина Н. В., Кухарев Н. В. Психологическая структура деятельности учителя. Гомель: ГГУ, 1976. 57 с. [Kuzmina N. V., Kukharev N. V. *Psychological structure of the teacher's activity*. Gomel: GSU, 1976, 57. (In Russ.)]
5. Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика. М.: Академия, 2002. 576 с. [Slastenin V. A., Isaev I. F., Shiyanov E. N. *Pedagogy*. Moscow: Akademiia, 2002, 576. (In Russ.)]
6. Биленко П. Н., Блинов В. И., Дулинов М. В., Есенина Е. Ю., Кондаков А. М., Сергеев И. С. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения. М.: Перо, 2019. 98 с. [Bilenko P. N., Blinov V. I., Dulinov M. V., Esenina E. Yu., Kondakov A. M., Sergeev I. S. *Didactic concept of digital vocational education and training*. Moscow: Pero, 2019, 98. (In Russ.)]
7. Везилов Т. Г. Повышение квалификации педагогов в условиях цифровизации образования. *Педагогический журнал*. 2019. Т. 9. № 4А. С. 414–423. [Vezirov T. G. Continuing education of teachers in the context of digitalization of education. *Pedagogicheskii zhurnal*, 2019, 9(4A): 414–423. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2019.44.4.006>
8. Гребенюк Т. Б. Подготовка будущего педагога к цифровизации образования как педагогическая проблема. *Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования»*. 2020. № 2. С. 20–27. [Grebenyuk T. B. Future teacher's training to the digitalization of the education as a pedagogical problem. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kaliningradskii vestnik obrazovaniia"*, 2020, (2): 20–27. (In Russ.)]
9. Дьякова Е. А., Сечкарева Г. Г. Цифровизация образования как основа подготовки учителя XXI века: проблемы и решения. *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. 2019. № 2. С. 24–35. [Dyakova E. A., Sechkareva G. G. Digitalization of education as a basis of training teachers of the XXI century: problems and solutions. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, (2): 24–35. (In Russ.)]

10. Сергеева И. В. Цифровой педагог в онлайн-образовании. *Научные труды Института Непрерывного Профессионального Образования*. 2016. № 6. С. 117–122. [Sergeeva I. V. Digital teacher in online education. *Nauchnye trudy Instituta Nепrерывного Professionalnogo Obrazovaniia*, 2016, (6): 117–122. (In Russ.)]
11. Шульга И. И. Педагогическая культура: ценностно-смысловой контекст цифровой трансформации образования. *Вестник педагогических инноваций*. 2022. № 1. С. 5–12. [Shulga I. I. Pedagogical culture: the value-semantic context of digital transformation of education. *Journal of Pedagogical Innovations*, 2022, (1): 5–12. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15293/1812-9463.2201.01>
12. Воронина Д. В. Педагогический дизайн в современной России: проблемы и пути развития. *Педагогический журнал*. 2016. № 3. С. 61–68. [Voronina D. V. Instructional design in modern Russian education: problems and ways of development. *Pedagogicheskii zhurnal*, 2016, (3): 61–68. (In Russ.)]
13. Востокова С. Н. Педагогический дизайн как эффективная технология онлайн-образования. *Наука, образование, инновации: актуальные вызовы XXI века: сб. науч. тр. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 12 августа 2021 г.)* Белгород: АПНИ, 2021. С. 116–120. [Vostokova S. N. Pedagogical design as an effective online education technology. *Science, education, innovation: actual challenges of the XXI century: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Belgorod, 12 Aug 2021*. Belgorod: APNI, 2021, 116–120. (In Russ.)]
14. Задорина О. С. Сущность и принципы педагогической режиссуры. *Образование и наука. Изв. УрО РАО*. 2010. № 7. С. 46–55. [Zadorina O. S. The content and principles of pedagogical process. *Obrazovanie i nauka. Izv. UrO RAO*, 2010, (7): 46–55. (In Russ.)]
15. Шульга И. И. Педагогическая анимация. М.: Юрайт, 2019. 150 с. [Shulga I. I. *Pedagogical animation*. Moscow: Iurait, 2019, 150. (In Russ.)]
16. Ковалева Т. М. Материалы курса «Основы тьюторского сопровождения в общем образовании»: лекции 1–4. М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2010. 56 с. [Kovaleva T. M. *Course of Fundamentals of Tutor Support in General Education: lectures 1–4*. Moscow: Pedagogicheskii universitet "Pervoe sentiabria", 2010, 56. (In Russ.)]
17. Колосова Е. В. Применение приемов театральной и игровой педагогики в контексте тьюторского анализа учебного занятия. *Опыт подготовки тьюторов для образовательных учреждений г. Москвы*. М.: Карпов Е. В., 2015. С. 36–43. [Kolossova E. V. Application of theatrical and game pedagogy techniques in the context of tutor analysis of the training session. *Experience in training tutors for educational institutions in Moscow*. Moscow: Karpov E. V., 2015, 36–43. (In Russ.)]
18. Рыбалкина Н. В. Размышления о тьюторстве. М.: Ресурс, 2016. 188 с. [Rybalkina N. V. *Reflections on tutoring*. Moscow: Resurs, 2016, 188. (In Russ.)]
19. Kwiek M. Academic entrepreneurialism and changing governance in universities. *Evidence from empirical studies. Multi-level governance in universities*, eds. Frost J., Hattke F., Reihlen M. Cham: Springer, 2016, vol. 47: Higher education dynamics, 49–74. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32678-8_3
20. Littlecott H. J., Moore G. F., Murphy S. M. Student health and well-being in secondary schools: the role of school support staff alongside teaching staff. *Pastoral Care in Education*, 2018, 36(4): 297–312. <http://dx.doi.org/10.1080/02643944.2018.1528624>
21. MacDonald F. J., Bottrell D, Johnson B. Socially transformative wellbeing practices in flexible learning environments: invoking an education of hope. *Health Education Journal*, 2019, 78(4): 377–387. <http://dx.doi.org/10.1177/0017896918777005>
22. McGill C. M., Ali M., Barton D. Skills and competencies for effective academic advising and personal tutoring. *Front. Educ.*, 2020, 5. <https://doi.org/10.3389/feduc.2020.00135>
23. Rospigliosi P. A. Digital transformation of education: can an online university function fully? *Interactive Learning Environments*, 2020, 28(8): 945–947. <http://dx.doi.org/10.1080/10494820.2020.1843240>
24. Schulenberg J. K., Lindhorst M. J. Advising is advising: toward defining the practice and scholarship of academic advising. *NACADA Journal*, 2008, 28(1): 43–53. <http://dx.doi.org/10.12930/0271-9517-28.1.43>
25. Yale A. T. The personal tutor – student relationship: student expectations and experiences of personal tutoring in higher education. *Journal of Further and Higher Education*, 2019, 43(4): 533–544. <http://dx.doi.org/10.1080/0309877x.2017.1377164>
26. Шульга И. И., Сергеева О. Н. Университетский кампус: новые возможности для организации самостоятельной работы студентов в цифровую эпоху. *Вестник педагогических инноваций*. 2022. № 1. С. 49–59. [Shulga I. I., Sergeeva O. N. University campus: new self-study opportunities in the digital era. *Journal of Pedagogical Innovations*, 2022, (1): 49–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15293/1812-9463.2201.06>
27. Шульга И. И. Педагогическая анимация: детский досуг и неформальное образование. Новосибирск: НГПУ, 2018. 158 с. [Shulga I. I. *Pedagogical animation: children's leisure and non-formal education*. Novosibirsk: NSPU, 2018, 158. (In Russ.)]

оригинальная статья

Государственно-правовой смысл Всеславянского союза при современном цивилизационном кризисе (к 200-летию Н. Я. Данилевского)

Бабурин Сергей Николаевич

Институт государства и права Российской академии наук, Россия, Москва

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

1357343@mail.ru

Поступила 17.08.2022. Принята после рецензирования 05.09.2022. Принята в печать 12.09.2022.

Аннотация: В свете мировоззренческого цивилизационного кризиса современной эпохи особую актуальность обретает моделирование новых государственно-правовых форм цивилизационного единства с использованием методов абстрагирования, анализа и синтеза, конкретно-исторического и сравнительно-правового подходов. Наблюдение за политическими и правовыми процессами позволяет строить гипотезы трансформаций современных государств. Цель – анализ возможных форм государственного единения славянских стран. На основе научного наследия Н. Я. Данилевского рассматриваются теоретико-правовые вопросы современных подходов к созданию Всеславянского союза народов и государств; анализируются цивилизационные противоречия между самими славянскими народами, между Россией и современным Западом. Аргументируется возможность трех уровней славянского единства: 1) сохранение общего народного духа славянских народов, взаимопроникновения культуры, искусства, литературы и науки славянских государств; важность славянской самоидентификации; 2) создание межгосударственной конфедерации славянских государств; 3) создание Славянской Федерации (Российского Союза), куда уже сегодня могут войти Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Сербия (при воссоединении с ней Республики Сербской). Сделан политико-правовой вывод о возможности и целесообразности государственно-правового единения славян, которое должно иметь разные уровни и формы. При имеющемся опыте конституционного и государственного строительства европейских стран важность представляет не унификация политических режимов и общественных систем, а создание международно-правового механизма согласования общеславянских интересов в Европе; сохранение традиции близости и взаимовлияния культуры и искусства, повседневного уклада и ментальности славянских народов. Создание общеславянского межгосударственного механизма согласования интересов станет стабилизирующим фактором развития всей Европы. Российский (Славянский) Союз как союзное государство возможен при гражданской консолидации и политической воле народов конкретных государств, ориентирующихся на объединение с Россией.

Ключевые слова: Н. Я. Данилевский, славяне, государство, Всеславянский союз, федерация, цивилизация, православию, Россия, Запад

Цитирование: Бабурин С. Н. Государственно-правовой смысл Всеславянского союза при современном цивилизационном кризисе (к 200-летию Н. Я. Данилевского). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 3. С. 222–228. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-222-228>

full article

State and Legal Meaning of the Pan-Slavic Union in the Crisis of Modern Civilizational: N. Ya. Danilevsky's 200th Anniversary

Sergey N. Baburin

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

1357343@mail.ru

Received 17 Aug 2022. Accepted after peer review 5 Sep 2022. Accepted for publication 12 Sep 2022.

Abstract: The current civilizational crisis of ideology makes peoples join their efforts in search for adequate responses to the challenges of the time. The modern modeling of new state and legal forms of civilizational unity uses abstraction, analysis and synthesis, as well as specific historical and comparative legal approaches. Observation of political and legal processes makes it possible to hypothesize on the transformations of modern civilizational states. The present article features various possible forms of Slavic state unity. The authors used N. Ya. Danilevsky's scientific heritage to consider the theoretical

and legal issues of pan-Slavism, as well as the civilizational contradictions between various Slavic peoples and between Russia and the West. The paper introduces three prospective levels of a Pan-Slavic unity. The first one presupposes Slavic self-identification with the preservation of the common folk spirit and the interpenetration of Slavic cultures. The second level involves an interstate confederation of Slavic states. The third level is a Slavic Federation of Russia, Belarus, and Serbia. The authors believe that a legal pan-Slavic unity is possible if it maintains different levels and forms. The existing European constitutional and state-building experience proves that unified political regimes and social systems are less important than an international legal mechanism for harmonizing pan-Slavic interests in Europe. This mechanism should be aimed at preserving the traditional closeness and mutual influence of Slavic cultures, art, everyday life, and mentality. This pan-Slavic interstate mechanism could coordinate the interests and stabilize the development of Europe. The Pan-Slavic union state is possible if individual Slavic states consolidate their civil and political will on their unification with Russia.

Keywords: N. Ya. Danilevsky, Slavs, state, Pan-Slavic union, federation, civilization, orthodoxy, Russia, the West

Citation: Baburin S. N. State and Legal Meaning of the Pan-Slavic Union in the Crisis of Modern Civilizational: N. Ya. Danilevsky's 200th Anniversary. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(3): 222–228. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-222-228>

Введение

Государствование и вся теоретико-правовая наука особенно динамично развиваются в период политических противоборств и геополитических катаклизмов. Ныне пришло долгожданное время, когда высшая государственная власть России полагает важным «опираться на свои духовные ценности, на историческую традицию, на культуру нашего многонационального народа»¹. Русский традиционализм, полтора столетия боровшийся за эволюционную стратегию политического развития России, близок к мировоззренческой победе в национальном самосознании, а следовательно к ускоренному формированию условий конструирования нравственного государства [1; 2]. Возможно, именно это позволяет А. Д. Керимову утверждать, что «на смену типичному персонажу эпохи капитализма постепенно, но твердо и неотвратимо идет новый, нравственный, проникнутый возвышенными чувствами, идеалами и устремлениями, пассионарный человек» [3, с. 107].

В 1869 г. выдающийся русский мыслитель Н. Я. Данилевский в фундаментальном труде «Россия и Европа» не только впервые в социальных науках дал анализ цивилизационных моделей человеческого общества (культурно-исторических типов общественного развития), но и предложил ряд практических решений, позволяющих избежать кризиса и столкновения цивилизаций. Одним из таких конкретных государственно-правовых проектов Н. Я. Данилевского было создание Всеславянского союза [4, с. 397–434]. Конечно, то был проект геополитический, общеевропейский, цивилизационный. Представляется, что сегодня назрела необходимость задуматься над этими идеями Н. Я. Данилевского и их возможными современными воплощениями.

1. Попытки государственно-правового единения славянских народов в XX в.

Н. Я. Данилевский убежденно и категорически утверждал: «Для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгар (желал бы прибавить и поляка), – после Бога и Его святой Церкви, – идея славянства должна быть выше идею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага» [4, с. 127]. Таковы были геополитические мечты русских славянофилов XIX в.

Что на сегодняшний день представляет из себя Славянский мир? Он включает около 350 млн человек в основном православного вероисповедания, проживающих преимущественно в 13 суверенных государствах². Часто говорят о дунайской колыбели славян [5, с. 71], но культурологические и лингвистические изыскания позволили Н. И. Кикешеву утверждать, что ядром славянской цивилизации являются поляне и поляки [6, с. 185]. В любом случае по языковому признаку современные славяне ныне образуют три группы.

Западные славяне – современные поляки, чехи, словаки, силезцы, моравы, кашубы, лужичане (лужицкие сербы) – стали частью цивилизации Запада, лишь на период 1945–1989 гг. попав в зону Русского мира по результатам Потсдамских договоренностей 1945 г.

Южные славяне условно делятся на юго-восточную (болгары, македонские славяне или македонцы) и юго-западную (сербы, хорваты, боснийцы, черногорцы, словенцы) группы. Как наследие многовекового нахождения в составе Османской империи выступает наличие значительной группы славян-мусульман. Религиозный водораздел фактически оторвал от Славяно-православного мира хорватов, сделав их принадлежностью католического Запада, хотя по языку и этническому происхождению они являются одним целым с сербами.

¹ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». 21.10.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 08.08.2022).

² Славяне. *Славянская энциклопедия*, гл. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2021. Т. 3. С. 229–249.

Восточные славяне, создавшие Московское царство, а затем Российскую империю, переживают после разрушения в 1991 г. СССР кризис национального самосознания, который включает в себя, с одной стороны, попытку восстановить русский народ как природную общность великорусов (великороссов), русин, малороссов (украинцев, полешуков), галичан (покутян, бойков и др.), белорусов³, а с другой – реальное государственное размежевание между Российской Федерацией, Белоруссией и Украиной, завершившееся необходимостью проведения в 2022 г. Россией военной операции на Украине в целях ее денацификации и демилитаризации. Тем не менее процессы послесоветской евразийской интеграции при лидерстве РФ и российско-белорусского Союзного государства могут быть отнесены к зарождению Российского, а то и Всеславянского Союза.

В XX в. имели место попытки собрать юго-западных славян в единое государство. По итогам Первой мировой войны было сконструировано Королевство сербов, хорватов и словенцев, переименованное 4 октября 1929 г. в Королевство Югославию, просуществовавшее до оккупации Югославии Германией в 1941 г. Однако уже в период между мировыми войнами хорваты стали активно выступать против своего нахождения в одном государстве с православными славянами, что привело при поддержке Германии к существованию в 1941–1945 гг. Независимого государства Хорватии. Более того, зверства усташей – членов хорватской националистической клерикальной организации – над православными сербами затмили собой по жестокости что-либо подобное, проведя между православными сербами и сербами-католиками (хорватами) глубинный духовный водораздел.

Вторая попытка государственно-правового объединения южных славян была предпринята в 1945–1992 гг. и связана с созданием социалистической Югославии. И вновь при поддержке Германии, вопреки международному праву признавшей в 1992 г. независимость Словении и Хорватии, находившихся официально в составе Социалистической Федеративной Республики Югославии, единство южных славян было разрушено. После кровопролитных военных столкновений на месте Югославии остались самостоятельные государства. С. Милошевичу удалось ненадолго сохранить единое сербско-черногорское государство как преемника Югославии, но после свержения президента в 2000 г. оно было поэтапно демонтировано.

Попытка создать Всеславянский союз имела место и в XX в. Инициатором попытки государственного объединения славянских народов был созданный в СССР еще в 1941 г. Всеславянский антифашистский комитет. В послевоенной Европе руководство СССР стремилось через славянское единство создать противовес гегемонии США. О необходимости создания союза славянских народов на приеме в Москве 28 марта 1945 г. в честь визита в СССР президента Чехословакии Э. Бенеша прямо сказал

И. В. Сталин. Руководитель СССР не только провозгласил за союз славянских народов, он подчеркнул: «Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий, все славяне должны быть в союзе друг с другом» [цит. по: 7, с. 527]. К сожалению, с разрывом СССР и социалистической Югославии в конце 1940-х гг. все усилия осуществить объединение были прекращены.

Для Н. Я. Данилевского было несомненно, что Россия не может быть членом европейской политической системы. «Одним существованием своим Россия уже нарушает систему европейского равновесия», – писал он [4, с. 400]. Российские славянофилы XIX в. всегда хотели, чтобы Россия перестала «жить чужим умом» [8, с. 381].

Что касается других славянских стран, то на сегодняшний день в состав ЕС и НАТО полностью или частично, искренне или через обман собственных народов вошли Польша, Чехия, Словакия, Болгария, Словения, Хорватия и даже Черногория с Северной Македонией. Основная часть западных и южных славян включена ныне в цивилизационную систему Запада. Не случайно К. Н. Леонтьев отметив, что славяне есть, а славянства нет, что славяне «могут составить лишь союз отдельных государств» [8, с. 42], даже при подчеркнутом уважении взглядов Н. Я. Данилевского на славян и культурно-исторические типы жестко написал: «Все славяне, южные и западные, именно в этом, столь дорогом для меня культурно-оригинальном смысле, суть для нас, русских, не что иное, как неизбежное политическое зло, ибо народы эти до сих пор в лице "интеллигенции" своей ничего, кроме самой пошлой и обыкновенной современной буржуазии, миру не дают» [8, с. 81]. Конечно, под впечатлением современной ему конкретной политической ситуации К. Н. Леонтьев проигнорировал духовно-нравственный фактор славянского единства и не учел культурно-историческую динамику внутреннего развития славянских народов, но его горькая оценка элит славянских государств поражает своей дальновидностью. Ныне под страшным геополитическим и цивилизационным давлением США и ЕС находятся православная Сербия и включенная на правах энтитета в состав Боснии и Герцеговины Республика Сербская.

2. Славянские государства в условиях современного цивилизационного кризиса

Мир в наши дни вступил в стадию абсолютной неопределенности. Осенью 2021 г. Президент РФ В. В. Путин охарактеризовал переживаемую нами ныне эпоху как концептуальный и цивилизационный кризис человечества. По сути, полагает президент, общество переживает «кризис подходов, принципов, определяющих само существование человека на земле, и нам все равно придется их серьезно переосмыслить. Вопрос – в какую сторону двигаться, от чего отказываться, что пересматривать или корректировать». При этом

³ Русский народ: вера и обычаи, работа и быт, будни и праздники. Этногр. энцикл., гл. ред., сост. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2013. Т. 1: А–Н. С. 10.

президентом было подчеркнуто, что «за подлинные ценности нужно побороться, отстаивая их всеми силами»⁴.

Для России и других славянских стран, их внутреннего и международно-правового развития значимо, что импонирующая российскому обществу Европа перестала быть христианской, перестала быть источником научных знаний и технологий. Отсюда принципиально значимый вывод: «Если Европа перестала быть христианской, то Россия перестала быть Европой» [9, с. 196]. Россия ответила на этот вызов конституционной реформой 2020 г. и специальной военной операцией на Украине 2022 г. Каковы же будут действия в этих условиях других славянских государств? Этническое родство и духовно-нравственная близость народов – что может быть большей подлинной ценностью, призванной объединить весь Славянский мир. Может ли эта ценность стать в современную эпоху системообразующим фактором создания Всеславянского союза?

Говоря об отправных точках сложного процесса, В. В. Путин особо выделяет возрастание важности в современном хрупком мире твердой опоры, моральной, этической, ценностной. Фактически следуя Н. Я. Данилевскому, он подчеркивает, что «ценности – это продукт культурно-исторического развития каждой нации и продукт уникальный. Взаимные переплетения народов, без сомнения, обогащают, открытость расширяет кругозор и позволяет по-иному осмыслить собственную традицию. Но этот процесс должен быть органичным и не бывает быстрым. А чуждое все равно будет отторгнуто, возможно, даже в резкой форме»⁵. Именно ценностная ориентация личности оказывает решающее значение на формирование гражданского общества [10].

Одних общих славянских корней для взаимопонимания и единства народов недостаточно. К. Н. Леонтьев, противопоставляя вслед за Н. Я. Данилевским Россию и Европу, неожиданно решил противопоставить славизм и византизм, считая последний слагаемым из нескольких религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных идей, которые воспрепятствовали творчеству самой России [8, с. 94]. Обоснованно называя моментом рождения европейской культуры воцарение Карла Великого (IX в.), означавшее разрыв с византийским наследием и становление своей цивилизации и государственности, он ошибочно видит в разрыве Европы с Византией, воспринимая лишь внешние формы, начало эпохи «многообразного и глубокого развития, объединенного в высшем духовном и государственном единстве всего или частей» [8, с. 95]. Напротив, источник русской цивилизации и культуры Г. В. Вернадский, как и другие евразийцы, видит в верности началам византийской цивилизации и культуры, которые гармонично совместились с цивилизацией и культурой степных кочевников. От последних русские восприняли «одежду и оружие, песнь и сказку, воинский строй и образ мыслей» [11, с. 354]. Именно

в византийской «ортодоксальности» России оказался заложен ее духовно-нравственный характер, ставший основой национального становления и непобедимости. А духовный монополизм католицизма, напротив, не спас Европу от секуляризма Просвещения и перерождения в цивилизацию без души и традиционных ценностей. Ошибку К. Н. Леонтьева повторяют и ныне, пытаясь по европейскому критерию оценивать иные цивилизации [12, с. 29–30].

Более прав А. Дж. Тойнби, признававший значимость национальной адаптации византийской системы духовно-нравственных ценностей к русскому национальному характеру, а также то обстоятельство, что Россия как часть общемирового незападного большинства человечества [13, с. 157] отличалась и отличается доминированием самодержавности власти и централизма в политическом режиме и народном самосознании [13, 253–254]. Поэтому, выделяя 21 человеческую цивилизацию, он отдельно рассматривал православно-христианскую в Византии и на Балканах от православно-христианской в России [14, с. 28, 66–67].

Теократический характер государства в Византии, главная цель существования которого – «нести веру Христову по всему миру, укреплять Церковь и жить по Евангелию» [15, с. 387], был унаследован Россией с укреплением в русском национальном самосознании миссии «Москва – третий Рим, а четвертому не бывать». Потому и признаем мы особую миссию Русской Православной Церкви. Дело Церкви – в том, считает патриарх Московский и всея Руси Кирилл, чтобы «спасаясь, то есть преображая свою душу, люди умели результаты этого внутреннего труда, освобождения от греха включать в ткань общественных отношений»⁶. Отсюда шлифовавшиеся веками духовность и самоотверженность народов русского цивилизационного союза, отсюда и чувство ответственности за судьбы православных славянских народов.

3. Роль нравственного фактора в государственности православных славян

Принятие христианства славянами, как восточными, южными, так и западными, имело решающее значение для национального самосохранения славян. П. Б. Струве обоснованно видел причину гибели или полного поглощения полабско-прибалтийских славян германскими племенами именно в их упорной языческой борьбе не только с германством, но и с христианством [16, с. 462]. На фоне исторической обреченности языческого консерватизма прибалтийских и полабских славян остальные славянские племена принятием христианства как славянской веры консолидировали свои этно-государственные объединения. При этом А. Б. Панченко верно подчеркивает, что «в деле сохранения национальной самобытности религия играет положительную роль, а распространение революционных и либеральных идей – отрицательную» [17, с. 124].

⁴ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» ...

⁵ Там же.

⁶ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Собрание трудов. Сер. IV. Т. 3: Слово к ближним и дальним. М.: МП РПЦ, 2018. С. 651.

Любая государственность, в том числе возможная всеславянская, предполагает совмещение многих моментов. Такие элементы государства, как территория, население, власть, не могут быть абстрактно безликими, они неизбежно предполагают существование культурно-исторически обусловленных особенностей национального организма. С. П. Карпов справедливо предостерегает против подмены исторической памяти искусственно насаждаемыми идеологиями и представлениями, которые всегда недолговечны и порождают конфликты. Общество, уверен С. П. Карпов, само понемногу берет из истории и закладывает в собственную память факты и события, определяющие основы его бытования [18, с. 12]. Конкретные обстоятельства культурно-исторического развития, органическое сплетение земного и духовного начал формируют определенную национальную культуру. Только совокупность идеалов, внутренней потребности и способности людей признать над собой некие нематериальные, абсолютные категории, то содержание, которое народность вкладывает в них, а также способы их достижения и создают, утверждает А. М. Величко, народную личность, называемую нацией [19, с. 582].

Из общности национальных идеалов следует, например, закономерность возвращения исконно русских земель в состав России при разделах Польши в XVIII в., что позволило белорусам 250 лет назад воссоединиться с русским отечеством, когда «воссоединение белорусского народа с русским спасло его от денационализации, от гонения за веру» [20, с. 53]. Единое пространство исторической или Святой Руси для восточных славян – не сказочное прошлое, а идеал духовного и территориального единения на будущее⁷.

Слишком различными были культурно-исторические пути славянских народов в XIX–XX вв., чтобы ныне могла быть реализована модель Всеславянского союза, о которой мечтал Н. Я. Данилевский. Нацию, вопреки материалистическому детерминизму, создает религиозная идея [15, с. 5; 19, с. 582]. Важный и даже решающий фактор становления национального духа и развития жизни славянских народов – религиозно-нравственная основа общества. Славяне исторически оказались разорваны двумя цивилизациями – европейской и восточно-христианской, которая после падения Константинополя как Второго Рима постепенно трансформировалась в русскую цивилизацию, в Русский мир. Отсюда и невозможен ныне Всеславянский союз, но возможно и необходимо единение восточно-христианской цивилизации в Славянском союзе православных народов.

Однако недостаточно быть славянином и исповедовать христианские ценности. Нужно, чтобы в самом обществе была искренняя, а не фиктивная поддержка этим ценностям. Как указывал сербский патриарх Павел: «Важно высказать веру свою на словах, когда представятся случай и время, но нужно подтвердить ее и делами своими, а для этого – всегда случай и время»⁸.

Н. Я. Данилевский видел смысл Всеславянского союза для России в возможности обрести достойное ее и славянства место в истории, заняв в особой, самостоятельной системе государств позицию лидера, способного быть противовесом эгоистическим интересам Европы [4, с. 402]. Ныне государственное и политическое развитие позволяют говорить о закономерности славянской межгосударственной интеграции, о нескольких ее уровнях.

4. Возможные уровни славянского единства

Еще в 1999 г. президент Союзной Республики Югославии С. Милошевич официально обратился к России с просьбой принять Югославию в Союз Беларуси и России. Отказ РФ, доведенный до югославской стороны секретным письмом президента РФ Б. Н. Ельцина, перечеркнул эту возможность. Представляется, что пришло время вернуться к идее С. Милошевича, дать ей новый исторический шанс.

Первый уровень славянского единства – это сохранение общего народного духа славянских народов, взаимопроникновения культуры, искусства, литературы и науки славянских государств. Подобно тому, как национальная идентичность является формой социальной жизни, а единство нации нуждается во внутреннем отождествлении личности с соответствующей нацией [21, с. 74], так и принадлежность к Славянскому миру предполагает славянскую самоидентификацию, общность основ ориентированного на идею справедливости правосознания, т. е. «систему правовых чувств, эмоций, идей, взглядов, оценок, установок, представлений ...выражающих отношение человека как к действующему праву, своим правам и свободам, ... так и к другим желаемым правовым явлениям» [22, с. 208].

Второй уровень – создание межгосударственного конфедеративного Союза славянских государств, т. е. современный уровень Всеславянского союза, который может для начала быть международной организацией, аналогичной Лиге арабских государств, Организации исламского сотрудничества или Содружеству Независимых Государств. Славянская общность способна стать в Европе той конвергентной пограничной цивилизацией, которая обеспечит стабилизацию и устойчивое развитие Европы и мира. И не страшно, если при этом «тело» цивилизации может быть как бы разорвано, сила ее – в духовно-культурной энергетике, а не в территории [12, с. 31]. В этом и есть интеграционный смысл русского цивилизационного подхода, вклад России в проект нового мироустройства.

Следует подчеркнуть убеждение Н. Я. Данилевского, что во Всеславянский союз должны войти и все те неславянские народы (греки, румыны, венгры), которых «неразрывно, на горе и радость, связала с нами историческая судьба, втиснув их в славянское тело» [4, с. 363]. Как показал XX в., подобная «всеславянская федерация» почти в тех границах, которые определял Н. Я. Данилевский, была создана как Организация

⁷ Там же. С. 649, 651.

⁸ Патриарх Павел. Пешком в вечность: избр. проповеди. Интервью, сост. Й. Србуль. М.: Сретенский монастырь, 2015. С. 31.

Варшавского договора и вполне успешно существовала несколько десятилетий. Она существовала бы и дальше, если не была бы разрушена действиями цивилизационных изменников из Москвы во главе с президентом СССР.

Третий возможный уровень славянского единства – создание Славянской Федерации (Союза) как современного союзного государства, куда уже сегодня могут войти Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Сербия (при воссоединении с ней Республики Сербской). Потребуется сложный процесс трансформации международно-правовых отношений стран, готовых участвовать в таком проекте, в механизмы интеграционного конституционализма, при том, что стремление к славянскому единству не должно разрушить сложившийся за века в России славяно-тюркский цивилизационный союз, имеющий под собой православную основу [23; 24, с. 193–201]. В идеале пора создавать широкий Российский Союз как союзное (федеративное) государство славянских и единых с ними народов. Не следует вслед за неолиберальными теоретиками (впрочем, эту ошибку повторяет и далекий от них Н. И. Кикешев) отвергать понятие *империя* применительно к русскому государству, сводя понимание империи к эксплуатации центром народов периферии [7, с. 9]. Империя в своей сущности (а не в терминологии) есть скрепленное общностью мировосприятия цивилизационное единство этнически разных народов. Так Россия вслед за Римской, Византийской и Монгольской империями соединила в себе средиземноморский «земледельчески-морской очаг цивилизации» со степной культурой кочевников [11, с. 355].

При Н. Я. Данилевском Всеславянский союз был страшен в Европе потенциальным всемирным владычеством славян во главе с Россией (панславизмом запугивали), но тогда не было ни США, ни ЕС, ни претендующих на глобальную власть транснациональных корпораций, пытающихся ныне уничтожить само понятие государственной территориальной суверенности [25, с. 61]. Обстоятельный анализ проектов федерации славянских народов дал Ю. Л. Шульженко, подчеркнувший, что при живучести идеи славянского государственного единства наблюдается сужение того общего, что было характерно для всех славянских

государств [26, с. 63–77]. Ныне принципиально изменилась международная ситуация: речь – не о борьбе соединенного славянства против соединенной Европы. Как и мечтал Н. Я. Данилевский, Всеславянский союз в современных международных отношениях призван стать «основанием истинного всемирного равновесия» [4, с. 424]. На разных уровнях государственно-правового строительства славянское единение может и должно иметь разные формы творческого развития.

Заключение

При сложности отношений между государствами, созданными славянскими народами, их государственно-правовое единение возможно и целесообразно. Оно может иметь разные уровни и формы. При этом важна не унификация политических режимов и общественных систем, а сохранение традиции взаимодействия культуры и искусства, повседневного уклада и ментальности славянских народов. Интеграционный конституционализм важен для цивилизационно единых народов, но с учетом сложившихся за века различных культурно-исторических векторов развития западных славян и славян восточных и южных важно попытаться продуманно сконструировать международно-правовую модель обсуждения общеславянских дел и согласования общеславянских интересов, что станет стабилизирующим фактором развития всей Европы, поможет смягчить отдельные аспекты противостояния Запада и России. Всеславянская конфедерация государств может быть аналогична Лиге арабских государств. Создание же Российского (Славянского) Союза как союзного государства возможно при гражданской консолидации и политической воле народов конкретных государств, ориентирующихся на объединение с Россией.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Бабурин С. Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма. М.: Норма, 2020. 536 с. [Baburin S. N. *The moral state: Russian view on the values of constitutionalism*. Moscow: Norma, 2020, 536. (In Russ.)]
2. Бабурин С. Н. Нравственное государство как политико-правовая идея, время которой пришло. *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2021. № 1. С. 14–20. [Baburin S. N. A moral state as a political and legal idea, the time of which has come. *Mezhdunarodnyi zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava*, 2021, (1): 14–20. (In Russ.)] URL: <https://histrf.ru/magazine/article/nravstvennoe-gosudarstvo-kak-politiko-pravovaya-ideya-vremya-kotoroy-prishlo>
3. Керимов А. Д. Нравственность, государство, капитализм: размышления о теории нравственного государства С. Н. Бабурина. *Государство и право*. 2022. № 1. С. 98–109. [Kerimov A. D. Morality, state, capitalism: reflections on the theory of the moral state of S. N. Baburin. *Gosudarstvo i pravo*, 2022, (1): 98–109. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S102694520018439-3>
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с. [Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe*. Moscow: Kniga, 1991, 574. (In Russ.)]
5. Тулаев П. В. Русь, славяне и их соседи в древности. М.: Вече, 2019. 560 с. [Tulaev P. V. *Russia, Slavs, and their neighbors in antiquity*. Moscow: Veche, 2019, 560. (In Russ.)]

6. Кикешев Н. И. История Евразии. Истоки. Гипотезы. Открытия. Т. 1: Сибирь – дом человечества. М.: ИМЦ, 2018. 580 с. [Kikeshev N. I. *History of Eurasia. Origins. Hypotheses. Discoveries. Vol. 1: Siberia is the cradle of mankind*. Moscow: IWC, 2018, 580. (In Russ.)]
7. Кикешев Н. И. Славянская идеология. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 704 с. [Kikeshev N. I. *Slavic ideology*. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2014, 704. (In Russ.)]
8. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М.: Республика, 1996. 798 с. [Leontiev K. N. *East, Russia, and the Slavs: philosophical and political journalism. Spiritual Prose (1872–1891)*. Moscow: Respublika, 1996, 798. (In Russ.)]
9. Гиренок Ф. И. Россия и Европа: что изменилось после Данилевского? *Тетради по консерватизму*. 2020. № 3. С. 195–198. [Girenok F. I. *Russia and Europe: what are the changes after Danilevsky? Essays on conservatism*, 2020, (3): 195–198. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2020-0-3-195-198>
10. Бляхман Б. Я. Гражданское общество: основные критерии формирования и функционирования. Кемерово: Кузбасс, 2005. 552 с. [Blyakhman B. Ya. *Civil society: the main criteria for the formation and functioning*. Kemerovo: Kuzbass, 2005, 552. (In Russ.)]
11. Вернадский Г. В. Монгольское иго в русской истории. *Основы евразийства*, сост. Н. Агамалян и др. М.: Арктогея-Центр, 2002. С. 351–362. [Vernadsky G. V. *The Mongolian Yoke in Russian history. Fundamentals of Eurasianism*. Comps. Agamalyan N. et al. Moscow: Arktogeia-Tsentr, 2002, 351–362. (In Russ.)]
12. Коваль Б. И., Семёнов С. И. Цивилизационная идентификация России и ибероамериканские параллели. М.: ИЛА РАН, 1998. 70 с. [Koval B. I., Semenov S. I. *Civilizational identification of Russia and Iberian American parallels*. Moscow: ILA RAS, 1998, 70. (In Russ.)]
13. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ; Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. 318 с. [Toynbee A. J. *Civilization on trial. The world and the West*. Moscow: AST; Astrel; Vladimir: VKT, 2011, 318. (In Russ.)]
14. Тойнби А. Дж. Постижение истории: сборник. М.: Прогресс; Культура, 1996. 607 с. [Toynbee A. J. *A study of history*. Moscow: Progress; Kultura, 1996, 607. (In Russ.)]
15. Величко А. М. Божественный лик Византии. М.: Вече, 2020. 640 с. [Velichko A. M. *The divine face of Byzantium*. Moscow: Veche, 2020, 640. (In Russ.)]
16. Струве П. В. *Patriotica: политика, культура, религия, социализм*. М.: Республика, 1997. 527 с. [Struve P. V. *Patriotica: politics, culture, religion, and socialism*. Moscow: Respublika, 1997, 527. (In Russ.)]
17. Панченко А. Б. Наднационализм в эпоху национализма: цивилизационный подход от Н. Я. Данилевского до В. И. Ламанского. *Тетради по консерватизму*. 2020. № 3. С. 121–134. [Panchenko A. B. *Supranationalism in the era of nationalism: civilizational approach from N. Ya. Danilevsky to V. I. Lamansky. Essays on conservatism*, 2020, (3): 121–134. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2020-0-3-121-134>
18. Карпов С. П. Размышления о понимании истории и проблемах исторического образования. М.: РАН, 2019. 48 с. [Karpov S. P. *Reflections on history and historical education issues*. Moscow: Russian Academy of Science, 2019, 48. (In Russ.)]
19. Величко А. М. Церковь и политический идеал. М.: Вече, 2020. 688 с. [Velichko A. M. *Church and political ideal*. Moscow: Veche, 2020, 688. (In Russ.)]
20. Кожевников Ф. И. Русское государство и международное право (до XX века). М.: Зерцало, 2014. 312 с. [Kozhevnikov F. I. *Pre-20th century Russian state and international law*. Moscow: Zertsalo, 2014, 312. (In Russ.)]
21. Рагимов И. М., Бабурин С. Н., Голик Ю. В., Дук Ю. И., Коробеев А. И. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад. СПб.: Юридический центр-Академия, 2019. 344 с. [Ragimov I. M., Baburin S. N., Golik Yu. V., Duk Yu. I., Korobeev A. I. *Modern state in the era of global transformations: analytical report*. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr-Akademiia, 2019, 344. (In Russ.)]
22. Захарцев С. И. Право: новые идеи и прочтения. М.: Юрлитинформ, 2021. 440 с. [Zakhartsev S. I. *Law: new ideas and readings*. Moscow: Iurlitinform, 2021, 440. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/NP.453>
23. Бабурин С. Н. Россия между Римом и Цинь: о духовно-нравственной трансформации государств. *Труды Института государства и права РАН*. 2022. Т. 17. № 1. С. 57–76. [Baburin S. N. *Russia between Rome and Qin: on the spiritual and moral transformation of states. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 2022, 17(1): 57–76. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-1-baburin>
24. Бабурин С. Н. Интеграционный конституционализм. М.: Норма; ИНФРА-М, 2022. 264 с. [Baburin S. N. *The proto-Slavic basis of the Slavic-Turkic civilizational union. Integration constitutionalism*. Moscow: Norma; INFRA-M, 2022, 264. (In Russ.)]
25. Багдасарян В. Э. Матрицы общественного сознания. М.: Наше завтра, 2021. 416 с. [Bagdasaryan V. E. *Matrix of public consciousness*. Moscow: Nashe zavtra, 2021, 416. (In Russ.)]
26. Шульженко Ю. Л. Из истории федерации в России (монархический период). М.: ИГП РАН, 2005. 175 с. [Shulzhenko Yu. L. *From the history of the federation in Russia: the monarchic period*. Moscow: ISL RAS, 2005, 175. (In Russ.)]

оригинальная статья

О некоторых проблемах квалификации правомерного причинения вреда при экоделикте

Переладов Андрей Викторович

Коллегия адвокатов «Регионсервис», Россия, Кемерово

pereladov@regionservice.com

Поступила 21.07.2022. Принята после рецензирования 12.08.2022. Принята в печать 12.09.2022.

Аннотация: Исследуются вопросы, связанные с негативным воздействием на окружающую природную среду при разрешенном природопользовании, когда у природопользователя есть разрешение на управление природными ресурсами и проект строительства, прошедший процедуру согласования государственной экологической экспертизой. Цель – установить возможность квалификации действий природопользователя в рамках его разрешенной деятельности как правомерного причинения вреда окружающей природной среде. Выявлены несправедливость и неприемлемость сформировавшихся в правоприменительной практике подходов по возложению на всякого природопользователя ответственности за вред, причиненный окружающей среде в процессе осуществления разрешенной хозяйственной деятельности. В сравнительно-правовом аспекте обоснован инквизиционный характер подходов в отечественном правоприменении, противоречащий современным правовым гарантиям обеспечения функционирования бизнеса, характерным для зарубежных правовых порядков. Отмечено несправедливое распределение бремени доказывания и установление де-факто не предусмотренных законом правовых презумпций в отношениях из экологических деликтов. Для установления справедливой ответственности причинителя вреда при рассмотрении дел об экологических деликтах необходимо учитывать факт выдачи государственными контролирующими органами разрешения на недропользование, поскольку такой акт допускает ухудшения состояния окружающей среды. Сформулированы критерии правомерного причинения вреда и факторы, которые должны влиять на размер ответственности природопользователя в связи с причинением вреда окружающей среде.

Ключевые слова: правомерное причинение вреда, экологические правоотношения, экологический деликт, возмещение вреда окружающей среде, принцип справедливости, экологическая ответственность, презумпция экологической опасности

Цитирование: Переладов А. В. О некоторых проблемах квалификации правомерного причинения вреда при экоделикте. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 3. С. 229–241. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-229-241>

full article

On Some Problems of Qualification of Lawful Infliction of Harm in Case of Environmental Tort

Andrey V. Pereladov

Bar Association "RegionServis", Russia, Kemerovo

pereladov@regionservice.com

Received 21 Jul 2022. Accepted after peer review 12 Aug 2022. Accepted for publication 12 Sep 2022.

Abstract: The issues related to the negative impact on the environment with the permitted use of natural resources, when the user of natural resources has a permit for nature use and a construction project that has passed the procedure for agreeing on the state environmental review, are being investigated. The purpose of the paper is to establish the possibility of qualifying the actions of a nature user within the framework of his permitted activities as lawful infliction of harm to the natural environment. The injustice and unacceptability of the approaches formed in law enforcement practice on imposing responsibility on any user of nature for harm caused to the environment in the process of carrying out permitted economic activities is revealed. In the comparative legal aspect, the inquisitorial nature of approaches in domestic law enforcement is substantiated, which contradicts modern legal guarantees for ensuring the functioning of business, which are characteristic of foreign legal orders. There is an unfair distribution of the burden of proof and the establishment of de facto legal presumptions not provided for by law in relations from environmental torts. In order to establish the fair liability of the tortfeasor, when considering cases

of environmental torts, it is necessary to take into account the fact that state regulatory authorities have issued a permit for subsoil use, because such an act authorizes the use of natural resources and, accordingly, allows for environmental degradation. In the article, the author formulates the criteria for lawful infliction of harm and factors that should affect the amount of liability of the nature user in connection with causing harm to the environment.

Keywords: lawful infliction of harm, environmental legal relations, environmental tort, compensation for environmental damage, the principle of justice, environmental responsibility, presumption of environmental danger

Citation: Pereladov A. V. On Some Problems of Qualification of Lawful Infliction of Harm in Case of Environmental Tort. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(3): 229–241. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-229-241>

Введение

Природопользователь получает разрешение на пользование природным ресурсом – лицензию на пользование недрами. Добросовестно подготавливает проект строительства или разработки месторождения, проходит стадию Главгосэкспертизы России, получает положительное заключение. Затем приступает к недропользованию и, например, размещает на земельном участке горные породы или снимает плодородный слой почвы, т.е. осуществляет те действия, которые предусмотрены проектной документацией. Появляется контролирующий в сфере экологического (земельного) контроля орган и квалифицирует действия природопользователя как причинение вреда почвам¹. Далее следует расчет размера вреда, причиненного почвам²; предъявляется претензия, а затем и иск о возмещении вреда.

Главной проблемой, предлагаемой к исследованию в настоящей статье, является обязательность наличия в действиях природопользователя такого признака состава причинения вреда окружающей среде, как противоправность, обозначенного в ст. 1 закона «Об охране окружающей среды» (далее – Закон № 7-ФЗ)³. В рамках настоящей статьи как тождественное категории причинения вреда окружающей среде мы будем использовать понятие *экоделикт*.

Критерии правомерного причинения вреда окружающей среде

Вред окружающей среде, согласно ст. 1 Закона № 7-ФЗ, – это «негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов». По общему правилу вред, причиненный неправомерным, противоправным действием, является одним из элементов состава правонарушения. Но в приведенной дефиниции эковреда критерия противоправности – главной характеристики неправомерного поведения

и его объективной стороны – нет. Хотя в иных отраслях публичного права (например, в уголовном праве) противоправность как признак объективной стороны четко определена.

В Законе № 7-ФЗ отсутствуют нормы, устанавливающие признак противоправности действий, повлекших причинение вреда. Более того, легально не раскрыты также понятия ненадлежащего и незаконного природопользования, которые могли бы учитываться при определении: 1) признаков правомерного поведения лица, имеющего разрешение пользоваться компонентами окружающей среды в своей предпринимательской деятельности, но нарушающего условия такого разрешения; 2) действий лица, использующего такие компоненты без всякого разрешения, причиняющих вред экологии.

Правомерное действие – это волевое поведение лица, которое соответствует правовым предписаниям и согласуется с содержанием прав и обязанностей субъектов [1, с. 344]. Применительно к правоотношениям природопользования правомерное поведение природопользователя не только соответствует правовым предписаниям, но и разрешается государством, в том числе в рамках административно-правовой процедуры согласования физических параметров (нормативов) природопользования. Наделение природопользователя правом на вовлечение в оборот компонентов окружающей среды преследует выполнение публичных задач. Государство в этом правоотношении имеет свой публичный интерес. Причем разрешение на природопользование предполагает, что его обладатель имеет исключительное право на природный компонент, заключающееся в возможности не только не допускать всех прочих лиц к пользованию природным ресурсом, но также требовать не препятствовать ему в осуществлении своих прав и исполнении обязанностей, связанных с использованием такими ресурсами, в т. ч. недрами⁴.

¹ О федеральном государственном земельном контроле (надзоре). Постановление Правительства РФ № 1081 от 30.06.2021. СЗ РФ. 2021. № 28. Ч. 1. Ст. 5511.

² Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды. Приказ Минприроды России № 238 от 08.07.2010. *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти*. 04.10.2010. № 40.

³ Об охране окружающей среды. ФЗ № 7-ФЗ от 10.01.2002. СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Кирпичный» и гражданина Халенкова Артура Васильевича на нарушение конституционных прав и свобод частью четвертой ст. 7 Закона РФ «О недрах». Определение КС РФ № 1314-О от 24.06.2014. СПС КонсультантПлюс.

Какое действие тогда должно быть запрещено как неправомерное? Конечно, действие противоправное, т.е. волевое, не соответствующее правовым предписаниям, нарушающее права иных лиц, противоречащее возложенным на лиц юридическим обязанностям, причиняющее вред [1, с. 348–349]. В приведенной выше дефиниции экологического вреда нет ни признака противоправности, ни его критериев. Но без правонарушения не должно быть юридической ответственности, и для квалификации правонарушения нужен его состав, включающий противоправность деяния.

При таком обозначении экологического вреда и состава экоделикта система доказывания последнего выглядит усеченной и противоречивой: противоправные действия природопользователя являются таковыми, поскольку они причинили вред окружающей среде. Налицо существование доказательственной презумпции, возможность опровержения которой на практике является иллюзорной. Самостоятельного определения противоправности деяния, причиняющего вред окружающей среде, отрасль экологического права не содержит, и это является ее существенным пробелом.

Для понимания свойств выявленного пробела целесообразно остановиться на его природе и видах. Общетеоретическое понятие *пробел в праве* является малоисследованным в отечественной науке. В теории права отмечается, что пробел в праве – это полное или частичное отсутствие правового регулирования конкретного вида общественных отношений в определенной сфере, которое можно регулировать нормами права и которое объективно требует такого регулирования [2, с. 3]. Природа пробелов в науке объясняется по-разному. Самой распространенной причиной правовых пробелов принято считать «появление новых отношений, не предусмотренных этим правовым актом», существование которых разработчики нормативных актов не смогли предвосхитить [3, с. 10]. Однако вряд ли экоделикты можно отнести к ранее не существовавшим правоотношениям в экологическом праве, тем более при наличии в том же Законе № 7-ФЗ дефиниции эковреда и норм о его взыскании, выделенных в отдельную главу 14.

В отечественной науке исследователями проблемы правовых пробелов предлагалась их следующая квалификация. Так, В. В. Лазарев и С. В. Липень отмечали, что пробел существует «в виде полного отсутствия какого-либо регулирования вопроса и в виде неполноты имеющегося регулирования» [4, с. 286]. Другие ученые выделяли группы пробелов в праве по критерию наличия / отсутствия умысла (преднамеренности) законодателя (правотворца) в появлении пробела [3, с. 10]. Эта квалификация кажется нам наиболее применимой к рассматриваемой проблеме.

Выявление политико-правовых причин сохранения указанного пробела не входит в задачи настоящей статьи. Однако есть все основания полагать, что существующий почти 20 лет пробел в дефиниции противоправного поведения природопользователя, причиняющего вред окружающей среде, восполняемый только противоречивой судебной практикой, «зачем-то нужен» отечественному правопорядку. Подтверждает эту гипотезу и современная практика разрешения требований из экологических деликтов, все чаще отдающая приоритет денежной форме взыскания убытков за вред окружающей среде по отношению к возмещению вреда в натуре (пункты 12, 13)⁵. А с учетом последних изменений в Законе № 7-ФЗ, касающихся производственных объектов накопленного вреда⁶, можно говорить о глобальной монетизации в отношении возмещения вреда окружающей среде и о второстепенности возмещения вреда в натуре. Указанные особенности не укладываются в тенденцию экологизации российского права, которую изучают отечественные ученые-экологи [5].

Пробел правового регулирования признаков противоправности действий экоделиквента отраслевой: он может и должен быть восполнен нормами Конституции России, которая пробелов не содержит. Обратное противоречило бы субституциональной природе ее норм, норм-принципов. К сожалению, складывающаяся правоприменительная практика в сфере экологии, в том числе и Конституционного Суда РФ, оставляет зиять вакуумом недоурегуированности и коллизионности этот пробел. И такую категорию, как вред, причиненный правомерными действиями, отрасль экологического права просто «не замечает»: примеры отказа в привлечении к ответственности за правомерные, разрешенные действия в сфере экологии встречаются в единичных случаях⁷. Хотя правильнее, наверное, будет сказать не «не замечает», а «отрицает», т.к. правоприменительная практика не ориентирована на установление правомерности поведения природопользователя, на выявление степени общественной опасности его правомерного и (или) неправомерного природопользования, осуществленного с имеющимся разрешением или самоуправно. Эта проблема обуславливает и отсутствие объективной (прогрессивной) шкалы размера ответственности экоделиквента, и нежелание надзорных органов выявлять и фиксировать в том числе смягчающие обстоятельства.

Существующий пробел частично восполняется применением институтов ответственности из иных отраслей права, преимущественно из гражданского права, что не является исключительно отечественной традицией (далее будут приведены примеры такого же заимствования в европейском правопорядке). Вместе с тем указанный процесс приводит

⁵ Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом ВС РФ 24.06.2022 г.). СПС КонсультантПлюс.

⁶ О внесении изменений в ФЗ «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты РФ. ФЗ № 446-ФЗ от 30.12.2021. СЗ РФ. 2022. № 1. Ч. 1. Ст. 15.

⁷ См., например: Решение Арбитражного суда Свердловской области от 14.12.2020 по делу № А60-37616/2018. СПС КонсультантПлюс.

к ослаблению ценности отраслевого экологического понимания вреда окружающей среды, подмене элементов его состава иными юридическими категориями.

Ряд отечественных ученых-экологов и ранее отмечали негативную тенденцию заимствования отрасли экологического права терминов, ею не раскрываемых, в ней не институционализированных, а потому толкуемых правоприменителями во всех немыслимых вариациях [6]. Термины *потенциальная экологическая опасность* или *экологическая безопасность*, которые часто применяются для обнаружения признаков противоправного деяния природопользователя, не имеют при этом четкого регулирования [7, с. 3, 5]. Негативное последствие указанного пробела – фактическое исключение института правомерного причинения вреда окружающей среде. Его обозначение как абстрактных правил учета издержек экоделиквента на восстановление природных объектов (п. 2.1 ст. 78 ФЗ № 7-ФЗ) критериям ясности не удовлетворяет.

Безальтернативное заимствование экологическим правом цивилистических норм для достраивания аутентичного состава экоделикта полностью не восполняет лауну регулирования признаков противоправного поведения и правомерного причинения вреда. Указанное ожидаемо приводит к иерархическим и сложным коллизиям [8, с. 20–22]. Поскольку у экологического права недостаточно норм о правомерности и признаках неправомерного причинения вреда, а имеющиеся носят отсылочный характер, в исследуемом вопросе предполагают использование норм гражданского права, вступающих в противоречие с нормами экологического права, а иногда и с нормами ч. 1 и ч. 2 ГК РФ.

Статьи 1, 77 и 78 Закона № 7-ФЗ не только не раскрывают всех признаков состава экологического правонарушения (вина, противоправность, причинно-следственная связь, вред), но и не предусматривают их в качестве оснований для наступления ответственности, ее дифференциации, размера санкций. Норма п. 3 ст. 1064 ГК РФ, регулирующая общие основания ответственности за причинение вреда, содержит правило, что вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению только в случаях, предусмотренных законом⁸. Эта норма является бланкетной, содержащей **общее** правило, что правомерно причиненный вред не возмещается, а если и возмещается, то в особых случаях, предусмотренных законом. Содержание приведенной

нормы соответствует классическому правилу *lex specialis derogat generali* (лат. – специальный закон отменяет общий закон). Такого правила нормы экологического права не имеют, следовательно, норма ст. 1064 ГК РФ должна применяться и при экоделикте: если вред причинен правомерно, тогда в его возмещении должно быть отказано.

Нельзя не отметить, что нормы гражданского права не дают четкого ответа на вопросы, что такое правомерное причинение вреда; как должен исчисляться размер причиненного вреда; есть ли особенности его квалификации; чем они должны быть предусмотрены [9, с. 1441, 1443–1444].

Чтобы правило ст. 1064 ГК РФ применялось, в т. ч. по аналогии, необходимо, чтобы существо регулируемых правоотношений экоделикта совпадало с правовой природой правоотношений, урегулированных нормами гражданского права, и им не противоречило. Противоречие нормам гражданского права у института экоделикта имеется. Ведь правоотношения при разрешенном природопользовании основаны на договоре (в широком смысле), и нормы гл. 59 ГК РФ применимы к внедоговорным отношениям из причинения вреда.

Нормы экологического права ставят для себя неразрешимую проблему: где заканчивается публично-экономическое правоотношение возмездного природопользования – плата за негативное воздействие на окружающую среду (далее – НВОС)⁹, урегулированное нормами гл. IV Закона № 7-ФЗ, и где начинается деликтно-экологическое правоотношение, урегулированное гл. XIV указанного Закона? К тому же изменения, внесенные в п. 2 ст. 16 Закона № 7-ФЗ в 2015 г., отменили правило о невключении платы за НВОС в размер убытков за вред, причиненный окружающей среде¹⁰. В предыдущей редакции указанная норма содержала правило о том, что плата за НВОС не освобождает от возмещения вреда окружающей среде. Данное правило также воспроизведено в некоторых методиках возмещения вреда компонентам окружающей среды, например, в п. 12 Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства¹¹. А в п. 6 Методики исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху, прямо указано иное: плата за НВОС не освобождает от обязанности возмещения вреда, причиненного атмосферному воздуху¹².

⁸ Абз. 2 п. 3 ст. 1064 ГК РФ также содержит еще одно основание для освобождения от ответственности – просьбу и волю потерпевшего в причинении ему вреда. Однако целью ст. 1064 ГК РФ не является раскрытие указанного основания, ниже по тексту это основание упоминается без раскрытия его деталей и особенностей применения.

⁹ По делу о проверке конституционности статьи 16 ФЗ «Об охране окружающей среды» и постановления Правительства РФ «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Тополь"». Постановление КС РФ № 5-П от 05.03.2013. *Вестник КС РФ*. 2013. № 5.

¹⁰ О внесении изменений в ФЗ «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты РФ. ФЗ № 404-ФЗ от 29.12.2015. *СЗ РФ*. 2016. № 1. Ч. 1. Ст. 24.

¹¹ Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства. Приказ Минприроды России № 87 от 13.04.2009. *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102115791&page=1&rdk=0#10 (дата обращения: 01.02.2022).

¹² Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды. Приказ Минприроды России № 59 от 28.01.2021. *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=12&nd=602024223&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=%D2%DD%D1++ (дата обращения: 01.02.2022).

Определение вреда окружающей среде, данное в ст. 1 Закона № 7-ФЗ, мало помогает в разграничении, т. к. деятельность, осуществляемая с разрешения государства, и деликт без разрешения по последствиям, описанным в указанной норме, ничем не отличаются. В итоге любое нарушение обязательств по природопользованию квалифицируется как вред, а в некоторых случаях вред квалифицируется даже при отсутствии последствий в виде деградации естественных экологических систем и истощения природных ресурсов¹³.

Правовая природа экологических деликтных правоотношений

Согласно п. 3 ст. 2 ГК РФ, нормы гражданского права не применяются к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой¹⁴.

На вопрос *Есть ли имущественная составляющая при экоделикте?* следует ответить положительно. Хотя естественные экологические системы и не являются объектами гражданского оборота, их составляющие – природные компоненты (участки недр, земельные участки и животные) – в соответствии со статьями 128, 130, 137 ГК РФ отнесены к объектам гражданских прав. Конечно, упоминаемые в ч. 1 ГК РФ в качестве объектов гражданских прав недр и земельные участки не содержат экологического наполнения. Их гражданский оборот формирует имущественный сегмент правоотношения природопользования, однако его доля и важность в целом не приоритетны, а дефиниция земельного участка (ст. 141.2 ГК РФ, вступившая в силу с 01.03.2022)¹⁵ не имеет ничего общего с комплексным содержанием понятия земли как объекта земельных отношений, данного в нормах Земельного кодекса РФ, и не содержит никакой взаимосвязи с иным институтом публично-правовой сферы земельного и природоохранного законодательства – почвой. Таким образом, отношения по использованию естественных экологических систем не являются чисто цивилистическими, имущественными, но элемент имущественного правоотношения в природопользовании, безусловно, есть.

В рассматриваемом правоотношении нет административного или иного властного подчинения как критериев, запрещающих применение норм гражданского права. Природопользователь осуществляет свою деятельность не в порядке подчинения, а в рамках обязательственного правоотношения, возникающего на основе сложного юридического состава, включающего административно-правовые акты, договор, в т.ч. лицензионное соглашение (ст. 12 Водного кодекса РФ¹⁶, ст. 72 Лесного кодекса РФ¹⁷, ст. 11 Закона РФ «О недрах»¹⁸), т. е. те юридические факты, в силу которых возникают гражданские правоотношения (ст. 8 ГК РФ).

Однако возникает вопрос: *Не будет ли применение норм п. 3 ст. 1064 ГК РФ противоречить публично-правовой природе экологических правоотношений?* Имущественные правоотношения при экоделикте, как и при самом отношении по природопользованию, акцессорны и вторичны (ст. 1064 ГК РФ; статьи 1, 77 ФЗ №7-ФЗ)¹⁹, а во главе стоят экологические нормы – нормы суперотрасли [10, с. 166; 11, с. 194], воплощающие принцип естественного права на жизнь человека как биологического вида. На вопрос *Не исключает ли это возможность применения норм ГК РФ к указанным отношениям?* мы дали положительный ответ по следующим причинам.

Во-первых, в экоделикте есть имущественная составляющая – вещь как объект причинения вреда, например земельный участок. Однако не сам земельный участок и вещное право на него страдают при экоделикте. Для экологии важна естественная экосистема, частью которой является земельный участок, и применительно к нему объектом причинения вреда является почва, обладающая свойствами, создающими экосистему²⁰. Нормы Закона № 7-ФЗ (статьи 1, 5) подлежат субсидиарному применению к имущественным отношениям, если это касается вопросов охраны, использования природных ресурсов, их сохранения и восстановления.

Во-вторых, складывающаяся судебная практика по взысканию возмещения вреда окружающей среде полностью построена на применении норм гл. 59 ГК РФ.

¹³ См., например: Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-9001/16 от 28.10.2016 по делу № А60-42700/2015; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 11.10.2012 по делу № А27-15080/2011; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа № Ф04-4865/2016 от 28.11.2016 по делу № А27-24558/2015. СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса РФ и Гражданского кодекса РФ в связи с жалобами граждан Е. Н. Беспутина, А. В. Кульбацкого и В. А. Чапанова. Постановление КС РФ № 9-П от 24.03.2017. Вестник КС РФ. 2017. № 4; По делу о проверке конституционности положения п. 1 ст. 302 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца. Постановление КС РФ № 16-П от 22.06.2017. Вестник КС РФ. 2017. № 5.

¹⁵ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ. ФЗ № 430-ФЗ от 21.12.2021. СЗ РФ. 2021. № 52. Ч. 1. Ст. 8989.

¹⁶ Водный кодекс РФ № 74-ФЗ от 03.06.2006. СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

¹⁷ Лесной кодекс РФ № 200-ФЗ от 04.12.2006. СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

¹⁸ О недрах. Закон РФ № 2395-1 от 21.02.1992. СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

¹⁹ О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде. Постановление Пленума ВС РФ № 49 от 30.11.2017. Бюллетень ВС РФ. 2018. № 2.

²⁰ Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды. Приказ Минприроды России № 238 от 08.07.2010 (ред. от 18.11.2021). Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 04.10.2010. № 40; ГОСТ 27593-88 (СТ СЭВ 5298-85). Государственный стандарт Союза ССР. Почвы. Термины и определения. Утв. и введен в действие Постановлением Госстандарта СССР № 326 от 23.02.1988. СПС КонсультантПлюс.

В-третьих, для применения нормы ст. 1064 ГК РФ важно, чтобы правило ч. 3 указанной статьи не противопоставлялось специальному правилу *lex specialis*, предусматривающему ответственность за правомерное причинение вреда. На текущий момент специальных гражданско-правовых или эколого-правовых норм, предусматривающих ответственность за правомерное причинение вреда от разрешенной деятельности по природопользованию, нет. Однако правоприменительная практика восполняет этот пробел, применяя принципы и презумпции экологического права, рассмотренные далее. На наш взгляд, правильность их применения вызывает большие сомнения.

Презумпции в сфере экоделикта

Начнем с презумпции потенциальной экологической опасности, которая на самом деле не является предположением, негативно характеризующим субъективную и объективную стороны экологического правонарушения. Ее назначение иное – определять опасность в качестве рискованного характера деятельности по природопользованию, возлагающего на участников соответствующих правоотношений дополнительные обязанности по доказыванию невозможности его наступления и приемлемости воздействия на окружающую среду от разрешенного природопользования. Правовая природа презумпции виновности, например, для цивилистики основывается на потенциальной вине причинителя вреда при наличии объективной стороны правонарушения, пока причинителем вреда или иным субъектом не доказано обратное. Ее основная цель – обеспечить справедливое возмещение потерпевшему вреда, в т.ч. за счет возложения бремени доказывания на причинителя вреда [1, с. 387]. Полагаем, что данная презумпция малоприменима к экоделикту и к проблеме противоправности деяния. Во-первых, сам потерпевший и есть лицо, разрешившее вред, а во-вторых, противоправности в действиях причинителя нет, а презумпция применяется только при наличии объективной стороны правонарушения, подразумевающей противоправность.

«Своя» экологическая презумпция – презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности (ст. 3 ФЗ № 7-ФЗ) – используется в правоприменительной практике для «замещения» признаков противоправности и виновности в действиях природопользователя²¹. Это, на наш взгляд, полностью противоречит правовой природе и задаче указанной презумпции. Более того, некоторые правоприменители высказывают мнение, что данная презумпция автоматически означает виновность лица, осуществляющего природопользование [12, с. 98].

Такой подход является в корне неверным. Указанная презумпция не предполагает квалификацию деятельности природопользователя как неправомерную. Опасная не означает противоправная, а тем более виновная. Помимо того, смысл презумпции виновности заключается в квалификации субъективной стороны правонарушений, а не в правомерности деяния. Эта природоохранная презумпция потенциальной опасности будущей деятельности призвана в первую очередь реализовывать, согласно принципу № 15 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию (далее – Декларация), предосторожный подход государства²² [13, с. 112; 14, с. 105–106] по предварительной оценке и разрешению такой деятельности на будущее, ее нормированию и мониторингу [15, с. 220; 16, с. 54; 17]. П. В. Позднякова подчеркивает, что «предприниматель не может приступить к осуществлению последней (хозяйственной деятельности – прим. автора) до тех пор, пока не будет подтверждено, что данная деятельность соответствует экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области окружающей среды» [18, с. 656]. В этом основное отличие презумпции потенциальной опасности деятельности от презумпции вреда, причиненного источником повышенной опасности [19, с. 208–209; 20, с. 92].

Проблема правомерности причинения вреда окружающей среде

Сторонники универсальности и достаточности презумпции экологической опасности забывают о столь же значимом для экологических правоотношений принципе допустимости воздействия хозяйственной и иной деятельности на природную среду с учетом требований по ее охране. Этот принцип также закреплен в ст. 3 Закона № 7-ФЗ и по своей силе не уступает презумпции потенциальной опасности хозяйственной деятельности. Существование этого принципа является логическим результатом опровержения презумпции потенциальной опасности от будущей деятельности природопользователя, принимающего на себя обязанность по обеспечению приемлемого уровня воздействия на окружающую среду, а также обязанность соблюдать условия полученного разрешения.

Презумпция потенциальной экологической опасности, предполагающая негативные последствия, но не верифицирующая их как вред, нужна государству для обязательной разрешительной процедуры природопользования²³ (статья 14, 18 ФЗ «Об экологической экспертизе»²⁴). Государство оценивает последствия такой деятельности для экологии

²¹ См.: Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции № 16-2155/2021 от 22.04.2021; Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции № 16-4099/2021 от 20.08.2021; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции № 88-18241/2021 от 05.10.2021. СПС КонсультантПлюс.

²² Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята в Рио-де-Жанейро 14.06.1992 Конференцией ООН по окружающей среде и развитию. ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 01.02.2022).

²³ Об утверждении требований к материалам оценки воздействия на окружающую среду. Приказ Минприроды России № 999 от 01.12.2020. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104210002> (дата обращения: 01.02.2022).

²⁴ Об экологической экспертизе. ФЗ № 174-ФЗ от 23.11.1995. СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.

и «свои» потери. Поэтому деятельность природопользователя допустима, но всегда обременена платностью и ограничена нормативами разрешенного воздействия. Кроме того, эта деятельность императивно обременена обязанностью осуществлять природовосстановительные мероприятия и мероприятия по сокращению НВОС, например при использовании наилучших существующих технологий²⁵. Правовым последствием согласования с государством будущей процедуры природопользования является выдача разрешения (лицензии) и получение субъектом хозяйственной деятельности статуса природопользователя. Квалификация действий природопользователя, осуществляющего деятельность в рамках такого разрешения, как противоправных исключена.

В качестве аналогии приведем пример из сферы цивилистики. Если собственник здания хочет его снести и построить на его месте новое, он понимает, что вред, причиненный старому зданию, является неотвратимым, причиняемым для блага собственника, т.е. обладает признаком полезности. Соответственно, причинение вреда имуществу в результате сноса здания является правомерным, разрешенным и необходимым для создания нового объекта. Использование источников повышенной опасности (специальной строительной техники) при строительстве не делает действия подрядчика автоматически противоправными и виновными.

Правовая природа НВОС при разрешенном природопользовании аналогична. Такое воздействие разрешено, нормировано собственником – государством, оплачено на стадии получения разрешения. Более того, негативные последствия деятельности учитываются в составе платы за НВОС²⁶. Причинение вреда, таким образом, является стадией правоотношения, после которой следует наступление позитивного результата для его участников (пп. «т» п. 23 и п. 25 гл. II, п. 40 гл. III Положения о составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию²⁷).

С целью дополнительного обоснования признаков правомерного вреда у разрешенной деятельности по природопользованию, оказывающей НВОС, исследуем нормативное регулирование вопроса деликтной ответственности в сфере экологии в зарубежных правовых системах. Прежде всего обратимся к ст. 8 Директивы № 2004/35/СЕ, регулирующей вопросы устранения ущерба окружающей среде²⁸. Согласно ч. 4 указанной статьи, руководство предприятия

не должно нести издержки по устранению ущерба. Государство, являющееся членом Европейского союза, может разрешить руководству предприятия избежать несения издержек на действия по устранению ущерба, если руководство доказывает, что оно не совершало нарушений или не допускало небрежность и что экологический ущерб возник в результате:

а) выброса или события, специально разрешенных и полностью соответствующих условиям лицензии, присуждаемой или выдаваемой по соответствующим национальным законам и регламентам, обеспечивающим выполнение законодательных мер, принятых Сообществом и указанных в Приложении III, применявшихся на дату выброса или события;

б) выброса, деятельности или какого-либо способа использования продукции в рамках деятельности руководства предприятия, не считавшихся способными быть причиной экологического ущерба по состоянию научных и технических знаний на момент произведения выброса или во время ведения деятельности.

Иными словами, разрешенная деятельность и деятельность, которая неофициально оценивалась как потенциально опасная для экологии, не могут являться основанием для их квалификации в качестве неправомерной, влекущей обязанность возмещения вреда и привлечения к ответственности. Указанный подход закреплен в принципах Европейского деликтного права, разработанных в 1992 г. Европейской группой по гражданскому праву²⁹. Так, в ч. 1 ст. 7:101 «Освобождение от ответственности в результате правомерных действий» закреплено правило освобождения причинителя вреда, действовавшего на законных основаниях (с согласия потерпевшего или в силу законного полученного разрешения), от ответственности.

Кроме того, ст. 5:101 Принципов (аналог ст. 1079 ГК РФ в российском правовом порядке), определяющая признаки деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих, вторым необходимым признаком таковой называет ее исключительность и редкость. Она не должна являться общепринятой. Этот критерий применим для устоявшихся форм природопользования, таких как недропользование, сброс сточных вод, выброс в атмосферу, для которых существуют методики расчета, стандарты строительства и эксплуатации. Все эти виды деятельности не только полу-

²⁵ Об утверждении Перечня областей применения наилучших доступных технологий. Распоряжение Правительства РФ № 2674-р от 24.12.2014. СЗ РФ. 2015. № 1. Ч. 3. Ст. 399.

²⁶ Помимо указанной выше ссылки на нормы Закона № 7-ФЗ данная обязанность является реализацией принципа международного экологического права *загрязнитель платит*. Указанный принцип, впервые сформулированный в Европейской хартии охраны окружающей среды и охране здоровья в 1989 г., реализован и в Директиве Европейского Парламента и Совета Европейского союза 2004/35/ЕС, о которой ниже пойдет речь, и в принципе № 16 Декларации.

²⁷ О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию. Постановление Правительства РФ № 87 от 16.02.2008. СЗ РФ. 2008. № 8. Ст. 744; СП 393.1325800.2018. Свод правил. Трубопроводы магистральные и промышленные для нефти и газа. Организация строительного производства. Утв. Приказом Минстроя России № 535/пр от 21.08.2018. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/817/SP-393.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).

²⁸ Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий. Директива № 2004/35/СЕ Европейского парламента и Совета Европейского Союза. *СПС КонсультантПлюс*.

²⁹ Principles of European Tort Law (PETL). Russian Version, tr. Yu. Yumashev. *European Group on Tort Law*. URL: <http://egtl.org/PETLRussian.html> (accessed 1 Feb 2022).

чают разрешение в сфере промышленной безопасности³⁰, но и являются частью экономической политики государства³¹. С этой точки зрения деятельность природопользователя не может являться неконтролируемой, неординарной и выходящей за рамки привычного хозяйственного оборота.

В Постановлении № 5-П от 05.03.2013 Конституционный Суд РФ (КС РФ) подчеркивал: поскольку природопользование **объективно** (выделено автором) влечет причинение экологического вреда, федеральный законодатель при осуществлении правового регулирования в области экологического развития (п. «е» ст. 71 Конституции РФ) наделен достаточно широкой дискрецией, что обусловлено необходимостью защиты и обеспечения таких конституционно значимых ценностей, как экологическая безопасность и здоровье граждан (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ)³². Таким образом, разрешая объективно причиняющую вред деятельность, характеристики которой для государства понятны, последнее признает эту деятельность правомерной, а причиняемый вред возмещается затратами природопользователя по уплате платежей и обязательным выполнением комплекса природоохранительных мероприятий. Такая деятельность не может обладать признаками источника повышенной опасности, влекущей объективное вменение ответственности без вины, за исключением случаев, установленных в законе. Более того, деятельность, осуществляемая в рамках специальных разрешений, лицензий, договоров на природопользование, нормативов воздействия, не может считаться неправомерной.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о возможности применения норм п. 3 ст. 1064 ГК РФ, позволяющей отказать в иске к причинителю вреда по мотивам его правомерного причинения, следует отметить не только возможность их применения, но и необходимость их применения к негативному воздействию на окружающую среду, причиненному в рамках полученного разрешения на природопользование.

К сожалению, актуальная правоприменительная практика не приемлет такой подход. Не в последнюю очередь этому способствуют «инквизиторские» нормы, фактически

приравнивающие правомерную деятельность природопользователя, имеющего специальную лицензию, и незаконную деятельность лица, причинившего вред, вообще не имеющего разрешений и не пытающегося их получить. Речь идет о п. 2 ст. 77 Закона № 7-ФЗ, предусматривающей обязанность возмещения вреда окружающей среде, причиненного деятельностью, на проект которой имеется положительное заключение государственной экологической экспертизы. Практика применения указанной нормы свидетельствует о едином, недифференцированном подходе и к примерному природопользователю, и к противоправному причинителю вреда, не различая их статус, добросовестность и игнорируя наличие у первого разрешения на природопользование с «допустимым вредом».

Примечательно, что указанная норма, несмотря на обращение в КС РФ по поводу неопределенности ее понимания для взыскания возмещения вреда окружающей среде и ее взаимосвязи с п. 3 ст. 1064 ГК РФ, так и не получила проверки соответствия конституционным принципам справедливой ответственности³³. В жалобе заявитель оспаривал конституционность норм п. 3 ст. 1064 ГК РФ и ст. 77 Закона № 7-ФЗ, прямо поставив вопрос о справедливости ответственности за правомерный вред, причиненный природопользователем на основании разрешения, данного государством. Заявителем были приведены аргументы о несправедливом уравнивании правомерных действий природопользователя, имевшего право на причинение вреда, и незаконных действий иных лиц, такого права не имеющих. Но жалоба заявителя не была принята к рассмотрению.

К сожалению, это вопиющее противоречие не является последним в наборе экологических деликатных коллизий. Согласно правовой позиции КС РФ, изложенной в Постановлении № 12-П от 02.06.2015³⁴, правило учета затрат причинителя вреда по устранению загрязнения окружающей среды при определении размера возмещаемого вреда распространяется лишь на случаи, когда лицо, неумышленно причинившее вред окружающей среде, действуя впоследствии добросовестно, до принятия в отношении него актов принудительного характера совершило за свой счет

³⁰ См., например: О промышленной безопасности опасных производственных объектов. ФЗ № 116-ФЗ от 21.07.1997. *СЗ РФ*. 1997. № 30. Ст. 3588; О лицензировании отдельных видов деятельности. ФЗ № 99-ФЗ от 04.05.2011. *СЗ РФ*. 2011. № 19. Ст. 2716.

³¹ См., например: О национальных целях развития РФ на период до 2030 года. Указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020. *СЗ РФ*. 2020. № 30. Ст. 4884; Об Основах государственной политики РФ в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу. Указ Президента РФ № 198 от 06.05.2018. *СЗ РФ*. 2018. № 20. Ст. 2815; Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития РФ до 2030 года. Распоряжение Правительства РФ № 2816-р от 06.10.2021. *СЗ РФ*. 2021. № 41. Ст. 7051; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года. Закон Кемеровской области № 122-ОЗ от 26.12.2018. *Кодекс*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550305101> (дата обращения: 01.02.2022).

³² По делу о проверке конституционности ст. 16 ФЗ «Об охране окружающей среды» и постановления Правительства РФ «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Тополь». Постановление КС РФ № 5-П от 05.03.2013. *Вестник КС РФ*. 2013. № 5.

³³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Группа "Илим"» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем седьмым ст. 3 и ст. 77 ФЗ «Об охране окружающей среды», частью первой ст. 56 ФЗ «О животном мире» и ст. 58 ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Определение КС РФ № 1197-О от 13.05.2019. *Вестник КС РФ*. 2019. № 4.

³⁴ По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 99, ч. 2 ст. 100 Лесного кодекса РФ и положений постановления Правительства РФ «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье». Постановление КС РФ № 12-П от 02.06.2015. *Вестник КС РФ*. 2015. № 4.

активные действия по реальному устранению причиненного вреда окружающей среде (ликвидации нарушения), осуществив при этом значительные материальные затраты³⁵.

Восстановим цепь рассуждений. Государство, реализуя правомочия публичного собственника природных ресурсов, разрешает природопользование, и заявитель доказывает приемлемый уровень утраты свойств экосистемы при прохождении экологической экспертизы. Использование экосистемы осуществляется на платной основе, размер платежа включает в себя компенсационную составляющую убыли качества природного ресурса. При этом КС РФ в Определении № 2287-О от 25.09.2014 отмечает различия в правовой природе денежных сумм в возмещении ущерба, причиненного вследствие нарушения законодательства, и платежей в рамках разрешенной деятельности³⁶, что предопределяет различный подход к определению принципов и порядка установления соответствующих платежей. Если природопользователь причинил вред своими неправомерными действиями, т. е. действиями, которые никто ему не разрешал, но был добросовестным после причинения вреда, тогда его действия являются позитивными, направленными на восстановление вреда, и их стоимость подлежит зачету в счет вреда, т. к. это отвечает принципам справедливости и невозможности быть дважды привлеченными за одно и то же правонарушение.

Но почему тогда **правомерные** действия природопользователя, которые были санкционированы собственником, компенсированы платой за негативное воздействие и обременены обязательством в будущем по восстановлению вреда, нанесенного естественным экосистемам, фактически приравнены к вреду, причиненному без разрешения и проекта с положительным заключением экологической экспертизы? Ведь ни в приведенных выше нормах Закона № 7-ФЗ, ни в позициях КС РФ нет даже намека на более гуманное отношение к лицу, находящемуся в обязательственных правоотношениях с государством. Ни одна методика расчета вреда, причиненного природным компонентам, не предусматривает такого подхода. Все указанные критерии добросовестного причинителя вреда есть в приводимом ранее Определении КС РФ № 225-О, судебной практике³⁷ и ряде нормативных актов (например, в пунктах 12, 13 Методики определения размера вреда, причиненного лесу)³⁸, которые суды «успешно» применяют, естественно, не в пользу экоделиктентов.

И с учетом их применения добросовестный причинитель поставлен в худшее положение, нежели ординарный недобросовестный деликвент. Среди критериев добросовестного причинителя вреда экологии, выработанных судебной практикой, первым идет отсутствие умысла на причинение вреда по мотивам получения экономической выгоды, а получение прибыли от использования природного объекта (ресурса) – это цель предпринимательской деятельности природопользователя.

Еще одно условие о незамедлительности устранения вреда также не подходит добросовестному природопользователю. Классический причинитель вреда знает, что нужно спешить устранить вред, чтобы стать добросовестным для зачета его затрат. А добросовестный природопользователь указанные затраты даже не планирует нести, т. к. государством согласован проект природовосстановительных работ. Как правило, он рассчитывается на достаточно длительный период времени для поэтапного, санкционированного и проэкспертированного процесса восстановления окружающей природной среды.

На наш взгляд, необходимо провести анализ разрешительного юридического акта, наделяющего природопользователя правом на использование естественных экологических систем, и роли в этом процессе государства. Только волевое действие государства является основанием для начала правоотношения по природопользованию. Это действие направлено на получение имущественной выгоды. Следовательно, государство является соучастником причинения вреда природе. Тогда почему ст. 16.1 ГК РФ, регулирующая вопросы компенсации вреда от правомерных действий органов государственной власти, не применяется при экоделикте, почему не рассматривается вопрос процессуального соучастия государства в экоделиктном правоотношении?

Указанная проблема негативно влияет на практику компенсации вреда окружающей среде, однако прогрессивные подходы встречаются в судебной практике³⁹, и контролирующим органам отказывается в удовлетворении требований о взыскании возмещения вреда с природопользователей. Надо признать, что не во всех случаях основаниями для отказа являются отсутствие противоправности деяния и нормы п. 3 ст. 1064 ГК РФ, а тем более отсутствие оснований для применения ст. 1079 ГК РФ. Но все же решения, по сути, верны, т. к. никакой противоправности действий и состава экоделикта нет.

³⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Монолит и К» на нарушение конституционных прав и свобод п. 3 ст. 77 и п. 1 ст. 78 ФЗ «Об охране окружающей среды». Определение КС РФ № 225-О от 09.02.2016. СПС КонсультантПлюс.

³⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воробьева Сергея Егоровича на нарушение его конституционных прав приложениями № 1 и № 3 к постановлению Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства». Определение КС РФ № 2287-О от 25.09.2014. СПС КонсультантПлюс.

³⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 304-ЭС18-11722 от 26.11.2018 по делу № А67-791/2016. СПС КонсультантПлюс.

³⁸ Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства. Постановление Правительства РФ № 1730 от 29.12.2018. СЗ РФ. 2019. № 1. Ст. 25.

³⁹ См. Судебные акты по делу № А14-26196/2018. *Картоотека арбитражных дел*. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3ecdd418-d30e-488e-9726-c18be0d2e7f3> (дата обращения: 01.02.2022).

В большинстве своем практика просто идет другим путем, без опровержения презумпций, доказывания отсутствия неправомерности действий: в предмет доказывания по делу включается лишь отсутствие вредоносных последствий. Но правовой точности проблеме правомерного вреда при природопользовании такое самоспасение не добавляет.

Критерии справедливой ответственности за экоделикт

Целостная картина справедливой ответственности за НВОС, причиненное добросовестным природопользователем, к сожалению, не выказывает тенденции преумножения палитры доверия к государству как гаранту устойчивости делового оборота в сфере природопользования⁴⁰. Неприменение нормы ст. 1064 ГК РФ о правомерном причинении вреда, позволяющей разграничить вред, причиненный недобросовестным экоделиквентом, от негативного воздействия, разрешенного государством, не обосновано ни постулатами экологического права, ни логикой применения норм гражданского права. На фоне все набирающей обороты политики устойчивого развития ESG (предусмотренной Парижским соглашением по климату, заключенным на 21 сессии Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата⁴¹), которая также является составной частью зеленого устойчивого развития общества в его глобальном, межгосударственном понимании, отечественный институт экоделикта выглядит противоречивым и ретроградным. Коммуникативная функция норм института деликтной ответственности за экологические нарушения практически атрофирована. Ответственность природопользователя непрогнозируема, случайна и несправедлива. В аспекте регламентации сопоставимых правовых институтов Европейского союза, с которыми правовая и политико-экономическая интеграция России все еще вероятна, регулирование отечественного института экоделикта абсолютно не транспарентно, что не способствует достижению правовой определенности [21, с. 313] и является рискован фактором для реализации ESG-проектов в России, осуществляемых с участием иностранных, транснациональных корпораций [22, с. 39]. Государство не просто не гарантирует отсутствие претензий к добросовестному природопользователю, размер претензий к нему никак не корректируется в зависимости от правомерности причинения вреда и иных заслуживающих внимания обстоятельств.

Вопрос правомерного эковреда и противоправности поведения природопользователя – это актуальный вопрос и для иных случаев причинения вреда окружающей среде, не связанных с фабулированным примером для настоящей статьи. Например, в ситуациях, когда снимается плодородный слой почвы при строительстве производственных зданий для сельского хозяйства, не имеющих признаков самовольной постройки, этот вред землям сельскохозяйственного назначения тоже правомерный. Именно поэтому указанные земли формально не являются сельскохозяйственными (ст. 1 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»⁴²). Тем не менее в судебной практике встречается немало примеров взыскания с природопользователей вреда, причиненного землям (почвам) сельскохозяйственного назначения⁴³.

Актуальность правомерного причинения вреда значима и для «вреда», который «причиняется» землям промышленности, хотя данная категория земель является антропогенной, технологической средой, в которой полностью отсутствуют естественные экологические системы и почвы. Формирование указанной категории земель осуществлялось не только с разрешения государства, но и им самим. С учетом этого государство должно являться главным ответчиком в спорах о компенсации вреда окружающей среде от использования объектов промышленности, хотя в российской правовой действительности даже нет органа государственной власти, который мог бы выступить от имени государства в качестве ответчика по искам о возмещении вреда, причиненного экологии. Такого полномочия нет ни у Министерства природных ресурсов России, ни у Росприроднадзора.

Сложившаяся ситуация имеет, на наш взгляд, два пути решения. Первый – это создание уникального отраслевого эколого-правового института экоделикта с регламентацией всех элементов его состава, а также смягчающих и отягчающих обстоятельств, с обязательной дифференциацией денежного и натурального способов возмещения вреда окружающей среде. Подчеркнем, что создание указанного института в любом случае должно быть подчинено правилам справедливой юридической ответственности за противоправное деяние, необходимость состава которого нужно доказать. Наказание за совершение экоделикта должно быть адекватно общественной опасности деяния, личности причинителя вреда, их деликвентному соучастию и совместному

⁴⁰ См., например: По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 102 ФЗ «О федеральном бюджете на 1998 год». Постановление КС РФ № 23-П от 17.07.1998. *Вестник КС РФ*. 1998. № 6; По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст.1 и ст. 2 ФЗ «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой. Постановление КС РФ № 8-П от 24.05.2001. *Вестник КС РФ*. 2001. № 5.

⁴¹ Подписана Российской Федерацией – см.: Об одобрении представленного МИДом России и Минприроды России Парижского соглашения, принятого 12 декабря 2015 г. Распоряжение Правительства РФ № 670-р от 14.04.2016. *СЗ РФ*. 2016. № 17. Ст. 2427.

⁴² Об обороте земель сельскохозяйственного назначения. ФЗ № 101-ФЗ от 24.07.2002. *СЗ РФ*. 2002. № 30. Ст. 3018.

⁴³ См., например: Решение Арбитражного суда Свердловской области от 14.12.2020 по делу № А60-37616/2018. *Картоoteca арбитражных дел*. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/d49e16c3-3bba-4f8a-b3d2-5fcb4b848217/dea603ab-b55e-4fd1-9cd7-4d6c225f08aa/A60-37616-2018_20201214_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 01.02.2022); Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 04.03.2021 по делу № А67-1288/2018. *Картоoteca арбитражных дел*. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/33071ad1-9383-4e78-870b-38cb1218a079/736d8f03-b5f4-42d4-a0ea-cc81c8870237/A67-1288-2018_20210310_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

вкладу в причиненный вред. При этом обязательно выявлять и учитывать отягчающие и смягчающие обстоятельства.

Представляется более реальным и эффективным второй путь – унификация норм, регулирующих экоделиктные отношения, с нормами гражданского права, регулируемыми деликтными отношениями, в части, не противоречащей постулатам экологического права и общим принципам справедливости юридической ответственности. Сложность указанного пути состоит в необходимости устранения концептуальных противоречий в понимании ответственности правомерного причинителя вреда в гражданском и экологическом праве. Представим некоторые из них.

Во-первых, если государство несет ответственность за сохранение экосистемы, это предполагает, что экосистема (природа) должна быть в наличии и функционировать. В таком случае обязательство по сохранению экосистемы не может быть делегировано государством кому-либо, и государство в нем остается, хотя непосредственное природопользование осуществляет иное лицо. Таким образом, государство также должно отвечать за вред, причиненный экосистеме.

Во-вторых, государство является не просто участником разрешительной процедуры, оно субъект, от воли которого зависит природопользование. Но исходя из обязанности по сохранению, охране окружающей среды и руководствуясь в т.ч. принципом предельности возможности экосистемы (принцип № 6 Декларации Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды⁴⁴), оно должно соблюдать баланс совокупной антропогенной нагрузки на природу. Упрощенно, оно не должно разрешать такие нормативы для природопользователей, чтобы их соблюдение не приводило к причинению вреда окружающей среде. Если такая обязанность государством не выполняется, и оно реально создает условия, когда любое воздействие причиняет вред, то такие действия государства сами по себе являются неправомерными. Добавим, что само получение разрешения на природопользование является государственной услугой (в контексте ст. 2 и иных норм ФЗ № 210-ФЗ от 27.07.2010 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»), качество и законность результата которой гарантирует (опять же) само государство.

В-третьих, регламентация гражданского деликтного правоотношения также исходит из принципа равенства сторон правоотношений. Несмотря на то что правоотношение по природопользованию и (или) сам экоделикт являются публично-правовыми категориями с учетом косвенного соучастия государства в причинении вреда посредством выдачи разрешения, такое равенство тоже должно быть предусмотрено, исходя из принципов справедливой ответственности и генеральной ответственности государства за состояние окружающей среды на его территории.

В-четвертых, принцип генерального деликта не применяется к ответственности государства в гражданском праве. Но в правоотношении с добросовестным природопользователем, имеющим разрешение, государство является одновременно лицом, отвечающим за состояние окружающей среды и дающим государственную гарантию неопределенному кругу лиц на благоприятное состояние окружающей среды; лицом, разрешающим природопользование и получающим за это плату от природопользователя. С учетом этого принцип генерального деликта для правомерного природопользователя должен быть смягчен, если сопричинитель вреда – государство, которое вообще не несет никакой ответственности. Для этих целей в Законе № 7-ФЗ необходимо сформулировать признаки правомерного причинения таким природопользователем вреда; зачет платы за НВОС в счет вреда компонентам окружающей среды; зачет затрат на восстановление окружающей среды, в т.ч. затрат, которые природопользователь осуществит в будущем.

Заключение

Главную тревогу всего происходящего в сфере экоделиктных отношений вызывает не наличие пробелов и коллизий, а стойкое нежелание государства видеть проблему правомерного вреда в экологических правоотношениях. Это лишает отрасль экологического права фундаментального принципа справедливого, а значит законного регулирования экологических правоотношений вообще и деликтных отношений в частности. Коммуникативная функция права, основанная на справедливой ответственности сторон в правоотношении, в деликтном сегменте экологического правоотношения неэффективна.

Закономерным негативным результатом такого положения является обретение отраслью экологического права свойств несправедливой и неправовой системы отношений, разрешаемых по правилу *сильный всегда прав*, где сильная сторона – только государство. Его право – это система правовых норм, дарующая государству в лице его контролирующих органов право получения платы за природопользование, предъявления исков о возмещении вреда (в т.ч. в натуре). А имущественная ответственность, размер которой все время разумный и обоснованный, – всегда для природопользователя, т.к. это его необходимые издержки по достижению великой цели сохранения окружающей среды. Полагаем, что пришло время корректировать стандарт поведения государства как стороны в публичном отношении. Своеобразный и непоименованный в законе принцип собственного понимания разумности и правомерности своего поведения, возможности признания неправомерным любого поведения природопользователя нужно дезавуировать. В противном случае это свойство экологической отрасли на благодатной почве пафоса суперотрасли станет еще более догматичным и неадекватным.

⁴⁴ Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды. Принята в Стокгольме 16.06.1972 Конференцией ООН по проблемам окружающей человека среды. ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 01.02.2022).

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. 781 с. [Alekseev S. S. *Collected works. Vol. 3: Problems of the theory of law: a course of lectures*. Moscow: Statut, 2010, 781. (In Russ.)]
2. Петров А. А., Тихонравов Е. Ю. Пробелы и коллизии в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 80 с. [Petrov A. A., Tikhonravov E. Yu. *Gaps and conflicts of law*. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2019, 80. (In Russ.)]
3. Овсепян Ж. И. Пробелы и дефекты как категории конституционного права. *Конституционное и муниципальное право*. 2007. № 15. С. 10–17. [Ovsepyan Zh. I. Gaps and defects as categories of constitutional law. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2007, (15): 10–17. (In Russ.)]
4. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. 5-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 521 с. [Lazarev V. V., Lipen S. V. *Theory of state and law*. 5th ed. Moscow: Iurait, 2019, 521. (In Russ.)]
5. Хлуденева Н. И. Механизм предотвращения и разрешения коллизий в экологическом праве. *Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды*. М.: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2014. С. 116–152. [Khludeneva N. I. Mechanisms of prevention and resolution of the collisions in the environmental law. *Defects of legal regulation of the environmental protection*. Moscow: IZAK; INFRA-M, 2014, 116–152. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/2062>
6. Боголюбов С. А. Унификация эколого-правовой терминологии. *Правотворчество в сфере экологии*. М.: Эксмо, 2010. С. 42–50. [Bogolyubov S. A. Unification of environmental and legal terminology. *Lawmaking in the ecological sphere*. Moscow: Eksmo, 2010, 42–50. (In Russ.)]
7. Боголюбов С. А. О возможностях экологического права. *Журнал российского права*. 2000. № 11. С. 3–9. [Bogolyubov S. A. On possibilities presented by environment protection law. *Journal of Russian law*, 2000, (11): 3–9. (In Russ.)]
8. Занина М. А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды). 2-е изд., перераб. и доп. М.: РАП; Волтерс Клаувер, 2010. 144 с. [Zanina M. A. *Conflicts of norms of law of equal legal force (concept, causes, types)*. 2nd ed. Moscow: Russian Academy of Justice; Volters Kluver, 2010, 144. (In Russ.)]
9. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1469 с. [Basic provisions of civil law: article-by-article commentary on articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation, ed. Karapetov A. G. Moscow: M-Logos, 2020, 1469. (In Russ.)]
10. Минина Е. Л. Нормативное закрепление принципов природоресурсного законодательства. *Журнал российского права*. 2021. Т. 25. № 6. С. 162–177. [Minina E. L. Normative consolidation of principles of natural resource legislation. *Journal of Russian law*, 2021, 25(6): 162–177. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.081>
11. Ключанова Л. Г. К вопросу о месте и значении лесного права в правовой системе Российской Федерации. *Актуальные проблемы российского права*. 2021. Т. 16. № 4. С. 193–205. [Klyukanova L. G. On place and significance of forestry law in the legal system of the Russian Federation. *Actual Problems of Russian Law*, 2021, 16(4): 193–205. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.125.4.193-205>
12. Дидык Э. М. Презумпция экологической опасности. *Экология производства*. 2021. № 11. С. 98–101. [Didyk E. M. Presumption of environmental hazard. *Ekologiya proizvodstva*, 2021, (11): 98–101. (In Russ.)]
13. Копылов М. Н. Эколого-правовые аспекты организации и проведения спортивных мероприятий. *Журнал российского права*. 2005. № 6. С. 106–116. [Kopylov M. N. Ecology and law aspects of carrying out of sports competitions. *Journal of Russian law*, 2005, (6): 106–116. (In Russ.)]
14. Шварц М. З., Володарский Д. Б. Принцип «загрязнитель платит» и юридическая ответственность хозяйствующих субъектов за неизбежный экологический вред. По мотивам Определения Конституционного Суда РФ от 13.05.2019 № 1197-О. *Закон*. 2019. № 9. С. 100–121. [Schwartz M. Z., Volodarsky D. B. Polluter pays principle and the legal responsibility of economic entities for inevitable environmental damage. *Zakon*, 2019, (9): 100–121. (In Russ.)]
15. Боголюбов С. А., Галиновская Е. А., Горохов Д. Б., Добрецов Д. Г., Золотова О. А., Игонина Н. А., Какителашвили М. М., Кичигин Н. В., Минина Е. Л., Пономарев М. В., Сиваков Д. О., Хлуденева Н. И., Шуплецова Ю. И. Правовое регулирование использования и охраны биологических ресурсов. М.: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2016. 328 с. [Bogolyubov S. A., Galinovskaya E. A., Gorokhov D. B., Dobretsov D. G., Zolotova O. A., Igonina N. A., Kakitelashvili M. M., Kichigin N. V., Minina E. L., Ponomarev M. V., Sivakov D. O., Khludeneva N. I., Shupletsova Ju. I. *Legal regulation of the use and protection of biological resources: scientific and practical guide*. Moscow: IZAK; INFRA-M, 2016, 328. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/21183>
16. Берназ А. П., Жочкина И. Н., Кичигин Н. В., Кодолова А. В., Тимакина Т. Ю., Минина Е. Л., Пономарев М. В., Солнцев А. М., Хлуденева Н. И., Шуплецова Ю. И. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». М.: ИЗиСП; Юридическая фирма Контракт, 2018. 528 с.

- [Bernaz L. P., Zhochkina I. N., Kichigin N. V., Kodolova A. V., Minina E. L., Ponomarev M. V., Timakina T. Yu., Solntsev A. M., Khludeneva N. I., Shupletsova Ju. I. *Commentaries on Russian Federal Law No. 7-FZ "On environmental protection, January 10, 2002*. Moscow: IZAK; Iuridicheskaia firma Kontrakt, 2018, 528. (In Russ.)]
17. Комментарий к Федеральному закону «Об охране окружающей среды», под общ. ред. О. Л. Дубовик. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. 560 с. [*Commentaries on Russian Federal Law "On environmental protection"*, ed. Dubovik O. L. 2nd ed. Moscow: Norma; INFRA-M, 2013, 560. (In Russ.)]
  18. Позднякова П. В. Механизм возмещения вреда как условие коммерческого использования компонентов окружающей среды. *Правоведение*. 2018. Т. 62. № 4. С. 651–670. [Pozdnyakova P. V. Compensation mechanism as a condition of commercial use of environmental components. *Pravovedenie*, 2018, 62(4): 651–670. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu25.2018.405>
  19. Булаевский Б. А. Применение презумпций в регулировании обязательств, возникающих вследствие причинения вреда. *Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений*. М: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2017. С. 185–214. [Bulaevsky B. A. Presumptions application in the obligations regulation arising from the injury. *Presumptions as means of legal protection of members of civil relations interests*. Moscow: IZAK; INFRA-M, 2017, 185–214. (In Russ.)]
  20. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Юстицинформ, 2019. 140 с. [Solomin S. K., Solomina N. G. *Compensation of damage caused by a source of increased danger*. Moscow: Iustitsinform, 2019, 140. (In Russ.)]
  21. Принципы частного права, под ред. Т. П. Подшивалова, В. В. Кваниной, М. С. Сагандыкова. М.: Проспект, 2018. 400 с. [*Principles of private law*, ed. Podshivalov T. P., Kvanina V. V., Sagandykov M. S. Moscow: Prospekt, 2018, 400. (In Russ.)]
  22. Губин Е. П. Устойчивое развитие рыночной экономики и предпринимательства: вопросы права. *Журнал российского права*. 2022. Т. 26. № 1. С. 36–46. [Gubin E. P. Sustainable development of market economy and entrepreneurship: legal issues. *Journal of Russian law*, 2022, 26(1): 36–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.004>

оригинальная статья

Правовые аспекты экспорта леса в советской и современной России: сравнительный анализ

Винниченко Олег Юрьевич

Тюменский государственный университет, Россия, Тюмень

Сахибов Карим Вахаевич

Тюменский государственный университет, Россия, Тюмень

sa.karim@yandex.ru

Поступила 26.04.2022. Принята после рецензирования 16.06.2022. Принята в печать 20.06.2022.

Аннотация: Рассмотрены правовые особенности зарождения, становления и развития лесного законодательства, а также правовые аспекты экспорта леса в Советском Союзе и современной России. На основе изучения содержания нормативно-правовых актов и исторических источников анализируется возможность заимствования исторического опыта для его применения в современной правовой реальности. Цель – выявить динамические изменения, которые привели законодательство в области лесных отношений к современному состоянию. Методология исследования включает использование междисциплинарного и системного подходов и анализ исторических источников и нормативно-правовых актов, позволивших изучить отдельные аспекты экспортной деятельности государства. Структура исследования представляет анализ дореволюционного (середина и конец XIX в.), советского и российского лесного законодательства, в особенности в области лесного экспорта. Сделан вывод, что меры, способные повлиять на экспорт леса в стране, уже существовали и успешно применялись в СССР. На данном этапе их суть заключается в ужесточении контроля, четком структурировании уполномоченных органов и введении различных ограничительных мер в лесном хозяйстве. Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования состоит в создании базы для дальнейшей работы по данной проблематике.

Ключевые слова: лесной экспорт, лесное законодательство, внешняя торговля, дореволюционное лесное законодательство, советское лесное законодательство, заградительные ограничения

Цитирование: Винниченко О. Ю., Сахибов К. В. Правовые аспекты экспорта леса в советской и современной России: сравнительный анализ. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 3. С. 242–248. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-242-248>

full article

Legal Aspects of Forest Export in Soviet and Modern Russia: Comparative Analysis

Oleg Yu. Vinnichenko

Tyumen State University, Russia, Tyumen

Karim V. Sakhibov

Tyumen State University, Russia, Tyumen

sa.karim@yandex.ru

Received 26 Apr 2022. Accepted after peer review 16 Jun 2022. Accepted for publication 20 Jun 2022.

Abstract: This article traces the history of forest legislation and timber export from the Soviet Union to this day. The author studied legal acts and historical documents to analyze the possibility of using positive historical experience in the current forest law. This analysis, as well as interdisciplinary and systematic approaches, made it possible to study certain aspects of Russian export activities. This publication represents a theoretical and practical foundation for further research that will cover pre-revolutionary, Soviet, and Russian forestry legislation in the field of timber export. The author believes that contemporary timber export needs the same methods that were applied in the Soviet Union. Their essence was in the strict control, a clear structure of authorized bodies, and various restrictive measures.

Keywords: forest export, forest legislation, foreign trade, pre-revolutionary forest legislation, Soviet forest legislation, barrier restrictions

Citation: Vinnichenko O. Yu., Sakhibov K. V. Legal Aspects of Forest Export in Soviet and Modern Russia: Comparative Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(3): 242–248. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-242-248>

Введение

Леса России, занимающие 46,6 % территории страны, составляют 20 % мирового запаса древесины. Исследователи считают сохранение лесов важной задачей России, т. к. оно оказывает влияние на экологический характер мира в целом. Важна роль государства, которое решает вопросы о присвоении лесам особого статуса, увеличении опеки, гарантирует их охрану, защиту и рациональное использование [1, с. 108]. Древесина является возобновляемым ресурсом, но нельзя злоупотреблять этим свойством. Лесовосстановление позволит соблюсти баланс между сохранением леса и использованием древесины в коммерческих целях [2, с. 85].

Нельзя отрицать значимость лесного комплекса в экономике страны. Весомая доля экономического вклада лесной промышленности приходится на экспорт необработанного леса. Однако при оценке экономической эффективности отечественных экспортных отношений возникает ряд вопросов. В частности, экономическая выгода, полученная путем экспорта необработанного леса, крайне низка. Наглядный пример неэффективности такого подхода проявляется при сравнении исследователями лесного экспорта России и Китая [2, с. 89; 3, с. 5]. Отечественный экспорт представлен по большей части древесным сырьем, в то время как китайский экспорт – изделиями из древесины, такими как бумага, строительные конструкции, картон и др.¹

В долгосрочной перспективе видятся проблемы неподконтрольной вырубке и низкого воспроизводства лесов на территории РФ, а также увеличение лесных пожаров, что может нанести непоправимый ущерб лесному фонду.

Историко-правовой обзор законодательства в области лесных отношений, в частности лесного экспорта, проводится с целью выявления динамических изменений, которые привели его к современному состоянию. Поставленная цель предопределяет решение следующей задачи – оценить возможность использования исторического опыта в реалиях современного правоприменения. В основе исследования лежит принцип историзма. Исходя из этого, методология исследования построена на исследовании объекта, непрерывно изменяющегося во времени и развивающегося, сохраняющего при этом свои личностные характеристики.

Вопросы развития и функционирования лесного экспорта на разных этапах широко освещены в научной среде. Основной объем научных исследований в области лесного экспорта был представлен в XX в. Следовательно, практическая и теоретическая значимость таких исследований в современных условиях требует комплексного анализа. В целом можно утверждать, что комплексный обзор лесного законодательства в данной области не был ранее предметом изучения [1, с. 108].

Анализ лесного законодательства в сфере экспорта леса осложняется особенностью государственного регулирования лесного права, которая заключается в наличии множества кодифицированных нормативно-правовых актов из разных отраслей права. Обилие такой разносторонней нормативно-правовой базы инициирует возникновение проблем на стыке интересов той или иной правовой отрасли.

Дореволюционный период

Дореволюционный период оказывает и положительное, и отрицательное влияние на процесс формирования лесного хозяйства. С развитием капитализма развиваются и лесные отношения. Однако динамичный экономический рост России увеличивает потребность промышленных предприятий в древесине. В этой связи промышленники вынуждены ускорить освоение лесных массивов, которое наносит значимый урон лесному хозяйству [4, с. 60]. Ускоренное освоение обусловлено, на наш взгляд, потребностью в краткосрочной экономической выгоде.

К середине 1820-х гг. лесной экспорт восстанавливает свои утерянные позиции. Правительство ограждает экспорт древесины от намерения других ведомств ограничить его объем. Однако эти меры не давали существенного эффекта. Только отмена заградительных мер в Англии позволила отечественной лесной отрасли в полном объеме реализовать экспортный потенциал, поскольку открылась возможность регулярных внешнеторговых операций.

На наш взгляд, наиболее проработанным за весь дореволюционный период было лесное законодательство середины XIX в., в частности Устав о лесах 1842 г.², поскольку в этот период происходят значительные изменения в лесных отношениях. Устав закрепляет порядок пользования различными видами лесных массивов, создает систему контроля и управления лесными ресурсами, а также устанавливает различные виды правовой ответственности за нарушение лесного законодательства. Ст. 19 регламентирует разделение лесов по предмету их использования: леса для внутренних нужд и внешней торговли. Ст. 686 предписывает единственным паровым лесопильным заводам, расположенным в Архангельской губернии, подготавливать древесину для экспорта. Особенность экспорта заключалась в способах перемещения древесины. При отсутствии развитой инфраструктуры древесину перемещали с помощью лесосплава. По этой причине заготовки леса производились исключительно вдоль сплавных рек. В дальнейшем произошло развитие железнодорожных грузоперевозок, что поспособствовало значительному увеличению лесного экспорта.

¹ Об утверждении государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (утратило силу). Распоряжение Правительства РФ № 466-р от 29.03.2013. СПС КонсультантПлюс.

² Устав Лесной. Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. Второго отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1842. Т. 8. Ч. 1: Уставы лесной, о казенных оброчных статьях, о хозяйственном управлении казенных населенных имений.

Изданное в 1888 г. Положение о сбережении функции лесов³ представляет собой неопределимую юридическую основу регулирования лесных правоотношений. Нормативно-правовой акт формализовал природоохранные функции лесов, и положил начало применения практики установки защитных лесов. Данный документ оказал большое влияние на стабилизацию государственного подхода к решению вопроса необходимости сохранения и охраны лесов. Следовательно, это имело большое влияние на экспортную деятельность [1, с. 109].

Нормы в дореволюционной России, регулирующие охрану лесов, по большей части разрознены среди прочих иных вопросов. Одна из отличительных черт дореволюционного лесного права – наличие большого числа нормативно-правовых документов, в которых были статьи близкого содержания или дублирующие друг друга. Также этому периоду свойственны учащение случаев получения права частной собственности на лес и установление сбалансированного отношения между государством и частными собственниками. Наконец, дореволюционный период характеризуется эффективностью лесного хозяйства в области экспорта древесины. К концу периода Россия занимала лидирующие позиции в мировой торговле лесом. Это подтверждается тем, что отечественный вклад в мировой объем лесного экспорта составлял до 30 % [5, с. 55].

Советский период

На ранних этапах становления СССР вопрос о лесном экспорте не являлся первостепенным для государственной политики. Это связано с тем, что полностью отсутствовала нормативно-правовая база в сфере лесных отношений. Кроме этого, перед лесозэкспортом СССР стояла необходимостью вернуть прежние позиции на мировом рынке, которые были заняты другими странами-импортерами леса во время гражданской войны.

Начало советского периода характеризуется принятием ленинского декрета «О лесах» от 1918 г.⁴ (Декрет). Это положило начало введения социалистического лесного хозяйства. Главные задачи «Основного закона о лесах» направлены на установление принципов советской власти в отношении введения и функционирования лесного хозяйства [6, с. 8].

В. И. Ленин обозначает необходимость восстановления лесного экспорта. В подтверждение этого принимается декрет «О мерах к развитию лесозэкспорта». В нем описаны основные задачи, стоящие перед государственными органами. Например, в п. 1 указано, что лесозэкспорт причисляется к группе «ударных заданий»⁵.

Положения Декрета поверхностно регламентируют лесные отношения в области экспорта леса. Декрет описывает такие отношения, как внешняя торговля лесоматериалами. В частности, ст. 10 Декрета жестко обозначает государственную монополию на транзитную торговлю; ст. 99, дополняя вышеуказанную норму, определяет, что вся полнота полномочий в области лесной экспортной политики находится у Центральной Советской власти, либо такими полномочиями наделяются правительственные экспортные конторы. Такой подход законодателя обусловлен новым вектором развития национальных программ, которые направлены на национализацию земель и лесов. Декрет противопоставляется дореволюционному законодательным актам о лесах.

В результате, по статистическим данным К. Х. Данишевского, в период с 1921 по 1924 г. объемы экспорта леса увеличились, составив 470 % [7, с. 18].

Далее принимается Лесной кодекс РСФСР, который является полноценным кодифицированным правовым актом. Одна из главных его целей состояла в том, чтобы создать единую систему лесного хозяйства в стране и «поставить леса на службу народа»⁶. Данная цель определяет формирование новой модели управления лесами и лесопользования, которая соответствует действующей политике советской власти 1920–1930-х гг. Это позволило решить одну из государственных проблем – обрести новые источники получения валюты [8, с. 625–626]. Лесной кодекс РСФСР содержит ряд норм, направленных на упрощение системы лесоустройства, что обусловлено необходимостью выполнения поставленных государством задач. В первую очередь, это задача эффективной эксплуатации лесов для полного обеспечения экспорта древесины [9, с. 24, 29].

Лесной кодекс РСФСР по сравнению с Декретом не содержит в себе явных упоминаний о лесном экспорте. Это связано с тем, что в данный период стали полноценно функционировать государственные органы, регламентирующие и контролирующие экспортную деятельность. В частности, в регионы поступали экспортные задания непосредственно из Москвы. Центральные органы советской власти утверждали положения об организации, упорядочении и изменении управления экспортными отраслями хозяйства. Кроме того, властные органы занимались регулированием экспортного хозяйства в области экономических отношений [10, с. 96]. В этой связи создаются экспортные совещания в качестве постоянно действующих органов при экономическом совете. В ст. 1 Положения «Об экспортных совещаниях» указываются цели данного совещания: «разработка и проведение в жизнь мероприятий по выполнению

³ Высочайше утвержденное Положение о сбережении лесов. Полное собрание законов Российской империи: 3-е собр. СПб.: Гос. тип., 1888. Т. VIII. С. 148–155.

⁴ О лесах. Декрет ВЦИК Советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов от 27.05.1918. Лесоустройство. URL: <https://www.booksite.ru/forest/forest/organize/2.htm> (дата обращения: 19.01.2022).

⁵ О мерах к развитию лесозэкспорта. Декрет СНК РСФСР от 23.11.1920. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_779.htm (дата обращения: 19.01.2022).

⁶ Лесной кодекс РСФСР. Собрание Узаконений. 1924. № 58. Ст. 564.

экспортного плана, по расширению и улучшению качества экспорта и разработка всех вопросов, связанных с экспортом (заготовка, транспорт, хранение и т.п.)»⁷.

Одна из особенностей внешней торговли в СССР указана в Постановлении «О мерах к обеспечению нормального хода операций по внешней торговле». Центральная власть постановляет, что экспортные отношения возможны лишь с теми странами, которые имеют «нормальные дипломатические отношения и в которых заграничному торговому аппарату Союза ССР обеспечены условия, гарантирующие возможность беспрепятственного и нормального хода коммерческих операций»⁸.

Следующий этап развития лесного права СССР также характеризуется рядом реформ, существенно меняющих функционирование лесного хозяйства в анализируемый период, вплоть до принятия нового Лесного кодекса 1978 г. Регулярно создаются и упраздняются различные государственные органы управления лесным хозяйством [1, с. 110]. Г. Н. Полянская, описывая акт «Основы конституционного законодательства СССР и союзных республик» (1977 г.), отмечает, что его положения были направлены на улучшение состояние лесного фонда, на защиту лесных богатств от истощения вследствие возрастающего спроса на лес для внутренней и внешней торговли [11].

В период шестой реформы с 1959 по 1965 гг. стало очевидно, что лесной экспорт приобрел статус важнейшего источника во внешнеторговом балансе страны. Однако в научной среде в этот период сложилось однозначное мнение о том, что необходимо повышать качество экспортной лесопродукции [12]. Отметим, что в современной России также остро стоит вопрос о качестве экспортной продукции.

Когда реформы исчерпали свои возможности, инструментом для изменения действующего законодательства стал принятый в 1977 г. закон «Основы лесного законодательства Союза ССР и союзных республик»⁹, упорядочивший лесное законодательство с учетом изменившегося направления развития лесной политики. «Это первый общесоюзный закон в истории советского лесного законодательства. В своей сущности он соответствует декрету "О лесах" 1918 года, развивая ленинские положения об эксплуатации и охране лесного хозяйства» [1, с. 110]. Затем в 1978 г. был принят Лесной кодекс РСФСР¹⁰.

Управления лесным хозяйством в РСФСР характеризуется строгой иерархией и контролем за деятельностью лесных чиновников в регионах. Исполкомы местных советов выступают в качестве исполнительных и ответственных

органов, контролирующих направление деятельности и функционирование лесного хозяйства в регионах; их деятельность отличается от деятельности органов, осуществляющих государственное управление лесным хозяйством в РФ. С точки зрения современности централизованная система управления представляется как достоинство лесного хозяйства советского периода. Однако если оценивать такую систему с учетом того времени, то проявляются ее недостатки, такие как неповоротливость и отсутствие данных о реальной обстановке на местах.

В 1970-х гг. снижается объем экспорта леса. Это связано с введением новой государственной политики разделения зон эксплуатации леса на четыре группы: высокой, средней и низкой интенсивности лесопользования, а также резервные массивы – особая (четвертая) зона. Каждая группа имеет особые ограничения на вырубку леса. Во всех районах (кроме района высокой интенсивности) объем экспорта леса резко снижается [13].

Лесной экспорт в советский период имел особое значение во всех сферах функционирования государства. С юридической точки зрения мы можем наблюдать, как законодатель приспосабливается к изменяющимся обстоятельствам и своевременно проводит правовые реформы. Важно отметить, что некоторые чрезмерные изменения действующей системы негативно сказываются на эффективности функционирования лесопромышленного комплекса (ЛПК). Однако этим фактом и интересен советский период, поскольку можно наблюдать глобальные правовые изменения в рамках одного государства за короткий период. С экономической точки зрения лесной экспорт поспособствовал укреплению экономики страны путем получения иностранной валюты за реализацию леса и лесоматериалов. Наконец, с политической точки зрения лесной экспорт содействовал восстановлению (в некоторых случаях – улучшению) государством позиций на мировой арене. «В итоге в начале 90-х гг. XX века российский ЛПК оказался в глубоком структурно-экономическом кризисе, последствия которого не преодолены и до сегодняшнего дня» [14, с. 118].

Российский период

В исследуемый период сфера правового регулирования находится в катастрофическом состоянии. В этой ситуации происходит переход лесной промышленности и лесного хозяйства России к рыночным отношениям [9, с. 23–24]. В 1993 г. были приняты «Основы лесного законодательства Российской Федерации»¹¹. В 1997 г. вступил в силу

⁷ Положение об экспортных совещаниях. Постановление СНК СССР № 786 от 12.09.1931. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3782.htm (дата обращения: 20.01.2022).

⁸ О мерах к обеспечению нормального хода операций по внешней торговле. Постановление СНК СССР от 17.05.1927. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3294.htm (дата обращения: 20.01.2022).

⁹ Об утверждении Основ лесного законодательства Союза ССР и союзных республик (утратил силу). Закон СССР № 5906-IX от 17.06.1977 (ред. от 08.06.1984). СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Об утверждении Лесного кодекса РСФСР (вместе с «Лесным кодексом РСФСР») (утратил силу). Закон РСФСР от 08.08.1978 (ред. от 18.01.1985). СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Основы лесного законодательства Российской Федерации № 4613-1 от 06.03.1993 (утратил силу). СПС КонсультантПлюс.

новый Лесной кодекс РФ¹². Однако государственная власть не смогла безболезненно перейти к рыночной экономике. Были потеряны все преимущества плановой экономики, например жесткая структура органов управления лесным хозяйством. Взамен этого началась череда упразднений, ликвидаций и возникновения новых органов государственной власти. Результаты перемен сказываются и в нынешнее время.

Далее принимается новый Лесной кодекс РФ от 2006 г.¹³ Его основные новации заключаются в создании лесной инфраструктуры, децентрализации системы управления лесами, снятие необоснованных ограничений на лесопользование. Децентрализация органов управления приобретает окончательный вид, который представляет собой неповоротливый и неэффективный механизм. Можно выделить три этапа развития государственного регулирования лесосырьевого экспорта [15, с. 170–172]:

- 1) 2007–2012 гг.: значительное увеличение таможенных ставок на вывоз необработанных лесоматериалов хвойных пород (с 6,5 % от таможенной стоимости до 25 %) ¹⁴, сокращение экспорта деловой круглой древесины практически в 3 раза ¹⁵;
- 2) 2013–2018 гг.: в связи со вступлением России во Всемирную торговую организацию для соответствия международным процедурам внешней торговли введены предварительное квотирование и лицензирование экспортной древесины ¹⁶;
- 3) 2019–2021 гг.: существенное увеличение таможенных ставок на вывоз древесины (с 25 до 80 % от стоимости экспортируемых лесоматериалов) оказало бесценную помощь в снижении вывоза делового леса из России ¹⁷.

Таким образом, государство обладает инструментами контроля за объемами лесосырьевого экспорта. К таким инструментам можно отнести таможенно-тарифные меры и нетарифные инструменты (квотирование и лицензирование). Отметим, что настолько высокие таможенные пошлины устанавливаются в качестве превентивной меры «заградительного характера». В таком случае данная мера может быть отнесена к нетарифным мерам экспортного регулирования [15, с. 172].

Современный подход к развитию лесного комплекса отражен в Стратегии развития лесного комплекса РФ до 2030 года. Предполагается, что таможенные пошлины останутся на прежнем уровне, т. е. продолжат выступать в качестве

ограничительных мер. Законодатель понимает все риски, которые связаны с применением «заградительных» мер. Для минимизации последствий такой политики предлагается стимулирование внутреннего спроса, льготное кредитование производителей, предоставление им налоговых льгот, привлечение иностранных инвесторов из стран-импортеров продукции ЛПК для их участия в инвестиционных проектах ¹⁸.

На федеральном уровне управление осуществляется Федеральным агентством лесного хозяйства, его территориальными органами и иными ему подведомственными учреждениями. При этом непосредственное управление лесами передано на уровень субъектов РФ. Региональная структура управления лесным хозяйством представлена трех- или четырехуровневыми системами из многочисленных комитетов, департаментов, агентств и иных государственных и муниципальных служб [16, с. 130]. Ряд исследователей сходятся во мнении, что такое многообразие форм органов лесопользования в регионах не способствует их качественному взаимодействию [16, с. 130; 17, с. 84; 18, с. 187].

Заключение

Историко-правовой анализ показал, что ЛПК на протяжении всей истории советской и современной России был поставлен на экономические рельсы лесного экспорта. В некоторых случаях такой подход был оправдан экономической ситуацией. Например, в первые годы становления советской власти требовался источник иностранной валюты. Но стремление государства к безрассудному и недальновидному использованию потенциала лесной промышленности за весь анализируемый период привело к истощению лесного фонда, угрозе появления проблем во внешней экономике, созданию криминогенной обстановки вокруг всей лесной отрасли (особенно в сфере лесного экспорта).

Сравнение периодов позволяет сделать вывод, что современное законодательство может и должно совершенствоваться с опорой на исторический опыт. Исторический обзор показал, что многие положения, которые успешно применялись в СССР, могут быть модифицированы и внедрены в законодательство России. В этой связи стоит отметить преимущество плановой экономики в Советском Союзе: производство и потребление древесины регулировалось внутри государства, за счет чего соблюдались баланс и эффективность производства леса

¹² Лесной кодекс Российской Федерации № 22-ФЗ от 29.01.1997 (ред. от 24.07.2007) (утратил силу). СПС КонсультантПлюс.

¹³ Лесной кодекс Российской Федерации № 200-ФЗ от 04.12.2006 (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022). СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 23.12.2006 г. № 795 в отношении отдельных видов лесоматериалов необработанных. Постановление Правительства РФ № 75 от 05.02.2007. СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 896.

¹⁵ Морозова Л. Увеличение вывозной таможенной пошлины сократило экспорт древесины из РФ. *Российская Бизнес-газета – Промышленное обозрение*. 04.06.2012. № 21. URL: <https://rg.ru/2012/06/05/export.html> (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁶ О тарифных квотах на отдельные виды лесоматериалов хвойных пород, вывозимых за пределы территории Российской Федерации и территории государств – участников соглашений о Таможенном союзе. Постановление Правительства РФ № 779 от 30.07.2012. СЗ РФ. 2012. № 33. Ст. 4677.

¹⁷ Волобуев А., Халудоров Т. Экспорт необработанного леса из России хотят запретить. *Ведомости*. 01.10.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/10/01/841756-eksport-neobrabotannogo> (дата обращения: 22.01.2022).

¹⁸ Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года. Распоряжение Правительства РФ № 312-р от 11.02.2021. СПС КонсультантПлюс.

для внутригосударственных нужд. Функционировала четкая система учета поставок и потребления лесопродукции в регионах. Такой подход позволял осуществлять экспортную деятельность без ущерба для внутренней торговли.

Экспорт леса – важная часть экономики страны. Внешняя торговля неоднократно помогала выйти из кризисных ситуаций, при этом весомая ее часть приходилась на экспорт леса. Однако не стоит забывать, что запасы леса в России не бесконечны: чтобы данный ресурс не оказался в дефиците, следует изменить подход к его использованию.

Во-первых, стоит изменить подход в соотношении экспортируемого леса между обработанной и необработанной древесиной. Идеальным представляется полный отказ от экспорта сырьевого леса и переход к экспорту лесоматериалов, пиломатериалов, бумаги, мебели и т. д. В качестве первого шага к этому В. В. Путин поручил «запретить вывоз из России необработанных или грубо, только для вида обработанных лесоматериалов хвойных и ценных лиственных пород»¹⁹. Предполагается, что целью лесной промышленности на ближайшее будущее должно стать сокращение разрыва между экспортом круглого леса и пиломатериалов (а также изделий из дерева, мебели). Такой подход позволит декриминализировать лесопромышленную деятельность и побудить лесопромышленный комплекс использовать все части дерева, а не только бревна [19].

Во-вторых, на наш взгляд, предложение Президента Российской Федерации о том, что в регионах необходимо ввести должность главного федерального государственного лесного инспектора, позволит повысить качество контроля над экспортом леса, поскольку оптимизирует функционирование и взаимодействие между различными органами лесопромышленного управления. Исторический опыт доказывает эффективность управления лесами только при наличии жесткой и четкой вертикальной власти. В этой связи сосредоточение отдельных функций и полномочий в руках уполномоченного представителя в регионе обеспечит устойчивое управление лесами.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Сахибов К. В. Лесное законодательство: нужен ли нам сейчас исторический опыт? *Вестник ЮУрГУ. Серия «Право»*. 2021. Т. 21. № 4. С. 108–113. [Sakhibov K. V. Forest legislation: do we need historical experience now? *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2021, 21(4): 108–113. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/law210417>
2. Глумова Ж. Е. Освещение торговли продуктами лесного производства между Россией и Китаем (по материалам интернет-СМИ Китая). *Российско-китайские исследования*. 2020. Т. 4. № 1. С. 84–93. [Glumova Zh. E. Highlighting the timber products sales between Russia and China (adapted from Internet-mass media of China). *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya*, 2020, 4(1): 84–93. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2020.4\(1\).84-93](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2020.4(1).84-93)
3. Ивантер В. В., Кожемяко О. Н., Кувалин Д. Б. Долгосрочное социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Забайкалья: основные проблемы и задачи. *Проблемы прогнозирования*. 2013. № 4. С. 3–14. [Ivanter V. V., Kozhemyako O. N., Kuvalin D. B. Long-term socioeconomic development of the Far East and Transbaikalia: main problems and tasks. *Studies on Russian Economic Development*, 2013, 24(4): 301–308. (In Russ.)] <https://doi.org/10.1134/S1075700713040047>
4. Шелгунов Н. В. История русского лесного законодательства. СПб.: Тип. М-ва гос. имуществ, 1857. 378 с. [Shelgunov N. V. *History of Russian forest legislation*. St. Petersburg: Tip. M-va gos. imushchestv, 1857, 378. (In Russ.)]
5. Лесная промышленность СССР 1917–1957. Т. 1: Лесоэксплуатация, гл. ред. В. А. Попов. М.: Гослесбумиздат; НТО лесной пром-сти, 1957. 258 с. [Forest industry of the USSR in 1917–1957. Vol. 1: Forest exploitation, ed. Popov V. A. Moscow: Goslesbumizdat; NTO lesnoi prom-sti, 1957, 258. (In Russ.)]
6. Цветков Б. Н. Лес и закон. Л.: Лениздат, 1975. 76 с. [Tsvetkov B. N. *Forest and law*. Leningrad: Lenizdat, 1975, 76. (In Russ.)]
7. Данишевский К. Х. Лесной экспорт СССР (его положения и перспективы). М.: Центр. упр. печати и промпропаганды ВСНХ СССР, 1925. 72 с. [Danishevskii K. Kh. *Forest export of the USSR: provisions and prospects*. Moscow: Tsentr. upr. pečati i prompropagandy VSNKh SSSR, 1925, 72. (In Russ.)]
8. Зыкин И. В. Народный комиссариат лесной промышленности Советского Союза в 1932–1940 годах и проблемы выполнения плановых заданий. *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*. 2019. Т. 29. № 4. С. 625–636. [Zykin I. V. The People's Commissariat of Forestry of the Soviet Union in 1932–1940 and the problems of performing planned tasks. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 2019, 29(4): 625–636. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2019-29-4-625-636>

¹⁹ Путин поручил запретить экспорт необработанной древесины. РБК. 30.09.2020. URL: <https://www.rbc.ru/society/30/09/2020/5f74324e9a794750670d1296/> (дата обращения: 22.01.2022).

9. Страхов В. В., Писаренко А. И. О реформе лесоустройства в России. *Использование и охрана природных ресурсов в России*. 2010. № 3. С. 23–34. [Strakhov V. V., Pisarenko A. I. About reform of forest regulation in Russia. *Use and protection of natural resources of Russia*, 2010, (3): 23–34. (In Russ.)]
10. Безгин С. В. Деятельность Далькрайисполкома по выполнению государственных заданий по экспорту (1926–1930 гг.). *Власть*. 2009. № 2. С. 95–98. [Bezgin S. V. Activities of the Far Eastern Executive Committee for the implementation of state export tasks (1926–1930). *Vlast*, 2009, (2): 95–98. (In Russ.)]
11. Полянская Г. Н. Основы лесного законодательства Союза ССР и Союзных Республик. *Известия вузов. Правоведение*. 1978. № 3. С. 18–28. [Poljanskaja G. N. The forestry legislation foundation of the USSR and Union Republics. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 1978, (3): 18–28. (In Russ.)]
12. Полока И., Мокрецов П., Кокарев Г. Насущные вопросы экспортного лесопиления. *Лесная промышленность*. 1963. № 7. С. 25–26. [Poloka I., Mokretsov P., Kokarev G. Pressing issues of export sawmilling. *Lesnaia promyshlennost*, 1963, (7): 25–26. (In Russ.)]
13. Сударев В. Г., Лямеборшай С. Х. Пути совершенствования лесопользования. *Лесная промышленность*. 1972. № 11. С. 18. [Sudarev V. G., Liameborshai S. Kh. Ways to improve forest management. *Lesnaia promyshlennost*, 1972, (11): 18. (In Russ.)]
14. Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. 240 с. [Shegelman I. R. *Forest transformations in XV–XXI centuries*. Petrozavodsk: PetrSU, 2008, 240. (In Russ.)]
15. Кузминых Ю. В., Грязнов С. Е. Ограничения и запреты в сфере лесосырьевого экспорта России в современных условиях. *Путеводитель предпринимателя*. 2021. Т. 14. № 1. С. 169–177. [Kuzminykh Ju. V., Gryaznov S. E. Restrictions and prohibitions in the field of timber export in Russia in modern conditions. *Entrepreneur's guide*, 2021, 14(1): 169–177. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24182/2073-9885-2021-14-1-169-177>
16. Дружинина А. А., Зиновьева И. С. Проблемы управления лесными ресурсами на современном этапе. *Современные наукоемкие технологии*. 2014. № 7-1. С. 130–131. [Druzhinina A. A., Zinovyeva I. S. Contemporary issues of forest resource management. *Modern high technologies*, 2014, (7-1): 130–131. (In Russ.)]
17. Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. Правовые проблемы и направления совершенствования государственного управления в области лесных отношений. *Lex russica*. 2018. № 2. С. 78–93. [Zhavoronkova N. G., Vypkhanova G. V. Legal problems and directions of public administration improvement in the field of forest relations. *Lex russica*, 2018, (2): 78–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.135.2.078-093>
18. Горбунова О. И., Кулагина А. Н. О совершенствовании системы управления лесами: проблемы и направления развития. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2020. Т. 9. № 1. С. 184–187. [Gorbunova O. I., Kulagina A. N. The improvement of forest management system: problems and development directions. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2020, 9(1): 184–187. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0901-0045>
19. Ворона А. А., Панишко Е. П., Осипова А. И. Тенденции и перспективы лесного хозяйства и экспорта лесоматериалов РФ: региональный аспект. *Вестник Евразийской науки*. 2021. Т. 13. № 2. [Vorona A. A., Panishko E. P., Osipova A. I. Trends and prospects of forestry and timber export in the Russian Federation: regional aspect. *The Eurasian Scientific Journal*, 2021, 13(2). (In Russ.)] URL: <https://esj.today/PDF/45ECVN221.pdf> (accessed 22 Jan 2022).

оригинальная статья

Ответственность в сфере физической культуры и спорта

Коваленко Екатерина Юрьевна

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

<https://orcid.org/0000-0002-9860-6371>

Тыдыкова Надежда Владимировна

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

<https://orcid.org/0000-0002-7889-9314>academnauka@rambler.ru

Поступила 23.03.2022. Принята после рецензирования 24.05.2022. Принята в печать 31.05.2022.

Аннотация: Цель – исследовать вопросы ответственности в сфере физической культуры и спорта, обосновать самостоятельность спортивной ответственности в качестве вида юридической ответственности через рассмотрение ее основных характеристик. Используя индукцию, анализируя существующие в науке подходы к определению различных видов правовой ответственности, сложившиеся в современной теории права, авторы приходят к выводу о том, что на данном этапе спортивную ответственность можно считать самостоятельным видом юридической ответственности, выделяемым наряду с уголовной, административной, дисциплинарной и гражданско-правовой. Системно-структурный метод дал возможность исследовать спортивную ответственность и доказать ее самостоятельность посредством анализа признаков юридической ответственности, а также разграничить с другими видами ответственности, которые возможны за нарушения в сфере физической культуры и спорта. Применение метода критического анализа позволило подвергнуть сомнению позиции, высказанные в литературе относительно невозможности отнесения спортивной ответственности к видам юридической ответственности. Руководствуясь желанием перенять положительный опыт других стран по вопросу кодификации спортивного законодательства, авторы использовали сравнительно-правовой метод. Сделано заключение о целесообразности кодификации в области спортивного законодательства, выдвинуто предложение о создании Спортивного кодекса РФ. Именно в этом акте предложено закрепить основные положения о спортивной ответственности. Результатом исследования стала авторская концепция понимания спортивной ответственности. Полученные результаты могут быть использованы как для развития и совершенствования научных знаний о спортивном праве, так и в качестве основы для законотворческого процесса.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, спортивная ответственность, допинг, дисквалификация, Спортивный кодекс

Цитирование: Коваленко Е. Ю., Тыдыкова Н. В. Ответственность в сфере физической культуры и спорта. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 3. С. 249–254. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-249-254>

full article

Responsibility in Physical Culture and Sports

Ekaterina Yu. Kovalenko

Altai State University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0000-0002-9860-6371>

Nadezhda V. Tydykova

Altai State University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0000-0002-7889-9314>academnauka@rambler.ru

Received 23 Mar 2022. Accepted after peer review 24 May 2022. Accepted for publication 31 May 2022.

Abstract: The present article introduces an authentic interpretation of sports responsibility. Responsibility in the sphere of sports and physical culture is a legal responsibility, as independent as criminal, administrative, disciplinary, civil, and other types. The system-structural method made it possible to substantiate this independence and distinguish it from other types of legal responsibility. The authors used methods of critical analysis to question those publications that declare the impossibility of classifying sports responsibility as legal. They also conducted a comparative analysis of international legal methods to adopt the positive experience of other countries in terms of the codification of sports legislation as a foundation for the Sports Code of the Russian Federation. The Code would consolidate the main provisions on sports responsibility. The research expands the scientific understanding of sports law and provides material for legislative activities.

Keywords: physical culture, sports, sports responsibility, doping, disqualification, Sports Code

Citation: Kovalenko E. Yu., Tydykova N. V. Responsibility in Physical Culture and Sports. *Vestnik Kemerskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(3): 249–254. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-249-254>

Введение

Спорт, как и любая другая сфера деятельности человека, может быть сопряжен с негативными явлениями, противодействовать которым необходимо с помощью права. Так, например, употребление допинга, нарушение общественного порядка при проведении спортивных мероприятий, коррупция и другие подобные проявления требуют правовых запретов и санкций за их нарушения. Поэтому вопрос об ответственности в сфере спорта является одним из самых актуальных.

Российское право знает четыре вида юридической ответственности: уголовную, административно-правовую, гражданско-правовую и дисциплинарную. Все они имеют свое применение в сфере спорта. Однако помимо нарушений, за которые установлена ответственность названных видов в рамках соответствующих отраслей права, возникают вопросы о статусе ответственности, не предусмотренной перечисленными отраслями права, за иные нарушения.

Методы и материалы. Для анализа вопроса об ответственности в сфере физической культуры и спорта использованы общенаучные методы (обобщение, сравнение, синтез, анализ, индукция, дедукция, абстрагирование, системно-структурный и др.). Используя метод индукции, анализируя общие подходы к пониманию юридической ответственности, распространенные в теории права последних лет, авторы приходят к заключению о том, что в данный период времени можно ставить вопрос о признании спортивной ответственности самостоятельным видом юридической ответственности, выделяемым наряду с другими видами ответственности. С помощью системно-структурного метода через анализ признаков юридической ответственности доказаны самостоятельность и относительная автономность спортивной ответственности, а также проведено разграничение с другими видами ответственности, наступающей за нарушения в сфере физической культуры и спорта. Посредством критического анализа исследуются вызывающие сомнения позиции, высказанные в литературе относительно невозможности отнесения спортивной ответственности к видам юридической ответственности. Кроме того, использованы некоторые частнонаучные методы. С помощью формально-юридического метода проведен комплексный анализ понятий *ответственность за нарушения в сфере физической культуры и спорта* и *спортивная ответственность*. В целях выявления положительного опыта других стран использован сравнительно-правовой метод.

Результаты

Рассмотрим сферы применения четырех видов ответственности за нарушения в области физической культуры и спорта. Административная ответственность может наступить за целый ряд нарушений в области физической культуры и спорта. Так, ст. 6.18 КоАП РФ закрепляет ответственность за нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований

о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним. Ст. 6.22 КоАП РФ – за нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований к положениям (регламентам) об официальных спортивных соревнованиях. Ст. 20.31 КоАП РФ – за нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований (сами правила утверждены Постановлением Правительства РФ № 1156 от 16.12.2013). Ст. 20.32 КоАП РФ – за нарушение правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований. Среди других видов наказаний КоАП РФ называет административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения. Это новый вид административного наказания, назначаемый за административные правонарушения в сфере спорта и представляющий собой временный запрет гражданину на посещение таких мест в дни проведения официальных спортивных соревнований (устанавливается за нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований).

А. Н. Миронов и Т. И. Чембарисов справедливо отмечают, что административная ответственность в сфере физической культуры и спорта не ограничивается применением специально предусмотренных для этого составов административных правонарушений. Например, организаторы физкультурного или спортивного мероприятия и собственники спортивных сооружений несут обязанности по выполнению большого количества правил и норм. Среди них «требования пожарной безопасности, ответственность за нарушения которых предусматривается ст. 20.4 КоАП РФ; санитарно-эпидемиологические нормы, санкция за нарушение которых предусматривается ст. 6.4 КоАП РФ; нормы официального использования государственных символов Российской Федерации ответственность за нарушение порядка использования которых предусмотрена ст. 17.10 КоАП РФ и другие» [1, с. 345]. Также имеются административные правонарушения, за совершение которых могут понести наказание и зрители. Статья 20.1 КоАП РФ устанавливает ответственность за мелкое хулиганство, которое может быть совершено, например, на стадионе; ст. 20.21 КоАП РФ – за появление на улице, стадионе и в ином общественном месте в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность [2, с. 49–50].

Уголовная ответственность за преступления в сфере спорта может наступить за совершение преступлений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 УК РФ, т.е. за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте, или за применение в отношении спортсмена запрещенных субстанций и (или) методов [3]. Следует заметить, что за использование допинга спортсменом по своему желанию не установлена ни уголовная, ни административная ответственность. Также на объектах физической культуры и спорта могут

быть совершены и другие преступления, в частности террористический акт [4, с. 470], ответственность за который предусмотрена ст. 205 УК РФ.

Поскольку спортсмены и тренеры по своему правовому статусу могут являться работниками, то на них распространяются нормы трудового законодательства. Например, их основные права и обязанности установлены ст. 21 ТК РФ. Глава 54.1 ТК РФ устанавливает особенности регулирования труда спортсменов и тренеров. Так, ст. 348.2 ТК РФ закрепляет особенности заключения трудовых договоров со спортсменами и тренерами; ст. 348.5 ТК РФ содержит нормы об отстранении спортсмена от участия в спортивных соревнованиях; ст. 348.13 ТК РФ закрепляет особенности рассмотрения индивидуальных трудовых споров спортсменов, тренеров в профессиональном спорте и спорте высших достижений. Следовательно, возможна и дисциплинарная ответственность спортсменов и тренеров, предусмотренная трудовым законодательством. Например, в соответствии со ст. 192 ТК РФ за совершение дисциплинарного проступка, т.е. за неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей, предусматриваются такие дисциплинарные взыскания, как замечание, выговор, увольнение по соответствующим основаниям. Так, спортсмены или тренеры могут быть уволены в качестве меры дисциплинарного воздействия за прогул; появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения; совершение по месту работы хищения чужого имущества; растраты; нарушение требований охраны труда, если оно повлекло тяжкие последствия.

Положения о гражданско-правовой ответственности содержатся в Гражданском кодексе РФ, в частности в гл. 59 ГК РФ. Физкультурно-спортивные организации; юридические лица; граждане, осуществляющие деятельность в сфере физической культуры и спорта как физические лица (спортсмены, тренеры, судьи и другие участники спортивных отношений), являясь субъектами права, достаточно часто вступают в договорные отношения с другими юридическими и физическими лицами, иногда причиняют материальный вред юридическим и физическим лицам, реализующим спортивную деятельность; вред здоровью граждан. Названные субъекты могут выступать и в качестве потерпевших, и в качестве повинных в причинении вреда [5, с. 70]. Так, например, по договору об оказании спортивно-зрелищной услуги организатор обязуется оказать данную услугу зрителю, а тот – ее оплатить. Пункт 15 Постановления Правительства РФ № 1156 от 16.12.2013 «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований» содержит следующее правило: лица, которые не соблюдают требования или отказываются от их соблюдения, не допускаются в места проведения официальных спортивных соревнований, могут быть удалены из них или привлечены к ответственности в соответствии с законодательством РФ. Такая санкция имеет гражданско-правовую природу [6].

Однако необходимо признать, что спортивные отношения являются весьма специфичными, а степень их правовой урегулированности к настоящему моменту достигла того уровня, когда возможно говорить о понятии *спортивная ответственность*.

Пункт 4 ст. 25 ФЗ № 329-ФЗ от 04.12.2007 «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 329-ФЗ) содержит следующее положение: «Правила видов спорта утверждаются уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти с учетом требований международных спортивных организаций». Это позволяет причислить правила видов спорта к одному из видов нормативно-правовых актов. Так, например, приказом Министерства спорта РФ № 6 от 09.01.2017 утверждены правила биатлона. Следовательно, ответственность, наступающая за их нарушение, является юридической. В литературе предлагается наряду с четырьмя вышеназванными видами ответственности выделять специальный вид юридической ответственности – спортивно-соревновательную [7, с. 62]. И. М. Амиров отмечает, что игра рукой и положение вне игры будут считаться нарушением правил футбола; фальстарт – нарушением в легкой атлетике и плавании; заступ за линию измерения или касание ее – в прыжках в длину. «Примерами санкций этого вида ответственности служат: ... назначение пенальти (в футболе), буллитов (в хоккее), начисления сопернику нарушителя баллов, как за результативное действие (в единоборствах), временное удаление одного из игроков команды (например, в хоккее...), удаление до конца матча (в игровых видах спорта), дисквалификация со схватки и (или) с соревнования (в единоборствах)» [8, с. 121–122].

Е. А. Кузьмин и А. А. Куц отмечают необходимость внесения изменений в ФЗ № 329-ФЗ, результатом чего стала бы выделенная глава, посвященная спортивной ответственности, наступающей в случаях нарушений, допускаемых участниками спортивных соревнований. Это позволило бы ввести такие понятия, как *спортивная ответственность* и *спортивные правонарушения* [9, с. 119–120].

Представленный подход является дискуссионным и встречает критику со стороны других исследователей. Ю. Э. Стрекалова пишет, что ответственность в спорте нельзя охарактеризовать как общеобязательную; она распространяется только на тех, кто принял на себя какие-либо обязательства, ввиду чего ей свойственен корпоративный характер. Это означает, что спортивные санкции применяются не государственным органом, а дисциплинарным комитетом по соответствующему виду спорта [10, с. 118–119]. Некоторые исследователи заявляют о том, что не представляется возможным отнести спортивные санкции к мерам юридической ответственности. Это связано с тем, что для наложения они не требуют решения специализированного государственного органа, нужно лишь решение спортивного арбитра, исполняемое на соревновании [11, с. 87; 12, с. 95]. Такие санкции, по мнению А. В. Ерофеева, направлены на соблюдение правил конкретных видов спорта и не могут нести никаких

правовых последствий, а нарушитель просто поставлен в менее выгодное положение, чем его соперник [12, с. 95]. Другие авторы высказывают непоследовательную позицию относительно статуса спортивной ответственности. Так, Ю. В. Зайцев, рассмотрев признаки юридической ответственности и проведя ее сравнение со спортивной ответственностью, приходит к выводу: т. к. спортивная ответственность не основывается на принципе именно государственного принуждения, и санкция применяется к спортсмену не от имени государства, то спортивную ответственность нельзя рассматривать как самостоятельный вид юридической ответственности. Однако далее исследователь анализирует спортивную ответственность в ключе всех атрибутов юридической ответственности¹ (см. также [13, с. 167]).

Статья 2 ФЗ № 329-ФЗ дает определение спортивной дисквалификации как «спортивной санкции ... за нарушение правил вида спорта, положений (регламентов) спортивных соревнований, антидопинговых правил, норм и требований, утвержденных международными спортивными организациями, общероссийскими спортивными федерациями, профессиональными спортивными лигами, иными организаторами спортивных соревнований». Получается, что спортивная дисквалификация является спортивной санкцией и может применяться за нарушение антидопинговых правил. Это дало основание А. В. Чеботареву заключить, что спортивная дисквалификация, являющаяся спортивной санкцией, – это результат применения спортивной ответственности, а значит, спортивную ответственность за нарушение антидопинговых правил можно причислить к правовой [14, с. 85–86]. В соответствии с п. 1.3.2 Общероссийских антидопинговых правил, утвержденных Министерством спорта РФ 11.12.2020, общероссийские спортивные федерации и профессиональные спортивные лиги в целях борьбы с допингом применяют санкции (в том числе спортивную дисквалификацию). Нормы об ответственности за нарушение антидопинговых правил содержатся во Всемирном антидопинговом кодексе. Так, предусмотрены предупреждение, аннулирование результатов, дисквалификация спортсмена или тренера, дисквалификация всей команды при наличии некоторых обстоятельств [15, с. 175]. А. Ю. Мокрова изучает справедливость применения в спорте одного из важнейших принципов – коллективизма (общности и солидарности), обозначенного в преамбуле Всемирного антидопингового кодекса и в ст. 1.2 Общероссийских антидопинговых правил. Автор замечает: хотя отстранение от олимпийских игр сборных команд практикуется давно, вопрос о целесообразности применения принципа коллективной ответственности ставится специалистами под сомнение. Исследователь считает его оправданным только при аннулировании результатов в командных видах спорта [16].

Мы полагаем, что спортивную ответственность в настоящее время можно рассматривать как самостоятельный вид юридической ответственности, однако необходимо разработать вопрос о содержании этого понятия. И. С. Штода указывает на то, что по своим признакам спортивная ответственность соответствует признакам юридической ответственности. Например, заключается в неблагоприятных для нарушителя последствиях, применяется специально уполномоченным лицом, предусматривается правовыми актами [17, с. 44]. В отношении последнего признака следует отметить, что в мировой практике уже существуют Спортивные кодексы (например, во Франции и Бразилии), а в России идут споры о необходимости кодификации законодательства в этой области [18, с. 178]. Однако важным признаком юридической ответственности является ее наложение от имени государства, что просматривается не во всех случаях применения негативных последствий нарушений спортивного законодательства. Но и к дисциплинарной ответственности работник привлекается работодателем, а гражданско-правовая ответственность может наступать по соглашению сторон. Следовательно, наложение от имени государства означает не только и не столько применение санкции специальным государственным субъектом (как, например, характерно для уголовной ответственности), сколько факт санкционирования государством, в том числе специально уполномоченными государственными органами, к которым относится и Правительство РФ, и другие органы исполнительной власти. Такое санкционирование в спортивной ответственности имеет место путем формирования свода необходимых правил в нормативных актах различного уровня и наделения специальных субъектов правом применять особые санкции в силу специфики рассматриваемой сферы.

В специальной литературе такая позиция не является самой распространенной. Тем не менее М. О. Буянова отмечает, что спортивная ответственность базируется на государственном принуждении, применение санкций в спорте соответствует выраженной воле государства, следовательно, спортивная ответственность является юридической ответственностью [13, с. 167]. Другие авторы пишут о том, что на данный момент спортивную ответственность нельзя отнести к видам правовой ответственности, но со временем она, возможно, «займет место в одном ряду с иными видами юридической ответственности»² (см. также [19, с. 148]). М. Г. Князькова и М. Л. Кортиев заключают, что «любое нарушение будь то в уголовной или спортивной сфере должно иметь соответствующий механизм привлечения к ответственности» и урегулированность, поскольку природа спортивной ответственности является спорной [19, с. 149].

¹ Зайцев Ю. В. Спортивная ответственность, спортивные правонарушения и спортивные санкции. *SILA International Lawyers*. 10.10.2013. URL: <https://ru.silalawyers.com/научная-статья-спортивная-ответстве/> (дата обращения: 20.03.2022).

² Прокопец М. А. Спортивная ответственность. Спортивные санкции. *ЮСТ*. 17.03.2008. URL: http://yust.ru/press-center/publication/sportivnaya_ответstvennost_sportivnye_sanktsii/ (дата обращения: 20.03.2022).

Заключение

Для закрепления самостоятельного статуса спортивной ответственности как вида юридической ответственности в настоящее время необходима детальная проработка вопроса с целью последующего утверждения в законодательстве, в частности при формировании содержания Спортивного кодекса РФ. Единообразному подходу к трактовке анализируемого понятия способствовало бы закрепление вопросов спортивной ответственности в отдельном структурном элементе Спортивного кодекса РФ (главе или разделе). При этом мы не предлагаем в одном документе аккумулировать все нормы, на основании которых возможна ответственность в сфере спорта, оставляя абсолютную автономность за нормами в сфере административной, уголовной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности. Но в силу достаточной специфики некоторых норм в области физической культуры и спорта предлагаем в отдельном акте выделить нормы, касающиеся спортивной ответственности. Иными словами, нельзя допустить смешивания спортивной ответственности и ответственности, наступающей за нарушения в сфере физической культуры и спорта (совершаемые в том числе на объектах физической культуры и спорта), которая предусмотрена другими отраслями права. В рамках достижения цели необходимо разработать трактовку понятия *спортивная ответственность*, назвать ее цели, определить

основания наступления и др. Такой подход мог бы стать еще одним шагом к формированию спортивного права как самостоятельной отрасли российского права.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00053 А «Правовое регулирование спортивных отношений в Российской Федерации».

Funding: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-00053 A "Legal regulation of sports relations in the Russian Federation".

Литература / References

1. Миронов А. Н., Чембарисов Т. И. Административная ответственность в сфере спорта. *Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием.* (Воронеж, 29 мая 2014 г.) Воронеж: Научная книга, 2014. С. 344–346. [Mironov A. N., Chembarisov T. I. Administrative responsibility in the field of sports. *Relevant issues of the penal enforcement system: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Voronezh, 29 May 2014.* Voronezh: Nauchnaia kniga, 2014, 344–346. (In Russ.)]
2. Селезнев В. А. Административная ответственность за нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований. *Законодательство и экономика.* 2016. № 9. С. 47–54. [Seleznev V. A. Administrative liability for violations of sideliners behavior during official sports events. *Zakonodatelstvo i ekonomika*, 2016, (9): 47–54. (In Russ.)]
3. Коваленко Е. Ю., Тыдыкова Н. В. О проблемах квалификации преступлений, связанных с использованием субстанций и методов, запрещенных в спорте. *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы XX Междунар. науч.-практ. конф.* (Барнаул, 3–4 февраля 2022 г.) Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. Ч. 2. С. 32–33. [Kovalenko E. Yu., Tydykova N. V. Qualification of crimes related to the use of prohibited substances and methods in sports. *Actual problems of crime and other offenses: Proc. XX Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Barnaul, 3–4 Feb 2022. Barnaul: Buys Russian Interior Ministry, 2022, pt. 2, 32–33. (In Russ.)]
4. Спортивное право России, отв. ред. Д. И. Погачев. М.: Проспект, 2016. 640 с. [*Sports law in Russia*, ed. Rogachev D. I. Moscow: Prospekt, 2016, 640. (In Russ.)]
5. Ерофеев А. В. Об особенностях деликтной ответственности в области спорта. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция.* 2013. № 3. С. 70–73. [Erofeev A. V. Peculiarities of tort liability in sports. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*, 2013, (3): 70–73. (In Russ.)]
6. Матвеев И. В. Обязанности и ответственность зрителя (болельщика) по договору об оказании спортивно-зрелищных услуг. *Безопасность бизнеса.* 2017. № 2. С. 24–29. [Matveev I. V. Duties and responsibilities of a viewer (fan) under a contract for provision of sports and entertainment services. *Bezopasnost biznesa*, 2017, (2): 24–29. (In Russ.)]
7. Амиров И. М. Меры государственно-правового принуждения в сфере спорта: постановка проблемы. *Вестник Владимирского юридического института.* 2012. № 3. С. 58–62. [Amirov I. M. Measures of state and legal enforcement in the field of sport: problem placement. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, 2012, (3): 58–62. (In Russ.)]
8. Амиров И. М. Особенности юридической ответственности в сфере спорта: к постановке проблемы. *Общество и право.* 2010. № 4. С. 120–126. [Amirov I. M. Features of legal responsibility in sports sphere: to problem statement. *Society and law*, 2010, (4): 120–126. (In Russ.)]

9. Кузьмин Е. Л., Куш А. А. Юридическая ответственность в сфере спортивных правоотношений. *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2021. № 5-6. С. 118–121. [Kuzmin E. L., Kushch A. A. Legal responsibility in the sphere of sports legal relations. *Aktualnye nauchnye issledovaniia v sovremennom mire*, 2021, (5-6): 118–121. (In Russ.)]
10. Стрекалова Ю. Э. Юридическая ответственность в сфере спорта. *Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф.* (Тамбов, 24–25 мая 2019 г.) Тамбов: ИД Державинский, 2019. Т. 1. С. 117–121. [Strekalova Yu. E. Legal liability in the sphere of sports. *Tambov legal readings named after F. N. Plevako: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Tambov, 24–25 May 2019. Tambov: Derzhavinsky Publishing House, 2019, pt. 1, 117–121. (In Russ.)]
11. Бренёва М. О. О некоторых особенностях гражданско-правовой ответственности в спорте. *Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XXVII Междунар. науч.-практ. конф.* (Пенза, 5 мая 2020 г.) Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 85–87. [Breneva M. O. About some features of civil liability in sports. *Modern law: current issues, achievements, and innovations: Proc. XXVII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Penza, 5 May 2020. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2020, 85–87. (In Russ.)]
12. Ерофеев А. В. Особенности мер гражданско-правовой ответственности в области спорта. *Вестник экономики, права и социологии*. 2015. № 1. С. 93–96. [Erofeev A. V. Civil penalties in sport. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2015, (1): 93–96. (In Russ.)]
13. Буянова М. О. Понятие и природа спортивной ответственности. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. № 2. С. 161–176. [Buyanova M. O. The concept and nature of sports responsibility. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2021, (2): 161–176. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.2.161.176>
14. Чеботарев А. В. Юридическая ответственность за нарушение антидопинговых правил в России: проблемы и перспективы. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 3. С. 76–97. [Chebotarev A. V. Liability for violation of anti-doping rules in Russia: issues and prospects. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2019, (3): 76–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17-323/2072-8166.2019.3.76.97>
15. Смирнов В. Е., Купряшкин М. А., Геросименко А. А. Ответственность спортсменов за нарушение законодательства в области спорта. *Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур*. 2020. № 4. С. 173–177. [Smirnov V. E., Kupryashkin M. A., Gerosimenko A. A. Responsibility of athletes for violations of sports legislation. *Aktualnye problemy fizicheskoi i spetsialnoi podgotovki silovykh struktur*, 2020, (4): 173–177. (In Russ.)]
16. Мокрова А. Ю. Особенности юридической ответственности и разрешения споров в сфере спорта. *Международный журнал экспериментального образования*. 2017. № 1. С. 92–94. [Mokrova A. Yu. Features of legal responsibility and the resolution of disputes in sports. *International journal of experimental education*, 2017, (1): 92–94. (In Russ.)]
17. Штода И. С. Юридическая ответственности, ее признаки и стадии. *Бизнес в законе*. 2011. № 3. С. 43–45. [Shtoda I. S. Judicial responsibility, its signs and stages. *Biznes v zakone*, 2011, (3): 43–45. (In Russ.)]
18. Коваленко Е. Ю., Тыдыкова Н. В., Шавандина О. А. Спортивное право в системе отраслей российского права. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2021. Т. 5. № 2. С. 174–181. [Kovalenko E. Yu., Tydykova N. V., Shavandina O. A. Sports law in the system of Russian law. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(2): 174–181. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-2-174-181>
19. Князькова М. Г., Кортиев М. Л. Спортивная ответственность и спортивные санкции. *Известия Сочинского государственного университета*. 2013. № 4-2. С. 146–149. [Knyazkova M. G., Kortiev M. L. Responsibility in sports and sporting sanctions. *Izvestiia Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (4-2): 146–149. (In Russ.)]

оригинальная статья

Эволюция законодательной регламентации конфискации имущества в отечественной правовой системе

Горбачев Иван Сергеевич

Юго-Западный государственный университет, Россия, Курск

<https://orcid.org/0000-0002-3592-9253>

zic585@bk.ru

Поступила 16.03.2022. Принята после рецензирования 14.04.2022. Принята в печать 25.04.2022.

Аннотация: Институт конфискации имущества служит исторически неотъемлемым, известным с древних времен инструментом борьбы с преступностью. Противоречивая юридическая природа и неоднозначный характер обусловили тенденцию изменчивости его правового статуса в отечественной уголовно-правовой системе. Цель – объективная оценка роли и места конфискации имущества в современной России через рассмотрение богатого исторического опыта становления и развития данного института. Методологическая основа исследования представлена рядом традиционных, общенаучных (анализ, синтез, сравнение, прогнозирование) и частнонаучных методов познания: исторический метод позволил проследить специфику становления института конфискации в отечественном уголовном праве; сравнительно-правовой метод – сопоставить нормы различных исторических эпох, регламентирующие правовой статус конфискации; формально-юридический метод – доказать целесообразность сохранения правового статуса конфискации в российской правовой системе. Подробно рассмотрены особенности уголовно-правовой регламентации и применения конфискации имущества в дореволюционном и советском государстве. Обоснована взаимосвязь между экономическими потребностями страны и регламентацией, содержанием и порядком исполнения конфискации имущества. Аргументирована авторская позиция о необходимости сохранения конфискации в качестве иной меры уголовно-правового характера. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего теоретического осмысления вопросов, касающихся института конфискации имущества.

Ключевые слова: конфискации имущества, собственность, наказание, осужденный, суд, имущественный вред

Цитирование: Горбачев И. С. Эволюция законодательной регламентации конфискации имущества в отечественной правовой системе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 3. С. 255–262. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-255-262>

full article

The Evolution of the Legislative Regulation of the Confiscation of Property in the Domestic Legal System

Ivan S. Gorbachev

Southwest State University, Russia, Kursk

<https://orcid.org/0000-0002-3592-9253>

zic585@bk.ru

Received 16 Mar 2022. Accepted after peer review 14 Apr 2022. Accepted for publication 25 Apr 2022.

Abstract: The institute of confiscation of property serves as a historically integral tool, known since ancient times, to fight crime. The contradictory legal nature and ambiguous nature have led to a trend of variability of its legal status in the domestic criminal law system. An objective assessment of the role and place of confiscation of property in modern Russia requires consideration of the rich historical experience of the formation and development of this institution, which is the purpose of this work. The methodological basis of the study is represented by a number of traditional, general scientific (analysis, synthesis, comparison, forecasting) and private scientific methods of cognition. Among them, the most common were the historical method, which made it possible to trace the specifics of the formation of the institution of confiscation in domestic criminal law, the comparative legal method, with the help of which it was possible to compare the norms of different historical eras that regulate the legal status of confiscation. The formal legal method made it possible to prove the expediency of maintaining the legal status of confiscation in the Russian legal system. As a result of the study, the features of the criminal law regulation and application of property confiscation in the pre-revolutionary and Soviet state are considered in detail. The relationship

between the economic needs of the country and the regulation, content and procedure for the execution of property confiscation is substantiated. The author's position on the need to preserve confiscation as another measure of a criminal law nature is argued. The results obtained can be used in the process of further theoretical understanding of the institution of property confiscation.

Keywords: confiscation of property, property, punishment, convict, court, property damage

Citation: Gorbachev I. S. The Evolution of the Legislative Regulation of the Confiscation of Property in the Domestic Legal System. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2022, 6(3): 255–262. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-3-255-262>

Введение

В течение многих столетий конфискация имущества признается одним из наиболее спорных и дискуссионных институтов в уголовном праве. С момента закрепления в отечественной правовой системе конфискация претерпела существенные изменения разнообразного характера, начиная от особенностей процедуры применения и заканчивая ее местом в арсенале мер уголовно-правового реагирования на преступное поведение виновных лиц.

В зависимости от конкретной исторической эпохи постоянно трансформировался взгляд законодателя на институт конфискации имущества, что порождало необходимость обновления правовых норм, регламентирующих его статус. Подобные изменения не могли не отразиться на правовом сознании общественности, у которой сложилось противоречивое мнение о сущности и эффективности конфискации.

Не наблюдается единства точек зрения по вопросу правовой природы рассматриваемого института и в современной России. Конфискация имущества, признаваемая иной мерой уголовно-правового характера, заслужила немало критики как среди ученых и правоприменителей, так и среди российского населения. В научной среде широкое распространение получили взгляды о необходимости исторического возрождения прежнего правового статуса конфискации имущества [1, с. 81; 2, с. 77]. Немало исследователей придерживаются мнения о том, что место конфискации в уголовно-правовой системе соответствует потребностям современного российского общества [3, с. 84; 4, с. 39].

Целесообразно ли сохранить конфискацию в качестве иной меры уголовно-правового характера, как это предусмотрено российским законодателем, или следует вернуть ее прежний исторический статус? Разобраться в особенностях эволюционного развития конфискации и объективно оценить ее юридическую сущность на современном этапе существования российского государства позволит детальный анализ исторического становления института.

Методы и материалы. Методологическая основа исследования представлена рядом традиционных, общенаучных (анализ, синтез, сравнение, прогнозирование) и частнонаучных методов познания. Из числа последних мы использовали исторический метод, позволивший проследить специфику становления института конфискации в отечественном уголовном праве; сравнительно-правовой метод, при помощи которого удалось сопоставить нормы различных исторических

эпох, регламентирующие правовой статус конфискации; формально-юридический метод, содействующий доказательству целесообразности сохранения правового статуса конфискации в российской правовой системе.

Результаты

С началом зарождения отечественного государства представления законодателя о наказании, применяемом к лицу, преступившему закон, всегда были связаны с имущественными правоограничениями. Лишая человека экономического блага в виде собственности, государство стремилось добиться сразу нескольких целей: исправить виновное лицо посредством использования карательно-репрессивного элемента в виде изъятия имеющегося у него имущества, предупредить совершение новых преступлений, а также увеличить доходы казны.

Идея стимулирования правопослушного поведения лица под угрозой лишения собственности нашла свое отражение уже в Древней Руси. Русская Правда закрепляла самостоятельное наказание *поток и разграбление*, которое применялось за совершение наиболее опасных преступлений и выступало в качестве одной из самых суровых мер к нарушителям закона. Разграбление предполагало лишение виновного всего движимого и недвижимого имущества, в то время как поток предусматривал его изгнание и высылку [5, с. 138]. Хотя речь идет о двух разных наказаниях, одно из которых связано с лишением преступника имущественных, а другое – личных прав, указанные репрессивные меры применялись совместно, в качестве единой санкции.

Особый интерес в рамках темы исследования представляет порядок распределения собственности, изымаемой у виновных в совершении преступлений лиц. Если Русская Правда закрепляла принцип ее деления между потерпевшим и князем, то в Уставе князя Ярослава о церковных судах уже говорится о необходимости передачи определенной части изъятых имущества в пользу церкви [6, с. 8–9].

Активно использовалось рассматриваемое наказание и в период становления русского централизованного государства. Об этом свидетельствуют положения первого правового акта общегосударственного значения – Судебника 1497 г. Выступавшее в качестве дополнительного наказания за ряд преступлений (душегубство, разбой и т. д.) лишение имущества назначалось, как правило, по царскому усмотрению и предполагало отторжение имущества преступника в пользу царя или приближенных к нему лиц [7, с. 110].

По другим историческим источникам, изъятое у виновных лиц имущество переходило на возмещение судебных расходов. В частности, согласно положениям Судебника 1497 г., в качестве основного наказания за ряд преступных деяний предусматривалась смертная казнь, в то время как сохранившееся после возмещения причиненного ущерба имущество подлежало обращению в пользу лиц, осуществляющих правосудие [6, с. 9]. Иначе говоря, в XV в. отечественный законодатель предусмотрел для института конфискации новую функцию: он стал особым способом компенсации расходов судебных и карательных органов. Данный факт свидетельствует о том, что уже на первом этапе становления рассматриваемого института российское государство посредством изъятия имущества у лиц, преступивших закон, удовлетворяло собственные фискальные интересы. При этом перечень субъектов получения выгоды постоянно менялся в зависимости от текущих приоритетов страны.

В Соборном уложении 1649 г. впервые была предпринята попытка дифференциации дополнительного наказания в виде конфискации имущества. При этом сам термин *конфискация* вплоть до XVIII в. не фигурировал ни в одном историческом документе. Так, одна ее разновидность, в соответствии с нормами указанного нормативного акта, предполагала изъятие всего имущества у виновного лица («А поместья и вотчины и животы взяти на государя»¹) и чаще всего назначалась за политические преступления. Другая, частичная, носила менее репрессивный характер и предусматривала лишение злоумышленника орудий совершения преступления (например, изымались орудия незаконной торговли). Нередко данное наказание назначалось в качестве дополнительного к смертной казни.

В целом анализ норм Соборного уложения позволяет констатировать факт существования принципа распределения полученного в результате изъятия имущества в зависимости от вида совершенного преступления. Например, в случаях совершения обещанного убийства одна часть изымаемого имущества обращалась в пользу государства, в то время как другая – родственникам виновного («на прожиток² жене, матери, сестрам и дочерям») [8, с. 184]. Если совершенное деяние было направлено против государя и государственной службы, собственность виновного полностью передавалась в государственную казну. При совершении ряда имущественных преступлений (кражи, разбоя, мошенничества) собственность осужденного переходила в счет возмещения иска, заявленного потерпевшим от такого преступления. Видится, что нормы Соборного уложения предусмотрели довольно широкий круг деяний, за совершение которых виновному грозило наказание в виде изъятия имущества, сопутствовавшее основной санкции.

По словам знаменитого историка Н. Д. Сергеевского, применение конфискации имущества полностью оправдало потребности российского государства VII в., которое

из-за постоянных войн искало новые источники пополнения казны [9, с. 258–259]. В этой связи представляется возможным утверждать, что фискальные интересы государства обусловили необходимость формирования практики широкого применения института конфискации имущества. При этом по более тяжким преступлениям у виновного отбиралось все имущество, а по менее тяжким – только его часть.

Однако не во всех случаях изъятое имущество переходило в собственность государства или членам семьи виновного. В целях усиления борьбы с преступностью в московском государстве практиковалась идея вознаграждения конфискованным имуществом лиц, доносивших на состоятельных преступников. Подобная мера носила двойственный характер: с одной стороны, она способствовала обнаружению и раскрытию новых преступлений, с другой – порождала лжедонительство.

С наступлением петровской эпохи конфискация сохранила статус уголовного наказания, но приобрела особый характер и использовалась как универсальное средство реагирования на преступные посягательства в различных сферах жизни общества. Складывание абсолютизма привело к формированию специфики применения конфискации имущества, которая в петровские годы приобрела следующие черты:

- 1) широко применялась к инакомыслящим лицам (раскольникам, еретикам и т. д.);
- 2) предусматривалась Воинским артикулом 1715 г. в качестве санкции за совершение ряда воинских преступлений (сдачу в плен, измену родине, переписку с неприятелем, капитуляцию и т. д. [10, с. 348, 350, 376]);
- 3) классифицировалась на общую и частичную (например, за шельмование виновного ждало наказание в виде лишения пожитков или изъятия части имущества [11, с. 160]);
- 4) назначалась за широкий круг различных по характеру преступлений (к наказанию в виде конфискации прибегали за совершение торговли платьем с рук или за подбивку сапог железными скобами в целях сохранения деревянного покрытия петербургских улиц и т. д.);
- 5) предполагала особый порядок распределения конфискованного имущества (собственность, изъятая у инакомыслящих, направлялась на содержание госпиталей; у лиц, утаивших руду, – на содержание Берг-коллегии и т. д.).

Итак, в период нахождения у власти Петра I конфискация имущества стала сверхпопулярной мерой реагирования на причинение вреда различным сферам общественной жизни, охраняемым законом. Такая распространенность легко объяснима: государству, постоянно участвующему в войнах, был необходим дополнительный источник финансирования бюджета, которым и стала конфискация.

Однако, как было указано выше, сам термин *конфискация* не фигурировал в обозначенных нормативных актах и впервые появился в тексте закона только в конце XVIII в.,

¹ Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича, сост. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 81.

² Н. В. Шашков в работе [8] использует лексику *пожиток*. Исправлено нами на термин *прожиток*.

с приходом к власти Екатерины II. Жалованная грамота 1785 г. закрепляет понятие *конфисковать*, смысл которого сводился к принудительному изъятию имущества [6, с. 6, 14]. Вместе с тем под влиянием идей просвещения складывается тенденция постепенного отказа от применения конфискации имущества в отношении отдельных категорий населения. Так, императрицей была отменена конфискация дворянских имений. Внук Екатерины II, Александр I, продолжил политику императрицы и запретил конфисковать имущество у купцов первой и второй гильдий.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (Уложение 1845 г.) исключило конфискацию имущества из перечня уголовных наказаний, переведя ее в разряд последствий применения определенного наказания [12, с. 14]. И общая, и специальная конфискация фрагментарно фигурировали в нормах Уложения 1845 г. Основные положения обозначенного нормативного акта предусматривали, что, если преступник окажется несостоятельным, из его собственности прежде всего удерживаются средства за убыток, причиненный потерпевшему. Подобное имущественное взыскание именовалось понятием *отобрание вещей* и классифицировалось на отобрание всего имущества и отдельных предметов. Вся имеющаяся собственность изымалась у лиц, совершивших государственные преступления (бунт, измена, заговор). Предметами применения специальной конфискации были запрещенные книги, испорченные продукты, а также иные орудия и средства совершения преступлений [7, с. 111; 13, с. 78]. Подробный анализ норм Уложения 1845 г. позволяет классифицировать обозначенные предметы специальной конфискации на три группы:

- 1) имущество, запрещенное законом для оборота;
- 2) имущество, выступающее в качестве орудия совершения преступления;
- 3) имущество, полученное в результате совершения преступления.

Отметим, что в нормах Уложения 1845 г. явно прослеживается тенденция сокращения применения конфискации. Об этом свидетельствует законодательно закрепленная возможность ее использования только в отношении преступлений, характеризующихся повышенной общественной опасностью. Кроме того, применение конфискации значительно усложняло условие, связанное с существованием «особенных обстоятельств» или «особых о том постановлений или распоряжений правительства» [13, с. 78–79].

Зародившаяся в екатерининскую эпоху идея о несправедливости конфискации имущества, которая «противоречит основным началам собственности», вновь нашла отражение в российском законодательстве [14, с. 282]. Уложение о наказаниях 1885 г. ни в одной из своих норм не упоминает данный институт. Существенно сокращено его применение и в Уголовном уложении 1903 г., которое упразднило использование общей конфискации. Данный нормативный акт предусматривал возможность использования исключительно специальной конфискации как меры, сопутствующей наказанию («изъятие средств преступлений

или его результатов» [13, с. 80]). Изъятые имущество передавалось в собственность государства или частных лиц либо уничтожалось (например, если предметом изъятия служили запрещенные для оборота вещи).

В научном сообществе конца XIX–начала XX вв. одновременно с сокращением применения конфискации началась активная критика данного института. По словам знаменитого российского правоведа Н. С. Таганцева, совершенно несправедливо лишать имущества лиц, не повинных в преступлении. В данном случае ученый говорит о конфискации как о дополнительной (наряду со смертной казнью) мере воздействия. Не признает исследователь и состоятельности конфискации в целом, называя ее крайне неуравновешенной мерой [15, с. 311–312].

Подводя промежуточный итог исследования, отметим, что конфискация имущества стала неотъемлемым элементом уголовно-правовой политики дореволюционной России и регламентировалась подавляющим большинством нормативных актов данного периода. Получив распространение на заре становления Древнерусского государства, конфискация стала не только дополнительным источником дохода для страны, но и уникальным средством воздействия как на преступника, так и на членов его семьи. С проникновением в отечественное государство отдельных элементов просветительской идеологии применение конфискации, превратившейся из самостоятельного наказания в его «побочный эффект», было сведено к минимуму.

Ситуация изменилась после свержения династии Романовых и перехода власти к большевистскому правительству. С первых лет существования советской власти конфискация приобрела новый правовой статус. Обновленное государство, фактически отрицавшее имущественные права населения, нашло в институте конфискации особое средство достижения политических целей. Представители советской власти таким образом стремились лишить классовых противников страны собственности, полученной за счет эксплуатации трудящихся. В качестве самостоятельного наказания конфискация часто фигурировала во многих декретах Совета народных комиссаров, которые носили бессистемный и разрозненный характер: «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле», «О запрещении сделок с недвижимостью» и др. [16, с. 50]. Конфискация активно применялась и в деревне: к лицам, у которых были найдены излишки хлеба, применялось наказание в виде лишения свободы с одновременной конфискацией всего имеющегося у них имущества. Довольно широким был круг субъектов, уполномоченных назначать конфискацию. К ним относились народные суды; революционные трибуналы; чрезвычайные комиссии, обладающие правом вынесения приговоров; административные власти (в исключительных случаях).

Подтвердил возрождение конфискации имущества первый систематизированный нормативный акт советской власти – Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. Он предусмотрел возможность полного и частичного изъятия имущества, которое применялось

как отдельно, так и совместно с другими наказаниями. Вместе с тем законом не регламентировались основания и условия применения конфискации имущества. Использование данного института осуществлялось параллельно с началом широкой национализации, что позволило современникам высказываться о конфискации как о экономической, нежели правовой мере [17, с. 89].

Безусловно, на рассматриваемый институт не могла не оказать влияние и советская идеология. Конфискация стала особым, «острым оружием классовой борьбы в руках пролетариата» [16, с. 50]. Она широко назначалась за наиболее опасные для государства преступления, посягающие на охрану советского строя. Речь идет о контрреволюционных преступлениях, деяниях против нормального порядка управления, воинских деяниях и т. д. Больше четверти закрепленных в УК РСФСР 1922 г. преступлений предусматривали санкцию в виде конфискации имущества. Кроме того, законодатель предоставил возможность назначать ее в качестве дополнительной санкции к любому преступлению, о чем гласит ст. 50 УК РСФСР 1922 г. При полной конфискации передаче в государственные руки подлежала вся собственность виновного (исключение, согласно ст. 38 УК РСФСР 1922 г., составляли самые необходимые предметы домашнего обихода, инвентаря и продукты)³.

В последующих нормативных актах перечень оставляемого преступнику имущества постоянно конкретизировался. Так, уже в положениях УК РСФСР 1926 г. определяется точный размер средств, оставляемых виновному. Он не должен был быть меньше средней заработной платы осужденного за три месяца. При этом в расчет принимался размер заработка в конкретной местности, где проживал виновный. Однако как такового «классического» перечня запрещенных к изъятию вещей в законе не содержалось. Он зависел от характеристики самого преступления, а также субъекта, его совершившего. Например, за преступные деяния, связанные с несвоевременным выполнением государственных обязательных натуральных поставок и неуплатой денежных платежей, конфискации подлежали только единичные хозяйства. Интерес представляет законодательное именование конфискации. УК РСФСР 1926 г. трактует конфискацию как «меру социальной защиты судебно-исправительного характера» (наряду с другими уголовными наказаниями), разделяя ее на полную и частичную⁴.

С 1920-х гг. начинается возрождение института конфискации, которая выступала как в качестве основного, так и дополнительного наказания и назначалась даже за совершение преступлений небольшой тяжести. Основная предпосылка такого бурного расцвета института конфискации имущества – исторические потребности развития СССР. Процессы индустриализации и коллективизации, параллельно

идущие с активной подготовкой государства к войне, нуждались в серьезных материальных ресурсах. Бюджетных средств катастрофически не хватало, и властям приходилось искать альтернативные источники пополнения доходов. Прав А. А. Олейников, утверждающий, что государство, закрепив на законодательном уровне возможность тотального применения конфискации, «обеспечило постоянный источник дохода в казну» [7, с. 113].

Более того, данный институт в советский период отличался от дореволюционной конфискации большей проработанностью со стороны законодателя. Так, довольно гуманным видится положение об обязанности государства возвращать изъятое имущество в случае его реальной принадлежности не преступнику, а третьим лицам (ст. 41 УК РСФСР 1926 г.).

Период ведения военных действий в СССР не изменил правовую природу конфискации, которая уже не назначалась повсеместно за совершение целого ряда преступлений, а стала применяться более предметно, по большей части за деяния, посягающие на нормальную деятельность государства и органов государственной власти. Первые шаги к гуманизации процедуры конфискации имущества связаны с принятием в 1947 г. и в 1953 г. постановлений Пленума ВС СССР, в которых подробно излагался перечень недостатков данного института. Среди основных из них выделим следующие:

- 1) при назначении конфискации суды не принимали во внимание не только общественную опасность содеянного, но и степень вины, а также характеристику личности осужденного;
- 2) зачастую изымалась собственность, не подлежащая конфискации;
- 3) судами не проверялась реальная принадлежность имущества виновным лицам;
- 4) возникали постоянные противоречия в определении размера конфискуемого имущества и т. д.⁵

Подобный судебный произвол был недопустим, особенно в условиях постепенного стремления власти к демократизации общества. Период «оттепели» нашел свое отражение в действующем уголовном законодательстве: принятый в 1960 г. УК РСФСР существенно сократил перечень преступлений, за которые назначалась конфискация, и сохранил ее в отношении государственных и тяжких корыстных деяний. Кроме того, был строго унифицирован круг предметов, не подлежащих конфискации. Теперь он был единый и не зависел от субъекта преступления и вида преступного деяния. Рассматриваемый нормативный акт также лишил суды возможности назначать конфискацию при условном осуждении виновного лица⁶.

Конфискация приобрела статус исключительно дополнительного уголовного наказания и больше не могла назначаться

³ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (утратил силу). *Кодекс*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 01.02.2022).

⁴ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (утратил силу). *Кодекс*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 01.02.2022).

⁵ О судебной практике по применению конфискации имущества. Постановление Пленума ВС СССР № 7 от 29.09.1953 (с изм. и доп.). *СПС Гарант*.

⁶ Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (утратил силу). *Кодекс*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9037819> (дата обращения: 02.02.2022).

за любое преступление, предусмотренное уголовным законодательством: ст. 44 УК РСФСР 1960 г. регламентировала обязательность ее указания в санкции статьи. Другая особенность правового статуса конфискации состояла в том, что выбор ее конкретного вида (полной или частичной) оставался за судебными органами, которые должны были исходить из степени тяжести содеянного и характеристик личности виновного, включая его семейное и материальное положение.

УК РСФСР 1960 г. условно разделил конфискацию имущества на три вида:

- 1) полная (вся собственность осужденного передавалась государству);
- 2) частичная (изымалось только то имущество, которое было конкретно указано в приговоре суда);
- 3) специальная (обращению подлежали те предметы, орудия или средства, которые использовались при совершении преступления).

Указанные положения о конфискации действовали вплоть до принятия УК РФ 1996 г. В соответствии со ст. 58 обозначенного нормативного акта такой дополнительный вид наказания, как конфискация имущества, мог назначаться виновным исключительно за совершение определенной группы преступлений, а именно корыстных тяжких и особо тяжких деяний. Данная санкция назначалась по усмотрению суда и лишь при ее наличии в соответствующих нормах Особенной части УК РФ⁷.

Уголовный закон молодого государства предусматривал запрет на назначение конфискации несовершеннолетним и условно осужденным лицам, а также содержал подробную характеристику того имущества, которое взыскивать запрещено. Речь шла о собственности виновного и его иждивенцев, а ее подробный список содержался в уголовно-исполнительном законодательстве (УИК РФ). Также УИК РФ детально прописывал перечень имущества, подлежащего изъятию, включая собственность, которой осужденный владел совместно с кем-либо. Обновленная Россия унаследовала возможность применения полной или частичной конфискации⁸.

В соответствии с положениями ФЗ № 162-ФЗ от 08.12.2003 нормы о конфискации имущества были изъятые из российского уголовного закона. Взамен ликвидированного института устанавливались высокие размеры штрафа. Ярким примером может стать санкция ч. 1 ст. 164 УК РФ, в которой вместо оборота «с конфискацией имущества или без таковой» теперь использовалась конструкция «со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового»⁹.

Свое решение отечественный законодатель мотивировал рядом обстоятельств, среди которых отсутствие согласованности с международно-правовыми требованиями

о праве собственности; низкая эффективность наказания (в государственный бюджет поступало не более 7 % конфискованного имущества [18, с. 5]); сокрытие виновными лицами имущества до приговора суда; несправедливость взимания имущества, полученного законным путем, и т. д.

Можно с уверенностью утверждать, что после исключения норм о конфискации из российского уголовного закона представители общественности, научного и практического сообществ разделились на два лагеря: одни поддерживали внесенные изменения, в то время как другие отстаивали идею о необходимости восстановления института конфискации в России. Сторонники возвращения рассматриваемого института, ссылаясь на необходимость следования ряду международно-правовых обязательств, считают конфискацию единственным эффективным средством уголовно-правовой борьбы с отдельными категориями преступников (коррупционерами, ворами-рецидивистами, наркоторговцами и т. д.). По словам Е. А. Пашенко, возвращение конфискации в разряд видов наказаний представляется обоснованной потребностью российского общества и улучшения качества уголовного закона в целом [1, с. 85]. Приверженцы принудительного изъятия имущества убеждены в том, что данная мера по степени карательно-репрессивного воздействия оказывает на осужденных гораздо более серьезное исправительное воздействие, чем самые суровые наказания, предусмотренные российской правовой системой (например, лишение свободы). Так, С. В. Землюков подчеркивает особую эффективность конфискации в борьбе с преступными посягательствами в сфере незаконного оборота наркотиков, отмечая, что «даже большие сроки лишения свободы не пугают наркоторговцев, потому что деньги от торговли наркотиками остаются при них, точнее, у родственников» [2, с. 77].

Активная критика ликвидации изучаемого института заставила власть пойти на компромисс: в 2006 г. конфискация имущества была возвращена в УК РФ, но уже в качестве иной меры уголовно-правового характера. При этом законодатель ограничился закреплением перечня деяний, совершение которых предполагает конфискацию денег, ценностей и иного имущества, в рамках единственной нормы, – ст. 104.1 УК РФ. Таким способом законодатель вернул в действующий закон вызвавшую широкий общественный резонанс конфискацию имущества, придав ей при этом иной правовой статус.

Подобное законодательное решение видится целесообразным и продуманным, поэтому мы разделяем позицию действующей власти относительно правового положения института конфискации. На протяжении ряда столетий российское государство не смогло рационально применить конфискацию как уголовное наказание и превратило ее в бесконтрольное средство пополнения доходов страны,

⁷ Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 24.09.2022). СПС КонсультантПлюс.

⁸ Уголовно-исполнительный кодекс РФ № 1-ФЗ от 08.01.1997 (ред. от 11.06.2022). СПС КонсультантПлюс.

⁹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации. ФЗ № 162-ФЗ от 08.12.2003. СПС Гарант.

о чем свидетельствует рассмотренный исторический опыт. Представляется, что существование конфискации в том виде, в котором она закреплена в действующем уголовном законе, вполне оправдано, а ее направленность на ограниченный круг имущества в полной мере соответствует целям и задачам российской уголовно-правовой политики. «Новая» конфискация имеет узконаправленный характер и распространяется на строго ограниченный перечень деяний, совершение которых делает возможным изъятие у виновного имущества. Их детальный анализ характеризует конфискацию не только как эффективное средство борьбы с организованной преступностью, позволяющее «выбить ее экономическую базу», но и как результативный механизм предупреждения корыстных деяний и преступлений экономической направленности [19, с. 68].

Кроме того, можно утверждать, что в правовой системе РФ на сегодняшний день применяется достаточное количество наказаний, связанных с ущемлением имущественных прав и интересов виновного. В этой связи следует избегать избыточного использования конфискации в российской правовой системе. Однако не стоит полностью отказываться от конфискации имущества: выступая вспомогательным средством репрессивного воздействия на преступника, она занимает совершенно справедливое место в арсенале иных мер уголовно-правового характера.

Таким образом, в современной России необходимо назначать конфискацию имущества дозированно, в рамках иной меры уголовно-правового характера. Законодатель совершенно целесообразно в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ ограничил перечень преступлений, за совершение которых у виновного может быть конфисковано имущество. Нельзя не отметить, что УК РФ довольно часто пополняется новыми конфискационными деяниями, что свидетельствует о повышенном внимании к данному вопросу.

Заключение

Конфискация имущества как институт, возникший практически одновременно с образованием государственности на Руси, прошел в эволюционном развитии долгий путь. Сохранившись практически на всех этапах развития отечественного уголовного права, она постоянно приобретала различные формы реализации. В зависимости от конкретной исторической эпохи происходили постоянные изменения в регламентации как правового статуса конфискации, так и судьбы изымаемого имущества.

Трансформация процессов уголовно-правовой регламентации института конфискации имущества напрямую зависела

от целей и установок политики российского государства. Вплоть до проникновения в страну идей просветительства конфискация, выступавшая средством пополнения бюджета государства и обогащения отдельных субъектов, была довольно популярным наказанием дореволюционной России. В XIX в. изъятие имущества у преступников свелось к минимуму, а сама конфискация из наказания превратилась в его последствие. Исторические процессы, произошедшие в стране в начале XX в., заставили пересмотреть взгляды на место конфискации в системе репрессивных мер государства. Революция, гражданская война, индустриализация и коллективизация потребовали поиска новых экономических ресурсов. Инструментом пополнения государственной казны стала повальная конфискация имущества, назначение которой не зависело от тяжести преступления. Законодатель вернул ей статус как основного, так и дополнительного вида уголовного наказания.

Государство отказалось от повсеместного применения конфискации только в 1960-е гг. Одновременно с ее переводом в разряд дополнительных наказаний законодатель строго ограничил перечень преступных деяний, за которые она могла назначаться. Статус дополнительного наказания сохранился у конфискации и с принятием в 1996 г. УК РФ, однако спустя несколько лет она была полностью исключена из российского уголовного законодательства. Вернувшись в УК РФ в 2006 г., конфискация приобрела новый правовой статус и пополнила перечень иных мер уголовно-правового характера.

Представляется, что конфискация имущества занимает заслуженное место в системе средств уголовно-правового воздействия на лиц, преступивших закон. По ряду объективных причин современное российское государство не нуждается в историческом возрождении данного института в качестве отдельного вида уголовного наказания. Лимитированное применение конфискации как иной меры уголовно-правового характера, распространяемой в отношении круга поименованных в законе деяний, видится наиболее эффективным, в полной мере соответствующим целям и задачами российской уголовной политики способом борьбы с определенными категориями преступлений.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Пашченко Е. А. Конфискация имущества: реалии и ожидания. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2015. № 4. С. 81–88. [Pashchenko E. A. The confiscation of property: reality and waiting. *North Caucasus Legal Vestnik*, 2015, (4): 81–88. (In Russ.)]
2. Землюков С. В. Институт конфискации имущества требует совершенствования. *Известия АлтГУ*. 2016. № 3. С. 76–79. [Zemlyukov S. V. The institution of confiscation requires improvement. *Izvestiya of Altai State University*, 2016, (3): 76–79. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2016\)3-14](https://doi.org/10.14258/izvasu(2016)3-14)

3. Шевелева С. В. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера. *Судебная власть и уголовный процесс*. 2019. № 3. С. 73–84. [Sheveleva S. V. Confiscation of property as another criminal law measure. *Sudebnaia vlast i ugovolnyy protsess*, 2019, (3): 73–84. (In Russ.)]
4. Куликов А. В., Хибнерс Ю. А. Проблемы назначения и применения конфискации имущества. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2021. № 1. С. 39–46. [Kulikov A. V., Hibners Yu. A. Problems of the appointment and application of property confiscation. *Izvestiia Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki*, 2021, (1): 39–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2071-6184-2021-1-39-46>
5. Кулиш М. М. История развития института конфискации имущества. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2017. № 6-7. С. 137–139. [Kulish M. M. History of the development of the property confiscation institute. *Humanities, social-economic and social sciences*, 2017, (6-7): 137–139. (In Russ.)]
6. Пропостин А. А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее. М.: Юрлитинформ, 2011. 264 с. [Propostin A. A. *Confiscation of property: past, present, future*. Moscow: Iurlitinform, 2011, 264. (In Russ.)]
7. Олейников А. А. История становления законодательства России о конфискации имущества как уголовно-правовой меры воздействия на преступность. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2016. № 4. С. 109–118. [Oleynikov A. A. Story of formation of the legislation of Russia about confiscation of property as criminal and legal corrective action on crime. *Humanities, social-economic and social sciences*, 2016, (4): 109–118. (In Russ.)]
8. Шашков Н. В. Конфискация имущества: ретроспективный анализ. *Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2009. № 2. С. 182–186. [Shashkov N. V. Seizure of property: retrospective analysis. *Ekonomicheskaiia bezopasnost Rossii: politicheskie orientiry, zakonodatelnye prioritety, praktika obespecheniia: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2009, (2): 182–186. (In Russ.)]
9. Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб.: А. Ф. Цинзерлинг, 1887. 300 с. [Sergeevsky N. D. *Punishment in the Russian law of the XVII century*. St. Petersburg: A. F. Tsinzerling, 1887, 300. (In Russ.)]
10. Российское законодательство X–XX веков. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма, отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1986. 512 с. [Russian legislation of the 10th–20th centuries. Vol. 4: *Legislation of the period of formation of absolutism*, ed. Mankov A. G. Moscow: Iurid. lit., 1986, 512. (In Russ.)]
11. Филиппов А. Н. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. М.: Унив. тип, 1891. 457 с. [Filippov A. N. *On the punishment under the legislation of Peter the Great, in connection with the reform*. Moscow: Univ. tip, 1891, 457. (In Russ.)]
12. Пимонов В. А. Конфискация имущества как вид наказания по уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 27 с. [Pimonov V. A. *Confiscation of property as a form of punishment under criminal law*. Cand. Law Sci. Dis. Abstr. Moscow, 2002, 27. (In Russ.)]
13. Николаев К. Д. Регламентация конфискации имущества по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовному Уложению 1903 г. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. 2018. № 2. С. 78–81. [Nikolaev K. D. The regulation of property confiscation on Code about Punishments of Criminal and Corrective of 1845 and Criminal Code of 1903. *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 2018, (2): 78–81. (In Russ.)]
14. Горбачев И. С. Конфискация имущества в уголовно-правовых предписаниях зарубежных стран: особенности регламентации и правоприменения. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2022. Т. 8. № 2. С. 280–289. [Gorbachev I. S. Confiscation of property in the criminal law regulations of foreign countries: features of regulation and law enforcement. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*, 2022, 8(2): 280–289. (In Russ.)]
15. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Ч. 2. М.: Юрайт, 2019. 446 с. [Tagantsev N. S. *Russian criminal law. Pt. 2*. Moscow: Iurait, 2019, 446. (In Russ.)]
16. Швеков Г. В. Первый советский уголовный кодекс. М.: Высшая школа, 1970. 207 с. [Shvekov G. V. *The first Soviet criminal code*. Moscow: Vysshiaia shkola, 1970, 207. (In Russ.)]
17. Самгина Д. И. Конфискация имущества. *Наказания, не связанные с лишением свободы*, под ред. И. М. Гальперина. М.: Юрид. лит., 1972. С. 89–98. [Samgina D. I. Confiscation of property. *Punishments not related to deprivation of liberty*, ed. Galperin I. M. Moscow: Iurid. lit., 1972, 89–98. (In Russ.)]
18. Назаренко Г. В. Конфискация и возмещение ущерба как меры уголовно-правового характера. *Следователь*. 2006. № 9. С. 5–10. [Nazarenko G. V. Confiscation and compensation for damage as a measure of a criminal law nature. *Sledovatel*, 2006, (9): 5–10. (In Russ.)]
19. Илло Д. А. Историко-правовые тенденции развития института конфискации имущества. *Молодой ученый*. 2010. № 5-2. С. 66–68. [Illo D. A. Historical and legal trends in the development of the institution of property confiscation. *Molodoi uchenyi*, 2010, (5): 66–68. (In Russ.)]

Подписано к печати 07.10.2022.

Дата выхода в свет 12.10.2022.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А4.

Усл. печ. л. – 12. Уч.-изд. л. – 12.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.